

*Императорскаго Юрьевского
Университета*

ОТЗЫВЪ О СОЧИНЕНІИ

В. И. Сергѣевича: *отъ автора.*

„Древности Русскаго Права“,

томъ I, 1909 г., томъ II, 1908 г. (изд. 3-ье).

Составленный

Проф. Ѳ. В. Тарановскимъ

по порученію Юридическаго Факультета Императорскаго
Юрьевского Университета

для присужденія преміи графа Сперанскаго.

118026

Типографія К. Маттисена.

1911.

Оглавление.

	Стр.
Предисловіе	1
I. Предварительныя замѣчанія о задачѣ отзыва и общемъ характерѣ разбираемаго сочиненія	5
II. Разборъ ученія о территоріи древней Руси	12
III. Разборъ ученія о населеніи	21
IV. Разборъ ученія о вѣчѣ	44
V. Разборъ ученія о междукняжескихъ отношеніяхъ	68
VI. Разборъ ученія о „совѣтникахъ князя“, о взаимоотношеніи государства и церкви въ древней Руси и о характерѣ власти московскихъ государей	90
VII. Заключение	112

Предисловіе.

1 января 1910 года объявлено было Министерством Народнаго Просвѣщенія о присужденіи очередной преміи графа Сперанскаго заслуженному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, почетному члену Императорскихъ Юрьевскаго, Харьковскаго и Кіевскаго Университетовъ, члену Государственнаго Совѣта Василю Ивановичу Сергѣевичу за третье изданіе перваго и втораго томовъ его Древностей русскаго права.

Премія графа Сперанскаго выдается Министерством Народнаго Просвѣщенія черезъ три года за наиболѣе выдающееся сочиненіе по отечественному праву, которое появилось за послѣдніе три года, притомъ безразлично въ первомъ-ли, или въ повторныхъ изданіяхъ. Присужденіе преміи предоставляется Юридическимъ Факультетамъ Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ по особой очереди, устанавливаемой между ними въ этомъ отношеніи Министерствомъ. На соисканіе преміи поступаютъ какъ сочиненія, представляемыя для этой цѣли самими авторами, такъ и сочиненія, предлагаемыя Факультетомъ безъ какого бы то ни было заявленія со стороны ихъ авторовъ. Факультетъ обсуждаетъ достоинства всѣхъ выставленныхъ на соисканіе сочиненій и въ предварительномъ постановленіи отмѣчаетъ наиболѣе выдающееся изъ нихъ. О послѣднемъ

4-IV A
12284

дается особый отзывъ, который составляется по порученію Факультета однимъ изъ его членовъ по соответственной специальности. По заслушаніи этого отзыва Факультетъ дѣлаетъ окончательное постановленіе о присужденіи преміи. Самый отзывъ можетъ подлежать напечатанію въ силу особаго постановленія объ этомъ Факультета. Автору отзыва можетъ быть присуждена Факультетомъ большая золотая медаль графа Сперанскаго. На печатаніе отзыва можетъ быть выдано специальное пособіе изъ процентныхъ суммъ капитала преміи.

Присужденіе преміи графа Сперанскаго, подлежавшей выдачѣ 1 января 1910 года, было возложено Министерствомъ на Юридическій Факультетъ Императорскаго Юрьевскаго Университета. Факультетъ призналъ наиболѣе выдающимся названное выше сочиненіе В. И. Сергѣевича, которое было выставлено на соисканіе преміи членами Факультета безъ какого бы то ни было заявленія со стороны автора. Составленіе отзыва было поручено Факультетомъ пишущему эти строки, какъ представителю кафедры исторіи русскаго права. На основаніи отзыва премія графа Сперанскаго была присуждена Факультетомъ В. И. Сергѣевичу. Состоялось также постановленіе Факультета о напечатаніи отзыва, присужденіи автору его большой золотой медали графа Сперанскаго и выдачѣ пособія на печатаніе отзыва.

Пособіе было отпущено Министерствомъ въ маѣ мѣсяцѣ 1910 года. Не смотря на это, отзывъ выходитъ въ свѣтъ только спустя годъ съ лишнимъ. Причиною такого промедленія было то, что въ теченіе указаннаго срока все время которое оставалось у автора отзыва свободнымъ отъ занятій по преподаванію и университетскому самоуправленію, уходило на дописываніе и печатаніе другой болѣе обширной работы, окончанія которой нельзя было отложить. При такомъ положеніи дѣла рѣшительно не было возможности заняться окончательной отдѣлкой отзыва для печати и печатаніемъ его.

Вынужденное указанными обстоятельствами промедленіе все же весьма чувствительно и крайне досадно для автора какъ потому, что интересы академической гласности несомнѣнно требуютъ возможно скораго обнародованія подобныхъ отзывовъ, такъ и еще болѣе вслѣдствіе того, что приходится выпускать отзывъ въ свѣтъ тогда, когда самого лауреата нѣтъ болѣе въ живыхъ.

26 ноября 1910 года скончался Василій Ивановичъ Сергѣевичъ. Отъ этой невознаградимой утраты осиротѣла русская историко-юридическая наука.

Выпуская въ свѣтъ настоящій отзывъ, авторъ этимъ приписитъ посильную дань уваженія незабвенной памяти Василія Ивановича Сергѣевича, признаннаго корифея въ наукѣ исторіи русскаго права и почетнаго члена Императорскаго Юрьевскаго Университета, на долю Юридическаго Факультета котораго выпала честь увѣнчать покойнаго въ послѣдній годъ его жизни преміей имени русскаго Трибоніана.

15 іюля 1911 года.

Карлсбадъ на Рижскомъ взморьѣ.

Ө. Тарановскій.

ОТЗЫВЪ

о сочиненіи В. И. Сергѣевича:

„Древности русскаго права“,

томъ I, 1909 г.; томъ II, 1908 г.; изд. 3-ье.

I.

Начало систематической разработки исторіи русскаго права, какъ самостоятельной научной дисциплины, никакъ не можетъ быть отодвинуто въ глубь прошлаго далѣе исхода двадцатыхъ годовъ минувшаго столѣтія. Такимъ образомъ эта научная дисциплина только что закончила восьмидесятилѣтіе своего существованія. Вся вторая, наиболѣе продуктивная половина пройденнаго пути неразрывно связана съ неутомимой научной дѣятельностью В. И. Сергѣевича. Тонкій анализъ національныхъ и иноземныхъ элементовъ права въ договорахъ Руси съ греками, критическое изданіе Русской Правды, изслѣдованіе „государственнаго устройства и управленія во времена князей Рюриковичей“, выясненіе своеобразныхъ условій правообразованія въ Московскомъ государствѣ и созиданія т. н. московской старины, опредѣленіе юридической природы земскихъ соборовъ, тщательное расчлененіе классовой и сословной группировки населенія, изученіе порядка землевладѣнія, тягла и военной службы въ Московскомъ государствѣ, изданіе документовъ, разсмотрѣніе дѣятельности и объясненіе неудачъ Екатерининской комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія, пролитіе новаго свѣта на юридическое сформированіе поземельной общины въ XVIII столѣтіи, — таковъ перечень наиболѣе

крупных вкладов В. И. Сергѣевича въ научную разработку исторіи русскаго права. Если къ этому добавить рядъ систематическихъ изданій „Лекцій и изслѣдованій“ (начиная съ 1883 года) и „Древностей“ (начиная съ 1890 года), то станетъ очевиднымъ то несомнѣнно выдающееся мѣсто, которое принадлежитъ В. И. Сергѣевичу среди научныхъ представителей исторіи русскаго права. Мѣсто это находится безспорно въ тѣсной группѣ корифеевъ, труды и авторитетъ которыхъ созидали науку исторіи русскаго права, какъ самостоятельную дисциплину, разрѣшали ея насущные вопросы, намѣчали предметъ и путь для дальнѣйшихъ изысканій. При такомъ положеніи дѣла одно уже имя В. И. Сергѣевича ставитъ для отзыва о томъ или другомъ изъ его произведеній особую задачу. Задача эта, думается намъ, заключается не въ обычномъ подробномъ анализѣ всѣхъ частныхъ положеній, а въ общемъ учетѣ значенія даннаго произведенія въ поступательномъ ходѣ развитія науки.

Нашему отзыву подлежитъ третье изданіе I-го и II-го томовъ Древностей русскаго права. Оно содержитъ въ себѣ частичныя перемѣны и дополненія, но въ общей и основной концепціи автора не представляетъ собою никакихъ существенныхъ отступленій отъ взглядовъ и положеній, сформулированныхъ въ первомъ изданіи. Третье изданіе отдѣлено отъ перваго довольно значительнымъ промежуткомъ времени, — для I-го тома въ девятнадцать лѣтъ, для II-го — въ двѣнадцать (считая съ выхода въ свѣтъ второго выпуска). Время вполне достаточное для того, чтобы историко-юридическое произведеніе, посвященное къ тому же важнѣйшимъ сторонамъ политико-правового строя нашего отечества, успѣло подвергнуться критической провѣркѣ во всѣхъ его частяхъ и въ разныхъ направленіяхъ. Такая провѣрка дѣйствительно имѣла мѣсто. Когда кому либо изъ изслѣдователей приходилось разсматривать вопросы, разработанные въ Древностяхъ русскаго права, онъ съ особенною тщательностью выяснялъ свое отношеніе къ тому ихъ рѣшенію, которое дается В. И. Сергѣевичемъ. Послѣдній въ свою очередь не оставлялъ безъ возраженія расходившихся съ нимъ научныхъ мнѣній. При такомъ положеніи дѣла было бы излишне повторять всю уже совершенную критическую работу. Намъ остается только подвести

ей итогъ и учесть значеніе разсматриваемаго произведенія для современнаго состоянія русской историко-юридической науки. Такая постановка отзыва тѣмъ болѣе уместна, что Древности русскаго права неразрывно связаны со всей предшествовавшей научной работой ихъ автора и въ отдѣльных частяхъ своихъ воспроизводятъ даже первый по времени научный трудъ его: „Вѣче и князь“.

Два первыхъ тома Древностей русскаго права даютъ изслѣдованіе нѣкоторыхъ избранныхъ авторомъ отдѣловъ нашего государственнаго права съ древнѣйшихъ временъ до конца XVII вѣка. Изложеніе распределено по тремъ конститутивнымъ элементамъ государственной жизни, каковы: территорія, населеніе и власть. Ученію о территоріи и населеніи посвященъ первый томъ, учению о власти — второй. Что касается полноты изложенія предмета, то не всѣ три указанныхъ элемента представлены въ изслѣдованіи автора одинаково. Изложеніе „территоріи“ и особенно „населенія“ является исчерпывающимъ, но нельзя сказать того же про ученіе о „власти“. Въ послѣднемъ авторъ останавливается исключительно на вѣчѣ, междукняжескихъ отношеніяхъ и совѣщательномъ участіи въ верховномъ управленіи высшихъ элементовъ служилыхъ людей и духовенства. Относительно главы, посвященной духовенству, необходимо однако сдѣлать нѣкоторое дополнительное разъясненіе. Хотя глава эта и подведена подъ общую рубрику „совѣтниковъ князя“, тѣмъ не менѣе содержаніе ея выходитъ за тѣсныя предѣлы названнаго института. Оно захватываетъ болѣе широкій вопросъ о взаимоотношеніи свѣтской и духовной властей на Руси со времени принятія христіанства до конца XVII вѣка. Изслѣдованіе историческаго взаимоотношенія двухъ властей невольно приводитъ автора къ разсмотрѣнію, или точнѣе, къ пересмотру вопроса о характерѣ и развитіи царской власти въ Московскомъ государствѣ. На этомъ вопросѣ авторъ останавливается какъ въ самой главѣ о духовенствѣ, такъ и еще болѣе въ слѣдующей за ней (послѣдней) главѣ (II тома), посвященной критическому разбору литературы вопроса объ исторической роли духовенства въ Россіи. Авторъ высказывается самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ господствующаго теченія этой литературы, которое приписываетъ духовенству починъ въ насажденіи у

насъ самой идеи самодержавия и видитъ въ послѣднемъ только результатъ заимствованія изъ Византии. Этимъ отрицательнымъ путемъ выясняется воззрѣніе автора на развитіе у насъ единовласти и самодержавія, т. е. на ростъ царской власти, какъ на обусловленный цѣлымъ рядомъ факторовъ внутренній органическій процессъ русской исторіи. Проведеніе указаннаго воззрѣнія, хотябы въ отдѣлѣ о „совѣтникахъ князя“, существенно обогащаетъ содержаніе Древностей русскаго права въ той ихъ части, которая посвящена изслѣдованію вопроса о власти.

Мы уже отмѣтили, что въ первыхъ двухъ томахъ Древностей излагаются лишь нѣкоторыя стороны политическаго строя до-Петровской Руси. Спрашивается, чѣмъ вызванъ сдѣланный авторомъ выборъ тѣхъ, а не иныхъ вопросовъ для его Древностей. Самъ авторъ не даетъ никакихъ объясненій; вслѣдствіе этого читатель не можетъ идти по этому поводу дальше предположеній, болѣе или менѣе вѣроятныхъ. Особенно фрагментарный характеръ носитъ содержаніе II-го тома, обнимающее изслѣдованія о „вѣчѣ и князѣ“ и о „совѣтникахъ князя“. Надо полагать, что выборъ вошедшихъ въ него темъ вызванъ, съ одной стороны, желаніемъ автора дать схематическое изложеніе основныхъ частей его монографическаго изслѣдованія о „Вѣчѣ и князѣ“, которое стало уже библиографической рѣдкостью и потому недоступно для широкихъ круговъ лицъ, изучающихъ исторію русскаго права; съ другой стороны, авторомъ, повидимому, руководила внутренняя потребность высказаться по тѣмъ вопросамъ, по которымъ онъ рѣшительно расходится съ общепринятыми въ научной литературѣ мнѣніями. Такой именно потребностью вызвана, надо полагать, вся вторая часть II тома, — о „совѣтникахъ князя“; это видно изъ обстоятельнаго критическаго разбора литературы вопроса, которымъ снабжена эта часть.

Разсматриваемое произведеніе В. И. Сергѣевича носитъ названіе древностей русскаго права. Оно даетъ всегда значительно болѣе подробную и обстоятельную, а въ иныхъ случаяхъ отличную и по существу разработку вопросовъ, которые содержались ранѣе въ Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ по исторіи русскаго права (1883 г.). Почти всѣ вопросы, разработанные въ Древностяхъ,

исключались затѣмъ авторомъ изъ позднѣйшихъ изданій его Лекцій и изслѣдованій по древней исторіи русскаго права (1894 и 1903 г. г.). „Древности“ и „древняя исторія“ такимъ образомъ взаимно пополняютъ другъ друга, причемъ включеніе тѣхъ или иныхъ вопросовъ въ Древности вызывается, повидимому, потребностью переработать ихъ, обусловленной ходомъ научныхъ изысканій автора. При такомъ положеніи дѣла можетъ казаться, что названіе новаго произведенія „древностями права“ является лишь видоизмѣненіемъ названія „древней исторіи права“, сдѣланнымъ по соображеніямъ библиографическаго характера, и что разработка вопросовъ въ „древностяхъ“ не представляетъ сравнительно съ „исторіей“ никакихъ другихъ особенностей кромѣ большей полноты, подробности и тщательности отдѣлки, а въ иныхъ случаяхъ и измѣненія воззрѣній автора по существу. Было бы однако неправильно успокоиться на подобной видимости вещей; необходимо постараться проникнуть во внутреннее ихъ содержаніе. „Древности“ и „исторія“ представляютъ собою два различныхъ вида изслѣдованія минувшихъ судебъ права. Первая рисуетъ картину статическаго состоянія права въ отдаленномъ прошломъ; вторая изучаетъ движеніе права въ прошломъ съ цѣлью установленія закономерности правового развитія и объясненія современнаго его состоянія. Поэтому „древняя исторія права“ не тождественна съ „древностями права“; она представляетъ собою все же „исторію“, ограниченную лишь опредѣленнымъ періодомъ, и отличается отъ „древностей“ такъ же, какъ вся вообще „исторія“, обнимающая всѣ пройденные періоды развитія. В. И. Сергѣевичу принадлежитъ блестящій этюдъ о приѣмахъ и задачахъ историческаго изученія права и государства. Въ виду этого нельзя допустить, чтобы переходъ отъ „исторіи“ къ „древностямъ“ не знаменовалъ собою у него извѣстнаго измѣненія въ постановкѣ задачи изслѣдованія. И дѣйствительно въ предисловіи къ I-му тому Древностей самымъ авторомъ дано общее указаніе того, что онъ понимаетъ подъ изученіемъ древностей права. „Въ нашей исторіи“, говоритъ В. И. Сергѣевичъ, „замѣчается медленная, но постоянная смѣна явленій. Въ юридическомъ бытѣ Московскаго государства можно найти слѣды глубокой старины, но въ цѣломъ мо-

сковскіе порядки отрицають старину. — Задача настоящаго труда выяснить первоначальное положеніе дѣла и прослѣдить его до конца XVII-го вѣка. На новыхъ явленіяхъ московской жизни я останавливаюсь на сколько они имѣютъ прямое отношеніе къ старинѣ, отрицая ее или дополняя. Мы видимъ отсюда, что для своихъ „древностей“ авторъ ставитъ особую задачу. Своеобразіе послѣдней заключается въ томъ, что основной интересъ изслѣдованія направленъ на „первоначальное положеніе дѣла“ и удержаніе отождествляемой съ нимъ „старины“ вплоть до конца XVII-го вѣка. Московское государство разсматривается при этомъ не какъ преходящая стадія русской исторіи и не какъ самостоятельная эпоха ея, имѣющая свой опредѣленный и законченный стиль, а лишь со стороны замѣчаемаго въ немъ храненія, дополненія или отрицанія первоначальной, т. е. до-московской старины. Послѣдняя занимаетъ автора преимущественно со стороны ея упорной устойчивости, — многовѣковаго ея выживанія. Только въ видѣ заключительнаго дополненія, замыкающаго внѣшніе предѣлы изысканій, ставится вопросъ объ окончательномъ вымираніи изучаемой „старины“. „Предметъ нашего изслѣдованія“, говоритъ авторъ, „— древности русскаго права. Но оно не будетъ закончено, если мы не укажемъ, когда же перестали существовать эти древности“ (II, 248). Въ такомъ видѣ представляется та своеобразная задача, которую полагаетъ В. И. Сергѣевичъ своимъ изысканіямъ въ „древностяхъ“ въ отличіе, очевидно, отъ „исторіи“. Въ иныхъ случаяхъ онъ специально подчеркиваетъ особенную точку зрѣнія „древностей“. Такъ, статьи Уложенія Ц. А. М., лишающія холоповъ гражданской правоспособности, признаетъ отрицаніемъ древности и потому интересуется ими лишь постольку, поскольку онъ „отрицая древность, тѣмъ самымъ подтверждаютъ сдѣланные о ней выводы“ (I, 176). „Новостями права“ представляется В. И. Сергѣевичу установленіе при Иванѣ Грозномъ „съ вотчинъ и съ помѣстій уложенной службы“; поэтому онъ только кратко отмѣчаетъ приведенный фактъ и спѣшитъ вновь „обратиться къ древностямъ“, — къ первоначальному положенію дѣтей боярскихъ (I, 394). „Новость“ видитъ авторъ въ Расправной Палатѣ и, упомянувъ о ней, возвращается къ „старинѣ“ личнаго суда князя и бояръ введенныхъ

(I, 448—449). „Новостями московскаго права“ признаются земскіе соборы (II, 41) и потому исключаются изъ Древностей, которыя по вопросу объ участіи народа во власти ограничиваются древней формой вѣчевыхъ собраній. Не смотря однако на такое подчеркиваніе исключительнаго интереса къ „древности“, авторъ все же отступаетъ отъ своего первоначальнаго замысла, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что не ограничиваетъ самаго понятія „древности“ „первоначальнымъ положеніемъ дѣла“, т. е. до-московской „стариной“, но распространяетъ его и на московскіе порядки. „Сравнительно съ старинными холопами“, говоритъ авторъ, „кабальные представляютъ новостъ. Но для насъ и эта новостъ есть старина, отъ которой не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ въ современной жизни“ (I, 159—160). Приведенная мотивировка оказалась вполне достаточной для того, чтобы отвести кабальнымъ холопамъ въ Древностяхъ такое же мѣсто, какъ и обельнымъ холопамъ Русской Правды. Испо, что самое понятіе „древности“ значительно расширилось. И это не единичное отступленіе отъ исходнаго положенія. Въ другомъ мѣстѣ В. И. Сергѣевичъ прямо объединяетъ и до-московскую старину и московскіе порядки, по крайней мѣрѣ, до Уложенія Ц. А. М. въ одномъ понятіи „древности“. Охарактеризовавъ крестьянскія ссудныя записи второй половины XVII-го вѣка, онъ говоритъ: „Здѣсь оканчивается изложеніе юридическихъ древностей, относящихся до крестьянскаго быта. Съ великаго дня 19 февраля 1861 года порядки Уложенія царя Алексѣя Михайловича тоже начинаютъ переходить въ древность, но это будетъ древность второго наслоенія. Мы приведемъ изъ нея нѣкоторыя черты только для того, чтобы рельефнѣе отѣнить древность исконную свободную“ (I, 288—289). Изъ приведеннаго мѣста видно, что вся исторія до Уложенія разсматривается авторомъ какъ „древность“ перваго наслоенія. Несомнѣнно однако, что эта древность въ свою очередь расчленяется на двѣ стадіи: древнѣйшую до-московскую старину („первоначальное положеніе дѣла“) и старину московскую; вѣдь только первая можетъ быть названа „древностью“ исконной, свободной. Что послѣднее расчлененіе вполне соответствуетъ воззрѣніямъ автора, это видно изъ его категорическаго заявленія, согласно которому „Москва все

древнее передѣлывается на новое“ (II, 384). Въ „древностяхъ русскаго права“ до конца XVII-го вѣка различаются, въ сущности говоря, два періода: до-московской старины и старины московской. Нѣкоторые отдѣлы Древностей такъ прямо и дѣлятся авторомъ на эти два періода. Таковы — отдѣлы о дворовыхъ чинахъ (I, 427), о войскахъ (I, 595, 619), княжеской думѣ (II, 371, 384), причемъ отнюдь нельзя сказать, чтобы московскіе порядки излагались авторомъ не во всей ихъ полнотѣ, а исключительно со стороны выживанія и вымиранія первоначальной старины. Такимъ образомъ мы видимъ, что объявленная въ предисловіи антикварная точка зрѣнія не выдержана авторомъ на протяжении всего его произведенія со всей строгостью. Тѣмъ не менѣе она имѣется и придаетъ всему произведенію своеобразную окраску, сказывающуюся въ значительномъ преобладаніи статическаго элемента надъ динамическимъ и перѣдко въ отсутствіи объясненія причины происходившихъ измѣненій.

Послѣ сдѣланныхъ предварительныхъ замѣчаній обратимся къ разбору и оцѣнкѣ содержанія I-го и II-го томовъ Древностей русскаго права, представляющихъ собою до извѣстной степени законченное и во всякомъ случаѣ связанное единствомъ предмета цѣлое¹⁾.

II.

Начинаетъ авторъ свое изслѣдованіе съ „территоріи“. Въ ученіи о ней дается предварительно картина „первоначальнаго положенія дѣла“, до-московской старины, которая характеризуется политической дробностью и обособленностью „волостей-земель“. Авторъ изображаетъ составъ древнихъ волостей съ ихъ городами, пригородами и „землями къ городу“. Первоначальное возникновеніе волостей покрыто для насъ мракомъ неизвѣстности и подлежитъ лишь догадкамъ. Исходя изъ того несомнѣннаго историческаго факта, что организаціонными центрами волостей были города-укрѣпленія, авторъ высказываетъ весьма вѣроятную гипотезу о военномъ характерѣ скрытаго отъ взоровъ

1) Третій томъ Древностей русскаго права посвященъ новой и самостоятельной области изслѣдованія, — изученію порядка замлеуладѣнія и тягла.

историка процесса возникновенія первоначальныхъ волостей. На глазахъ исторіи совершается дальнѣйшій процессъ разложенія и соединенія и основаннаго на нихъ новообразованія позднѣйшихъ волостей. Факторами этого новообразованія авторъ считаетъ естественный ростъ пригородовъ и политику князей. Естественный ростъ пригородовъ ведетъ ихъ, хотя и медленно, но послѣдовательно къ превращенію въ независимые города, самостоятельные центры новыхъ волостей. Политика князей воздѣйствуетъ на тотъ же процессъ двоякимъ образомъ: члены княжескаго рода стремятся имѣть независимое другъ отъ друга положеніе и по пути къ достиженію этой цѣли то соединяютъ, то раздѣляютъ первоначальныя волости; въ погонѣ за политическимъ могуществомъ князья соединяютъ по временамъ подъ одной властью нѣсколько волостей; семейные интересы побуждаютъ князей, напротивъ того, дѣлить свои владѣнія между сыновьями и такимъ образомъ ведутъ къ дробленію первоначальныхъ волостей и выдѣленію изъ нихъ новыхъ самостоятельныхъ политическихъ единиц²⁾. Двойственная политика князей находила себѣ соотвѣтствіе въ двойственныхъ же стремленіяхъ составныхъ частей волостей: интегрирующей тенденціи старыхъ городовъ и центроостремительной — пригородовъ. Указанные четыре фактора могли давать въ различныхъ мѣстахъ разнообразныя сочетанія, вслѣдствіе чего каждая волость имѣла свою особенную исторію территориальнаго развитія. „По скудости нашихъ источниковъ“, говоритъ В. И. Сергѣевичъ, „полная исторія волостей едва-ли можетъ быть когда-нибудь написана“ (I, 16). Въ виду этого авторъ вынужденъ ограничиться лишь частной иллюстраціей своего положенія, для чего и даетъ, какъ самъ выражается, „нѣсколько страницекъ изъ исторіи Ростовской волости“ (I, 16). Мастерски написанный этюдъ о послѣдовательныхъ политическихъ новообразованіяхъ въ предѣлахъ древней Ростовской волости (I, 16—33) дѣйствительно даетъ намъ яркую картину разнообразныхъ въ силу ихъ перемѣнчивости сочетаній элементовъ объединенія и разложенія, содержащихся въ двойственной политикѣ князей и антагонизмѣ между городами и пригородами. Попутно авторъ устанавли-

2) Срвн. Вѣче и князь, стрн. 312—313.

ваетъ два весьма важныхъ факта: крупное политическое значеніе бояръ въ старыхъ городахъ и стремленіе князей уйти отъ боярскаго вліянія въ новые города, гдѣ, по всей вѣроятности, непріятные имъ политическіе элементы были слабѣе (I, 21—22).

Особо останавливается авторъ на тѣхъ проявленіяхъ княжеской политики, которыя были направлены на соединеніе первоначальныхъ волостей (I, 41—51). Онъ слѣдитъ за исторіей объединенныхъ „владѣній“ Олега, Игоря, Святослава, Владимира Св., Ярослава Мудраго и наглядно показываетъ, что послѣдствія всѣхъ этихъ чередовавшихся „соединеній“ не были прочны и продолжительны, и что до второй половины XIV вѣка у князей вовсе не замѣчалось стремленія къ образованію большого нераздѣльнаго государства. „Волостной порядокъ государственнаго устройства“, говоритъ авторъ, „продолжается у насъ до возникновенія Московскаго государства“ (I, 51).

Образованіе того крупнаго политическаго объединенія, какимъ явилось Московское государство, было отрицаніемъ первоначальной волостной старины. Въ происшедшей смѣнѣ двухъ взаимно противорѣчивыхъ системъ В. И. Сергѣевича занимаетъ вопросъ о факторахъ, приведшихъ къ установленію новины московскаго единодержавія.

Старая историографическая традиція, отдаленное происхожденіе которой восходитъ къ древнему Слову о житіи и преставленіи вел. кн. Дмитрія Ивановича, объясняетъ установленіе московскаго единодержавія исключительно собирательной политикой князей и приписываетъ починъ, а также предначертаніе дальнѣйшей программы этой политики Ивану Калитѣ. При этомъ роль общественныхъ элементовъ сводится лишь къ болѣе или менѣе сознательному содѣйствію достиженію цѣли, самостоятельно поставленной князьями. В. И. Сергѣевичъ идетъ противъ этой историографической традиціи, блестяще опровергаетъ ея схему и даетъ новое объясненіе процесса.

Выше мы отмѣтили, что политика князей признается у В. И. Сергѣевича однимъ изъ факторовъ въ процессѣ новообразованія волостей въ эпоху древности перваго наслоенія, — первоначальной волостной старины. Политика эта характеризуется, однако, вполне справедливо двойствен-

нымъ направленіемъ, приводившимъ какъ къ соединенію нѣсколькихъ волостей, такъ и къ ихъ дробленію. Указанныя черты княжеской политики признаются авторомъ и въ древности второго наслоенія, — при образованіи Московскаго государства, причемъ отнюдь не отрицается и тотъ фактъ, что въ послѣднемъ процессѣ соединеніе волостей преобладало надъ ихъ дробленіемъ. Но, какъ юристъ, В. И. Сергѣевичъ строго отличаетъ фактическое собираніе земель отъ установленія юридическаго порядка единодержавія. Собираніе земель, взятое само по себѣ, можетъ быть разсматриваемо какъ продолженіе старой традиціи добыванія столовъ (см. II, 328). Оно превращается въ новую политическую систему только тогда, когда сопровождается юридическимъ признаніемъ недѣлимости объединенныхъ государственныхъ владѣній. Проведеніе указаннаго различія даетъ автору возможность существенно измѣнить традиціонную оцѣнку собирательной политики московскихъ князей, чего онъ и достигаетъ путемъ тонкаго юридическаго анализа великокняжескихъ духовныхъ грамотъ.

Прежде всего авторъ весьма убѣдительно доказываетъ, что Иванъ Калита отнюдь не былъ основоположникомъ идеи московскаго единодержавія. Напротивъ того, не смотря на нѣкоторыя сдѣланныя пріобрѣтенія къ Московскому удѣлу, Иванъ Калита первый примѣнилъ къ наслѣдованію ново-созданнаго Московскаго княженія порядокъ частнаго наслѣдованія и такимъ образомъ явился самымъ рѣшительнымъ проводникомъ взгляда на княженіе, какъ на частную собственность князя, со всѣми противогосударственными послѣдствіями этой точки зрѣнія (I, 57, 63). Фактическое собираніе земель дѣлало значительные успѣхи послѣ Калиты, но частноправный характеръ обладанія ими и ихъ дѣлимости оставался. Онъ подвергался лишь нѣкоторымъ ограниченіямъ, которыя готовили почву для укорененія публично-правнаго принципа недѣлимости государственной территоріи, т. е. начала единодержавія.

Первое проявленіе государственной мысли объ единоедержавіи В. И. Сергѣевичъ усматриваетъ въ завѣщаніи Дмитрія Ивановича Донскаго (I, 51—52, 70—71), установившемъ недѣлимость великаго княженія Владимірскаго съ Коломной. На случай безпотомственной смерти кого-либо

изъ сыновей — наслѣдниковъ великокняжескія духовныя грамоты предписывали въ видѣ общаго правила раздѣлять владѣнія умершаго между оставшимися братьями — сонаслѣдниками. Духовная Дмитрія Ивановича Донского подвергла это общее правило ограниченію, изъявъ изъ него великое княженіе Владимірское: послѣднее должно было съ тѣхъ поръ переходить нераздѣльно къ старшему изъ оставшихся въ живыхъ братьевъ, а раздѣлу между остальными подлежалъ лишь прежній удѣлъ послѣдняго¹⁾. Вторымъ существенно важнымъ ограниченіемъ частноправной системы княжескаго владѣнія явилась установленная въ духовной Ивана III полная отмѣна раздѣла удѣловъ, оставшихся послѣ умершихъ безъ мужскаго потомства князей, между остальными ихъ братьями, и признаніе права выморочности на такіе удѣлы исключительно за великимъ княземъ (I, 82—83). „Этимъ распоряженіемъ“, говоритъ В. И. Сергѣевичъ, „установлена неотчуждаемость удѣловъ. Они могли перейти только къ сыновьямъ владѣльца; если же сыновей у него не было, удѣлъ присоединялся къ великому княженію. Владѣлецъ, удѣла могъ надѣлать свою жену, но только пожизненно; въ случаѣ ея смерти владѣнія ея также присоединялись къ великому княженію. Соответствующія распоряженія духовной Дмитрія Донского не могутъ болѣе примѣняться, и объединеніе Московскаго государства дѣлаетъ новый существенный шагъ впередъ“ (I, 83). Послѣднее обстоятельство, подчеркнутое В. И. Сергѣевичемъ, весьма важно. Позволимъ себѣ отмѣтить его значеніе болѣе обстоятельно и болѣе опредѣленно, чѣмъ это сдѣлалъ самъ авторъ. Установленная въ духовной Ивана III выморочность въ пользу великаго князя удѣловъ при отсутствіи наслѣдниковъ мужскаго пола по прямой нисходящей линіи отмѣняла то постановленіе духовной Дмитрія Донского, согласно которому при нераздѣльномъ переходѣ великаго княженія по старшинству отъ брата къ брату прежній удѣлъ послѣдняго подлежалъ раздѣлу между остальными братьями. Значитъ, согласно новому порядку удѣлъ старшаго изъ братьевъ, наслѣдовавшаго въ боковой линіи великокняжескій

1) Подробное толкованіе духовной Дмитрія Ивановича см. Древности, II, 332—333.

престолъ, сливался съ великимъ княженіемъ, и, слѣдовательно, такая участь предстояла потенциально всѣмъ удѣламъ, поскольку ихъ обладатели призывались бы къ восхожденію на великокняжескій престолъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что духовная Ивана III содержала въ себѣ *implicite* тотъ весьма важный для установленія единодержавія принципъ, который былъ извѣстенъ въ государственномъ правѣ французской монархіи подъ названіемъ деволюціи личнаго домена короля къ коронѣ.

Приведенное распоряженіе духовной Ивана III представляетъ собою высшую степень формально-юридической регламентаціи объединенія государственной территоріи, до которой доходили московскіе князья на пути къ единодержавію. Послѣдняго шага въ этомъ направленіи, который долженъ былъ бы выразиться въ формальной отмѣнѣ начала семейныхъ раздѣловъ, не было сдѣлано никѣмъ изъ дома князей Рюриковичей. „Наша исторія не знаетъ государя, который бы отмѣнилъ удѣльныхъ князей и высказалъ принципъ недѣлимости Русской земли По ходу развитія великокняжеской, а потомъ царской власти у насъ и ожидать было нельзя, чтобы кто-либо изъ московскихъ государей издалъ указъ о недѣлимости государства и воспретилъ назначеніе удѣловъ. Это значило бы ограничить самого себя. Стремленія же къ такому ограниченію незамѣтно въ московскихъ государяхъ“ (I, 84, 85). Упорная приверженность московскихъ государей къ частноправному возрѣнію на государство тормозила укореженіе публичноправнаго принципа единодержавія. Если она не принесла всего того вреда, который въ ней содержался, то этимъ Московское государство во многомъ обязано, по мнѣнію В. И. Сергѣевича, случаю, который играетъ въ исторіи великую роль (I, 72). Случаемъ признаетъ авторъ то обстоятельство, что удѣльные князья умирали большею частью безъ потомства, и такимъ образомъ фактически водворялось единодержавіе (I, 73, 84—85 и др.). Чтобы не уклоняться въ сторону, мы не будемъ вдаваться въ обсужденіе общаго замѣчанія автора о томъ, сколь великую роль въ исторіи играетъ случай. Не станемъ однако отрицать, что историку не остается иного выхода, какъ только признать случай какъ малосемейность великихъ князей московскихъ, такъ и безпотомственную по большей части

смерть удѣльных князей, вышедшихъ изъ великокняжескаго дома. Замѣтимъ только, что значеніе этого „случая“ можетъ быть оцѣниваемо нѣсколько иначе, чѣмъ это сдѣлалъ авторъ. Авторъ указываетъ, что только „случай“ парализовалъ тотъ вредъ, который содержался въ патримоніальной системѣ московскихъ государей. Но можно вѣдь взглянуть на дѣло съ обратной стороны и усмотрѣть въ томъ же „случаѣ“ причину долгаго удержанія патримоніальныхъ возрѣній. Въ виду малочисленности удѣльных князей и безпотомственнаго въ большинствѣ случаевъ ихъ вымиранія московскіе великіе князья не видѣли въ нихъ серіозной опасности для единоподержавія и потому не отмѣняли формально семейныхъ раздѣловъ и не чувствовали надобности въ совершенной юридической формулировкѣ принципа недѣлимости государственной территоріи.

Такимъ образомъ оказывается, что принципъ единоподержавія не былъ плодомъ вполне сознательной и строго выдержанной политики московскихъ князей. Хотя онъ ими и подготавливался, но испытывалъ при этомъ большое треніе отъ столкновенія съ частноправнымъ возрѣніемъ князей на государство и вытекавшей изъ него непрестанной практикой семейныхъ раздѣловъ. Разъ принципъ объединенія и единоподержавія встрѣчалъ со стороны князей столько же поддержки, сколько и противодѣйствія, то спрашивается, кто же въ такомъ случаѣ проводилъ этотъ принципъ въ жизнь настоятельно и неуклонно? — Бояре, отвѣчаетъ В. И. Сергѣевичъ и, ссылаясь на отмѣченные нами выше „нѣсколько страницъ изъ исторіи Ростовской волости“, говоритъ: „Съ направле-ніемъ боярской политики съ давнихъ поръ мы уже знакомы. Она не могла измѣниться, ибо условія остались тѣ же. Боярамъ нужны богатые кормленія. Чѣмъ меньше князей, тѣмъ этихъ кормленій больше. Бояре — естественные сторонники объединительной политики..... Очевидно, среди нихъ живетъ еще старая идея о цѣлости Ростовско-Владимірской волости, и вотъ они начинаютъ возстановлять старыя границы этой волости, то прогоняя послѣдственныхъ князей, то приводя ихъ въ зависимость великаго князя, а при его малолѣтствѣ — въ свою собственную“ (I, 69—70). Документальный разборъ объединительной политики Москвы блестяще подтверждаетъ положеніе автора и наглядно по-

казываетъ, какъ за собирательной дѣятельностью князей „скрывалась боярская рука, созидаящая камень за камнемъ Московское государство“ (I, 75).

Въ другомъ мѣстѣ, именно, — во II-омъ томѣ Древностей при установленіи момента прекращенія „договорнаго права князей“, автору опять приходится останавливаться на процессѣ вымиранія волостной старины и нарожденія единоподержавія. Въ этомъ послѣднемъ процессѣ авторъ опять подчеркиваетъ важное значеніе московскихъ бояръ: въ дѣлѣ ликвидаціи института удѣльных князей, сохранявшагося, благодаря патримоніальнымъ навыкамъ московскихъ государей, бояре „указали путь, которымъ можно было достигнуть объединенія Россіи“ (II, 258). Но этимъ авторъ не ограничивается; онъ идетъ дальше и указываетъ, что направленіе, данное боярами, не только воздѣйствовало на политику великихъ князей московскихъ, но и проникало въ сознаніе широкихъ общественныхъ круговъ, такъ что государственное единство становилось потребностью народа (II, 259). Поддержка со стороны широкихъ общественныхъ массъ привела принципъ единоподержавія къ окончательному торжеству. „По прекращеніи линіи Даниловичей сознаніе о государственномъ единствѣ русскаго народа широкою волной прошло по Русской землѣ и выразилось въ избраніи одного государя на все Московское государство“ (II, 260). „Установленіе единоподержавія есть актъ народной воли, избравшей для всей Россіи одного государя сперва въ лицѣ Бориса, потомъ Василія Шуйскаго и Владислава, и, наконецъ, въ лицѣ Михаила Феодоровича Романова“ (II, 626).

Единоподержавіе явилось, какъ мы уже отмѣтили, отрицаніемъ первоначальной старины съ ея волостной разрозненностью. Переживаніе этой старины отмѣчается авторомъ въ отголоскахъ древней іерархіи городовъ и пригородовъ, обнаруживаемыхъ въ официальномъ языкѣ и служилой практикѣ Москвы въ XVI-омъ и даже въ XVII-омъ вѣкѣ (I, 36). „Живучесть старины видна и въ томъ, что новорожденное государство очень долго, безъ малаго въ теченіе 200 лѣтъ, не имѣло собственного имени, а обозначалось перечисленіемъ составныхъ частей своихъ“ (I, 86). Интереснымъ этюдомъ о наименованіи новаго государства царствомъ русскимъ заканчивается изслѣдованіе автора о государственной территоріи.

Изслѣдованіе это представляет собою единственное, насколько намъ извѣстно, юридическое ученіе о русской государственной территоріи до конца XVII вѣка. Оно является цѣннымъ вкладомъ въ науку по обстоятельности, наглядности и юридической опредѣленности изображенія какъ политической обособленности древнихъ волостей, такъ и тѣхъ формъ, въ которыхъ слагалось объединеніе ихъ и московское единоедержавіе. Источникомъ для конструкціи юридическихъ принциповъ, лежавшихъ въ основѣ московскаго собиранія земли, служатъ духовныя грамоты князей. Въ истолкованіи послѣднихъ В. И. Сергѣевичъ идетъ по пути, проложенному Б. Н. Чичеринымъ (Опыты по исторіи русскаго права, 1858 г., стран. 237—292). Въ дѣлѣ выясненія участія бояръ въ созиданіи политическаго единства Московскаго государства авторъ тоже имѣетъ предшественниковъ. Еще М. П. Погодинъ указалъ на правленіе бояръ въ малолѣтство Дмитрія Ивановича и въ первые годы княженія его юнаго сына Василия¹⁾. С. М. Соловьевъ заканчивалъ изложеніе cadaго царствованія отъ сыновей Калиты до Іоанна III напомнимъ о заслугахъ бояръ въ дѣлѣ созиданія и укрѣпленія Московскаго государства²⁾. В. О. Ключевскій не только изобразилъ участіе бояръ во власти, а слѣдовательно и въ собирательной и объединительной политикѣ московскихъ государей, но и выяснилъ его причины (Боярская дума древней Руси, изд. 1-ое, 1882 г.). Опираясь на сдѣланное предшественниками, преимущественно Б. Н. Чичеринымъ и С. М. Соловьевымъ, В. И. Сергѣевичъ переработалъ и развилъ соотвѣтственныя ихъ указанія и создалъ такое стройное ученіе о государственной территоріи древней Руси, какого до него не было въ историко-юридической литературѣ.

Воздавая должное заслугамъ В. И. Сергѣевича въ дѣлѣ

1) М. П. Погодинъ, Древняя русская аристократія, 1847 г. Напоминаетъ объ этой забытой статьѣ М. А. Дьяконовъ, Очерки общественаго и государственнаго строя древней Руси, изд. 3-ье, стр. 208—209.

2) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, I, 957, 1003, 1048, 1112. Цитируемъ Исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ здѣсь и въ дальнѣйшемъ по изданію товарищества „Общественная польза“; римская цифра обозначаетъ книгу изданія, арабская — столбецъ.

изученія установленія московскаго единоедержавія, не станемъ однако отрицать, что не все въ этомъ процессѣ выяснено имъ до конца. Въ самомъ дѣлѣ авторъ не даетъ намъ достаточныхъ объясненій по поводу того, какимъ образомъ традиція единства старой Ростово-Владимірской волости превратилась у бояръ въ стремленіе объединить эту и другія земли подъ властью новообразовавшагося Московскаго княжества. Это тѣмъ болѣе не ясно, что раньше авторъ указывалъ, какъ князья уходили изъ старыхъ городовъ, гдѣ ихъ стѣняло участіе бояръ во власти, въ новые города, гдѣ боярское вліяніе чувствовалось, по всей вѣроятности, слабѣе. Между тѣмъ въ столь новомъ центрѣ, какъ Москва, князьямъ пришлось опять восчувствовать боярскую руку, которая обуздывала ихъ семейно-патримоніальныя стремленія и указывала имъ путь чисто государственной политики. Необходимо предположить, что имѣлись какія то особыя причины, которыя повернули интересы бояръ отъ цѣлости волостной старины въ сторону образованія болѣе крупнаго политическаго объединенія. Наличие такихъ причинъ постулируется еще болѣе настоятельно по поводу констатируемаго авторомъ превращенія выдвинутой боярами политики государственнаго единства въ потребность народа. Эти причины могутъ быть выяснены и выясняются въ порядкѣ изученія хозяйственнаго развитія и объединенія волостей, вошедшихъ затѣмъ въ единую державу московскихъ государей. Авторъ не доходитъ до этихъ причинъ, оставаясь на точкѣ зрѣнія юридической и политической.

III.

Отъ государственной территоріи авторъ Древностей переходитъ къ населенію, изслѣдованіе котораго составляетъ значительно преобладающую по объему вторую часть I-го тома (494 страницы изъ 688-ми). Въ ней разрѣшаются наиболѣе существенные вопросы о классовомъ и сословномъ дѣленіи древнерусскаго общества. Въ основу изложенія авторъ полагаетъ свойственное древности дѣленіе людей на свободныхъ и рабовъ и затѣмъ уже слѣдитъ за дальнѣйшимъ дифференцированіемъ свободного населенія по отдѣльнымъ классовымъ и сословнымъ группамъ и разрядамъ.

Изложение ведется не синхронистически по периодамъ, какъ этого можно было ожидать на основаніи прежнихъ историческихъ воззрѣній автора на развитіе населенія¹⁾, а хронологически въ антикварномъ духѣ по группамъ и разрядамъ. Тѣ группы и разряды, которые удержались, хотябы въ смыслѣ сохраненія терминовъ ихъ обозначавшихъ, на всемъ протяженіи изслѣдуемаго времени, — съ древнѣйшихъ временъ до конца XVII-го вѣка, сведены въ общія рубрики, какъ нпр., — купцы, гости, посадскіе люди (глава II, VII), огнищане, бояре и дѣти боярскіе (глава II, VIII); тѣ-же, которые являются особенностями до-московской старины, образуютъ самостоятельныя дробныя рубрики безъ указанія ихъ исторической связи съ послѣдующимъ временемъ, какъ нпр., — смерды (глава II, I), изгои (глава II, IV). Точно также и новообразования московской эпохи выдѣляются въ особыя рубрики, въ началѣ которыхъ дается, правда, справка о „древности перваго наслоенія“, но дѣлается это не съ тѣмъ, чтобы слѣдить за выживаніемъ „первоначальнаго положенія дѣла“ до конца XVII-го вѣка, а съ тѣмъ, чтобы открыть въ древности отдаленныя зачатки „новыхъ явленій московской жизни“; таковы главы (III и IV) о дворовыхъ чинахъ и о дьякахъ.

Начинается изложение съ несвободнаго населенія. Институтъ рабства представляется съ формально-юридической стороны столь мало подвижнымъ, что къ изслѣдованію его, казалось бы, особенно примѣнима антикварная точка зрѣнія. Однако на самомъ дѣлѣ и въ изслѣдованіи рабства автору приходится различать двѣ старины: одну исконную старину полного холопства, другую — позднѣйшаго наслоенія, — московскую старину холопства кабальнаго (I, 159—160). Первая изъ нихъ проявляетъ упорную живучесть и не прекращается на всемъ протяженіи изслѣдуемаго авторомъ времени, — до конца XVII столѣтія. Вторая не отрицаетъ ея принципиально, но лишь видоизмѣняетъ, создавая новую

1) См. Вѣче и Князь, Москва, 1867, стр. 31: Древняя Россія не знала сословій. Это явленіе царской эпохи нашей исторіи; только первые зародыши его относятся къ концу княжескаго періода. Въ княжескую же эпоху все населеніе представляетъ единообразную массу, разные слои которой отличались одинъ отъ другого — достоинствомъ, а не правами.

форму несвободы, въ которую должны были облекаться съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича всѣ вновь возникавшіе случаи подчиненія однихъ лицъ частноправному господству другихъ. Авторъ неизмѣнно имѣетъ въ виду рабство въ томъ видѣ, какой придавала ему первоначальная древность какъ въ юридической регламентаціи, такъ и въ бытовой обстановкѣ. Этимъ опредѣляется двойственное отношеніе автора къ законодательной нормировкѣ правового положенія холоповъ въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича: тѣ опредѣленія послѣдняго, которыя тяготеютъ къ старинѣ, приводятся въ общемъ контекстѣ при обсужденіи соответственныхъ вопросовъ; тѣ же опредѣленія, которыя расходятся со стариной, выдѣляются въ особую рубрику: это — „новости Уложенія“ (I, 176 сл.). „Эти отрицающія древность статьи важны для насъ не по новости своей, а потому, что, отрицая древность, онѣ тѣмъ самымъ подтверждаютъ сдѣланные нами о ней выводы“ (I, 176).

На этомъ общемъ фонѣ авторъ даетъ въ главѣ о несвободныхъ стройную юридическую конструкцію состоянія полныхъ и кабальныхъ холоповъ, единственную въ литературѣ по обстоятельности, тщательности и мастерству отдѣлки. Не вдаваясь въ подробности, не можемъ однако не отмѣтить нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстъ, выдающихся по тонкости юридическаго анализа; таковы: толкованіе статьи Русской Правды объ отвѣтственности холопа за ударъ, нанесенный свободному мужу (I, 114 сл.) и объясненіе покупки на ключъ (I, 131—132, 147). Что касается имѣющагося въ литературѣ разногласія по вопросу объ юридической природѣ кабальнаго холопства и о значеніи докладныхъ холоповъ, то нельзя не признать, что въ данномъ случаѣ мнѣніе В. И. Сергѣевича (I, 162—169) имѣетъ за себя наибольшую близость къ источникамъ и отсутствіе какой бы то ни было натяжки въ ихъ толкованіи.

Ученіе о несвободномъ населеніи въ древней Руси завершается эскизомъ о рабствѣ у другихъ народовъ. Эскизъ этотъ преслѣдуетъ цѣли сравнительно-историческаго изученія института. Согласно методологическимъ воззрѣніямъ В. И. Сергѣевича сравнительное изученіе не сопутствуетъ исторической разработкѣ даннаго положительнаго права, но лишь слѣдуетъ за нею. Изложивъ институтъ рабства въ

древней Руси по источникамъ, авторъ даетъ вслѣдъ за этимъ изображеніе того же института въ Вавилоніи по законодательству Хаммураби, у евреевъ, магометанъ и германцевъ и сравниваетъ его съ институтомъ древнерусскимъ (I, 179—197). Въ итогъ сравненія оказывается, что древнерусское право рабства сходно кое въ чемъ съ законодательствомъ Хаммураби, но всего болѣе общаго имѣетъ съ законами древнихъ германцевъ. Но и это послѣднее сходство касается только частныхъ юридической регламентаціи положенія рабовъ въ древности. Въ общемъ же процессъ развитія рабства въ отношеніи его къ исторіи низшихъ классовъ свободного населенія въ Германіи по существу — иной, чѣмъ у насъ. „Исторія несвободы у насъ и на Западѣ шла совершенно разными путями. Тамъ рабы становятся сперва зависимыми крестьянами, а потомъ, очень, впрочемъ, нескоро и въ разныхъ мѣстахъ въ разное время, — свободными; а у насъ свободные крестьяне становятся сперва зависимыми, а потомъ, и очень скоро, полными рабами. На Западѣ часть свободного сельского населенія развилась изъ рабовъ; у насъ большинство этого свободного сельского населенія обратилось въ рабовъ“ (I, 197).

Руководящей мыслью въ изложеніи отдѣла о свободномъ населеніи является слѣдующее положеніе автора: „Древняя Русь не знала сословій. Они народились только въ московскую эпоху; во времена предшествовавшія можно наблюдать лишь слабые ихъ зародыши“ (I, 198)¹⁾. Съ точки зрѣнія права все населеніе русскихъ княжествъ до образованія Московскаго государства представляло однообразную массу, разные слои которой отличались одинъ отъ другого достоинствомъ, а не правами и обязанностями. Авторъ рассматриваетъ эти слои, т. е. общественные классы, или фактическіе разряды, и показываетъ затѣмъ, какъ они превращались въ Московскомъ государствѣ въ юридическіе разряды, или сословія. Такимъ образомъ первоначальная антикварная точка зрѣнія, выразившаяся въ уклоненіи отъ періодизаціи изложенія, неизбежно переходитъ въ историческую съ различеніемъ двухъ указанныхъ періодовъ развитія въ предѣлахъ отдѣльныхъ группъ населенія. Слѣды

1) См. у насъ выше подстрочное примѣчаніе на стр. 22.

глубокой старины и „первоначальнаго положенія дѣла“ отмѣчаются авторомъ въ недостаточной замкнутости московскихъ сословій и въ отсутствіи формально-юридической грани между отдѣльными ихъ разрядами. Въ замѣчаніяхъ этого рода проявляется специфическая точка зрѣнія древностей.

Исслѣдованіе о смердахъ въ виду крайней скудости данныхъ о нихъ въ источникахъ ограничивается, въ сущности говоря, разъясненіемъ смысла термина. Авторъ различаетъ употребленіе названія „смердъ“ то въ весьма широкомъ смыслѣ для обозначенія всего населенія за исключеніемъ однихъ князей, то въ болѣе тѣсномъ смыслѣ для обозначенія пахаря, сельскаго работника. Нельзя сказать, чтобы это различіе было всегда строго выдержано самимъ авторомъ. Такъ, одна и таже статья Русской Правды (II, 9 — по дѣленію редакцій и статей, устанавливаемому самимъ В. И. Сергѣевичемъ) является въ одномъ мѣстѣ доказательствомъ широкаго смысла, придаваемого „смерду“, въ другомъ — свидѣтельствомъ о томъ, что у смерда въ тѣсномъ смыслѣ могла быть и собственность (I, 203, 208).

Отличительной особенностью ученія автора о закупяхъ является выводеніе закупничества изъ договора найма: основываетъ авторъ такое свое толкованіе на томъ, что въ одной изъ статей пространной Правды, посвященныхъ закупничеству, закупъ называется наймитомъ. Всецѣло раздѣляя мнѣніе тѣхъ изслѣдователей, которые видятъ въ закупничествѣ зависимое состояніе, вытекавшее изъ договора займа, мы не станемъ повторять всѣхъ приводимыхъ ими убѣдительныхъ доводовъ. Скажемъ только, что институтъ вольнонаемныхъ рабочихъ плохо вяжется съ тѣмъ порядкомъ древности, согласно которому даже высшія функціи дворовой службы, какъ тиунство и ключничество, въ видѣ общаго правила исполнялись рабами. Несомнѣнно, что для такого уклада жизни гораздо болѣе вѣроятна временная зависимость по отработкѣ долга. Настаивая на вольнонаемномъ характерѣ закупа, авторъ отрицаетъ ихъ преемственную связь съ кабальными людьми, но зато видитъ отраженіе древняго закупничества въ слугахъ по жилымъ записямъ, установленнымъ Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича (I, 225). Врядъ ли можно однако признать въ послѣднихъ древность,

и гораздо, думается намъ, правильнѣ отнести жилия записи насчетъ того „движенія къ свободѣ“, которое столь мѣтко характеризуется нашимъ авторомъ въ другомъ мѣстѣ (I, 170). Движеніе это было весьма своеобразно: Уложеніе закрывало путь къ дальнѣйшему развитію полнаго холопства, но въ тоже время несомнѣнно возвышало господскую власть (I, 178) и переводило крестьянъ въ состояніе людей несвободныхъ (I, 291). Какъ разъ подъ это движеніе подходитъ и постановленіе о жилыхъ записяхъ, которое имѣло въ виду ограничить развитіе кабальнаго холопства, допуская установленіе этой зависимости лишь по отношенію къ высшимъ сословіямъ и предоставляя низшимъ сословіямъ только право держать вольнонаемныхъ слугъ по жилымъ записямъ.

Въ обширномъ отдѣлѣ о крестьянахъ выясняется юридическое положеніе крестьянъ на владѣльческихъ и на черныхъ волостныхъ земляхъ до прикрѣпленія, устанавливается моментъ прикрѣпленія, анализируются порядныя XVII вѣка и ссудныя записи второй его половины. Особенностью воззрѣній автора на крестьянскій вопросъ въ нашей древности является упорно отстаиваемое имъ мнѣніе объ указномъ происхожденіи прикрѣпленія путемъ единовременной формальной отмѣны Юрьева дня. Мы не станемъ входить въ обсужденіе контрверсы по вопросу объ указномъ или обычномъ происхожденіи прикрѣпленія. Замѣтимъ лишь, что настаиваніе на несуществующемъ указѣ представляетъ собою крайнее проявленіе формально-юридической точки зрѣнія, которая въ данномъ вопросѣ едва ли можетъ быть признана за единственно достаточную. Но если динамическій процессъ прикрѣпленія не поддается формально-юридическому учету, то зато статическое изображеніе положенія крестьянъ по поряднымъ, по Уложенію, по ссуднымъ записямъ второй половины XVII вѣка дано у нашего автора, благодаря его юридическому догматизму, съ такой определенностью и законченностью, какой мы не находимъ въ изслѣдованіяхъ экономическаго направленія. Отличительной чертой древности авторъ считаетъ сохраненіе за владѣльческими крестьянами основныхъ правъ свободы ихъ, какъ субъектовъ гражданскаго оборота; эта черта сближала владѣльческихъ крестьянъ съ черноволостными. Отрицаніемъ старины представляются автору постановленія Уложенія

царя Алексѣя Михайловича, ограничивавшія и отмѣнявшія различныя обычныя права владѣльческихъ крестьянъ на свободное участіе въ гражданскомъ оборотѣ. Постановленія эти проводили рѣзкую грань между крестьянами черноволостными и владѣльческими и подготовляли превращеніе послѣднихъ въ новый видъ рабовъ (I, 289—291).

При изученіи юридическаго положенія крестьянъ на черныхъ волостныхъ земляхъ автору приходится въ первую голову рѣшать вопросъ о томъ, чью собственность составляли земли, на которыхъ сидѣли черные, тяглые волостные люди (I, 251 и слѣд.). Мнѣніе В. И. Сергѣевича по этому вопросу подверглось существенному измѣненію на протяженіи времени между первымъ и вторымъ изданіемъ I-го тома Древностей. Въ первомъ изданіи авторъ полагалъ, что собственникомъ черныхъ земель была волость (Русскія юридическія древности, томъ I, 1890 г., стр. 214—215). Выпуская чрезъ двѣнадцать лѣтъ второе изданіе, В. И. Сергѣевичъ въ предисловіи предупреждалъ читателей, что „въ этотъ длинный промежутокъ времени (онъ) продолжалъ изучать памятники нашей древности и по нѣкоторымъ вопросамъ пришелъ къ инымъ заключеніямъ . . . Всего болѣе перемѣнъ потребовалъ отдѣлъ о крестьянскомъ землевладѣніи“. И дѣйствительно, на извѣстный уже намъ вопросъ о томъ, чью собственность составляютъ земли, на которыхъ сидятъ черные, тяглые волостные люди, дается во второмъ изданіи совершенно иной отвѣтъ. „Эти земли“, говоритъ авторъ, „составляютъ собственность великихъ князей московскихъ“ (Русск. юрид. древ., томъ I, изд. 2-ое, 1902 г., стр. 225). Это положеніе воспроизводится затѣмъ въ разбираемомъ нами третьемъ изданіи (I, 251). „Твердое основаніе“ для новаго рѣшенія вопроса дали автору писцовыя новгородскія книги конца XV вѣка (I, 253), изученіемъ которыхъ онъ занимался въ длинный промежутокъ времени между первымъ и вторымъ изданіемъ перваго тома Древностей. Результаты этого изученія и основанія новаго взгляда на принадлежность московскимъ государямъ права собственности на волостныя земли изложены авторомъ предварительно въ статьѣ, напечатанной въ сентябрьской книгѣ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1900 годъ, и включены затѣмъ въ III-ій томъ Древностей. Въ первомъ томѣ какъ вто-

рого, такъ и третьяго изданія дана лишь голая формулировка новаго положенія, за аргументаціей котораго читатель отсылается къ указанной статьѣ и III-ему тому Древностей (I, 252). Въ виду этого мы, чтобы не выходить за предѣлы подлежащихъ нашему отзыву первыхъ двухъ томовъ Древностей, не будемъ вдаваться въ разборъ аргументаціи автора, тѣмъ болѣе, что она неразрывно связана съ общимъ его ученіемъ о происхожденіи общиннаго землевладѣнія въ Московскомъ государствѣ, совершенно исключеннымъ изъ перваго тома, начиная со втораго его изданія. Ограничимся поэтому лишь нѣкоторыми общими замѣчаніями.

В. И. Сергѣевичъ со втораго изданія принялъ мнѣніе Б. Н. Чичерина о принадлежности черныхъ земель князю на правѣ частной собственности, которое въ первомъ изданіи опровергалъ (срвн. 1-ое изд., стрн. 254—255; 2-ое изд., стрн. 266; 3-ье изд., стрн. 293)¹⁾. Въ первомъ изданіи права на черныя земли изображались слѣдующимъ образомъ: князьямъ приписывалось „право высшей государственной власти“ на эти земли (255, 213—214), волости — право собственности „только на то, что не было освоено отдѣльными ея членами и чѣмъ они пользовались безъ раздѣла, напирмѣръ: выгонъ, строевой и дровами лѣсъ, луга и пр.“ (216), членамъ волости — право собственности на принадлежавшіе имъ отдѣльные участки волостной земли (216). Во второмъ и третьемъ изданіи картина измѣнилась. Право частной собственности на черныя земли приписано исключительно и безраздѣльно великимъ князьямъ московскимъ (2-ое изд., 225; 3-ье изд., 251). Волость признана только владѣльцемъ черной земли, а не ея собственникомъ (2-ое изд., 228; 3-ье изд., 255)²⁾. Что же касается правъ отдѣльныхъ членовъ волости на волостныя земли, то они остаются безъ всякаго

1) Отличіе В. И. Сергѣевича отъ Б. Н. Чичерина заключается лишь въ томъ, что Б. Н. Чичеринъ выводилъ право частной собственности князей на черныя земли изъ завоеванія, а В. И. Сергѣевичъ изъ конфискаціи.

2) Очевидно, вслѣдствіе недосмотра при перепечаткѣ волость продолжаетъ именоваться собственникомъ при анализѣ договоровъ съ новыми поселенцами и во второмъ, и въ третьемъ изданіи (срвн. 1-ое изд., 215; 2-ое изд., 229—230; 3-ье изд., 256).

опредѣленія. Авторъ ограничивается лишь замѣчаніемъ, что „древность даетъ удивительный отвѣтъ на этотъ вопросъ“ и тутъ же перечисляетъ общезвѣстные виды распоряженія членовъ волости волостной землею и указываетъ на принадлежавшее членамъ волости право самостоятельной судебной защиты ихъ участковъ (2-ое изд., 230; 3-ье изд., 257). Происхожденіе такой практики по части распоряженія отдѣльныхъ членовъ волости волостными участками авторъ выводитъ изъ порядка записи послѣднихъ въ писцовыя книги подворно за отдѣльными крестьянами и поименно (2-ое изд., 233—234; 3-ье изд., 260). Къ писцовымъ же книгамъ сводится и происхожденіе права волостей на черныя земли. „Возлагая платежъ оброка на цѣлую волость и предоставляя ей пользованіе угодьями, писцы впервые создаютъ права цѣлой волости на землю“ (2-ое изд., 233; 3-ье изд., 260).

Новая концепція автора врядъ ли является достаточно доказанной и пріемлемой. Въ основѣ ея лежитъ мнѣніе о происхожденіи частной собственности князя на черныя земли изъ конфискаціи. Не говоря уже о томъ, что само по себѣ мнѣніе это весьма проблематично, необходимо замѣтить, что изъ конфискаціи отнюдь еще не слѣдуетъ установленіе частной собственности князя, такъ какъ послѣдствіемъ конфискаціи можетъ быть признано съ неменьшею вѣроятностью установленіе „правъ высшей государственной власти“, воплощенной по возрѣнію того времени въ лицѣ государя. Въ первомъ изданіи авторъ говорилъ совершенно правильно, что „старинныя поземельныя отношенія волости такъ своеобразны, такъ мало походятъ на современные, что подвести ихъ подъ обычныя для насъ понятія представляется дѣломъ совершенно невозможнымъ“ (212). Односторонне увлекшись мыслью о конфискаціи, авторъ забылъ приведенное свое замѣчаніе и конструировалъ права князя на черныя земли какъ частную собственность въ современномъ смыслѣ и этимъ разрушилъ ту іерархію своеобразныхъ правъ собственности разныхъ степеней (*dominium eminens, directum, utile*), которыя принадлежали на черныя земли государю, волости и обладателямъ отдѣльныхъ волостныхъ участковъ.

Въ качествѣ обособленной группы населенія древней Руси, не перешедшей въ Московское государство, приводятся изгои. Въ качествѣ особыхъ разрядовъ тяглыхъ, упоминае-

мыхъ съ XIV вѣка и исчезнувшихъ съ прекращеніемъ зависимости Московскаго государства отъ татаръ, разъясняются численные люди (числяки), ордынцы и делюи. Толкованіе относящихся къ указаннымъ группамъ населенія данныхъ источниковъ является образцовымъ въ смыслѣ строгости, точности и отсутствія какихъ-либо предвзятыхъ мнѣній и рискованныхъ догадокъ.

Введеніемъ особаго раздѣла о закладняхъ (уже въ первомъ изданіи) В. И. Сергѣевичъ оказалъ большую услугу наукѣ. До выхода въ свѣтъ I-го тома Древностей о закладняхъ говорили только мимоходомъ. Авторъ Древностей включилъ ихъ въ кругъ систематическаго ученія о населеніи и этимъ далъ толчокъ къ специальному изслѣдованію института. Этому толчку несомнѣнно обязанъ своимъ происхожденіемъ этюдъ Н. П. Павлова-Сильванскаго о закладничествѣ. Poleмика, имѣвшая мѣсто между Н. П. Павловымъ-Сильванскимъ и В. И. Сергѣевичемъ по вопросу объ юридической природѣ закладничества, обогатила литературу цѣнными данными. Проводимое В. И. Сергѣевичемъ отождествленіе закладней (закладниковъ, закладчицъ) удѣльнаго времени съ закладными людьми XVII вѣка врядъ ли можетъ быть признано не подлежащимъ сомнѣнію. Можно поэтому ожидать, что вопросу о закладничествѣ суждено въ будущемъ подвергнуться переизслѣдованію. Каковъ бы ни былъ исходъ послѣдняго, за В. И. Сергѣевичемъ останется неоспоримая заслуга почина. Въ этомъ сказывается одна изъ отличительныхъ чертъ В. И. Сергѣевича, какъ изслѣдователя: онъ, подобно Фюстель-де-Куланжу, — неутомимый „чтець текстовъ“, проницательно извлекающій изъ нихъ все новыя и новыя данныя.

Раздѣлъ о „купцахъ, гостяхъ, посадскихъ людяхъ“ даетъ весьма рельефное изображеніе отличительной особенности русской древности, именно, — отсутствія въ ней замкнутаго торгово-промышленнаго сословія, юридически строго отграниченнаго отъ другихъ сословій. Тѣ мѣры, которыя принимались въ Московскомъ государствѣ къ обособленію посадскихъ людей и нашли себѣ наиболѣе полное выраженіе въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича, были направлены на очищеніе посадовъ отъ бѣломѣстцевъ и ихъ крестьянъ, но не содержали въ себѣ никакихъ постановленій, которыя были бы направлены на формально-юридическое выдѣленіе город-

скаго сословія изъ общей массы черныхъ тяглыхъ людей. По мѣткому выраженію автора, это было „размежеваніе государя съ патріархомъ, митрополитами, боярами и всякихъ чиновъ владѣльцами“ (I, 356)¹⁾. На черныхъ же земляхъ не было проведено формально-юридическаго разграниченія между посадскимъ и уѣзднымъ населеніемъ, не смотря на наличность особаго посадекаго тягла, специальныхъ (таможенныхъ) сборовъ съ торговли и специфической службы торговыхъ посадскихъ людей. Указанную сторону дѣла В. И. Сергѣевичъ представилъ со свойственной ему выразительностью и наглядностью.

Раздѣлъ объ „огнищанахъ, боярахъ, дѣтяхъ боярскихъ“ имѣетъ особенную цѣнность по тщательному изслѣдованію вопроса о вольныхъ и невольныхъ слугахъ государевыхъ. Авторъ послѣдовательно изображаетъ двѣ старины: до-московскую вольную службу и крѣпость служилыхъ людей государевой службѣ въ Московскомъ государствѣ, и выясняетъ процессъ перехода отъ одного порядка къ другому. Процессъ этотъ совершенно чуждъ характера указной реформы. Онъ представляетъ собою фактическую ломку вольной старины путемъ ряда отдѣльныхъ актовъ ея отрицанія, предпринимаемыхъ съ великою осторожностью и даже съ нѣкоторой робостью (I, 385; сравн. 390). Такими актами являлись: репрессіи (опала) московскихъ князей противъ лицъ, осуществлявшихъ неотнятое у нихъ право отъѣзда (I, 382—384); отнятіе у нихъ вотчинъ при отъѣздѣ (I, 386—387), возведенное въ правило въ духовной великаго князя Ивана Васильевича (I, 390); давленіе на ненадежныхъ слугъ, принуждавшее ихъ къ формальному отказу отъ права отъѣзда въ особыхъ укрѣпительныхъ крестоцѣловальныхъ записяхъ (I, 387); наконецъ, въ XVI вѣкѣ клятвенныя записи съ удѣльныхъ князей, обязывавшія послѣднихъ не только не принимать къ себѣ служилыхъ людей великаго князя, но и извѣщать московское правительство о такихъ охотникахъ до переѣздовъ „на лихо великаго князя“ (I, 390). Авторъ

1) Чтобы ввести послѣднее выраженіе автора (всякихъ чиновъ владѣльцы) въ болѣе точные предѣлы, необходимо указать, что низшихъ служебъ служилые люди (стрѣльцы, казаки, драгуны, пушкаріи, затинщики, воротники) были допущены на различныхъ основаніяхъ къ владѣнію посадекими дворами, лавками, амбарами и къ торговлѣ на посадахъ (Улож., XIX, 4, 11, 12).

отмѣчаетъ, что починъ въ дѣлѣ установленія правила о лишеніи бояръ права на сохраненіе вотчинъ въ предѣлахъ оставляемой ими волостной территоріи сдѣланъ былъ Новгородомъ еще въ XIV вѣкѣ, и Москвѣ надо было учиться у Новгорода (I, 386). Особенное значеніе въ дѣлѣ отмѣны права отѣзда въ Московскомъ государствѣ авторъ придаетъ укрѣпительнымъ крестоцѣловальнымъ записямъ. Записи эти предоставляли великому князю право наказывать нарушителей по своему усмотрѣнію; затѣмъ записи эти обезпечивались „поручными“ и „подручными“, которыя покрывались большимъ количествомъ подписей, что фактически устанавливало какъ бы круговую поруку среди служилыхъ людей московскихъ государей. Такимъ путемъ „проводится въ среду служилыхъ людей мысль объ обязанности ихъ служить великому князю до живота и о правѣ великаго князя конфисковать имущество отѣхавшихъ и наказывать ихъ всякими иными казнями“ (I, 389). Какъ видимъ, ломка старины исконной вольности сопровождалась постепеннымъ созиданіемъ противоположнаго обычая, новой московской старины, заключавшейся въ крѣпости службъ государевой. Блестящее выясненіе этого характера государственнаго строительства Московскаго царства составляетъ крупную научную заслугу автора. Изучивъ послѣдовательную смѣну двухъ порядковъ службы, авторъ останавливается затѣмъ на переживаніяхъ древности, доходящихъ до XVII-го вѣка. Живучестью права отѣзда въ памяти бояръ объясняетъ авторъ какъ рядъ сценъ у постели умирающаго царя Ивана 11 марта 1553 года (I, 392), такъ и переѣзды служилыхъ людей въ смутное время изъ Москвы въ Тушину и обратно (I, 393).

Прикрѣпленіе къ службѣ измѣнило самый ея характеръ. Изъ вольной службы, размѣръ которой зависѣлъ отъ усмотрѣнія слуги, или во всякомъ случаѣ, прибавимъ отъ себя, отъ соглашенія его съ княземъ, она превратилась въ подневольную, уложенную службу, размѣръ которой устанавливался односторонне и властно государемъ. Авторъ только указываетъ на это новое направленіе службы и опять обращается къ древностямъ (I, 394), — къ разъясненію стараго термина „дѣти боярскія“ и къ опредѣленію привилегій бояръ и вольныхъ слугъ (I, 398). Привилегіи эти могутъ быть отнесены къ „первоначальной“ древности только

на основаніи отрывочныхъ намековъ источниковъ и въ силу исполнѣ, впрочемъ, вѣроятныхъ историческихъ предположеній. Что же касается документальныхъ данныхъ о нихъ, то таковыя относятся къ „древности второго наслоенія“, — ко времени Московскаго государства. Въ виду такого состоянія использованныхъ авторомъ источниковъ¹⁾ конструкція привилегій бояръ и слугъ обращается не только къ древности, но и къ Московскому государству, распространяясь и на прикрѣпленныхъ къ службѣ служилыхъ людей. Такое изложеніе соотвѣтствуетъ впрочемъ специфической точкѣ зрѣнія „древностей“. Жаль только, что, упомянувъ о значеніи прикрѣпленія для установленія „уложенной службы“, авторъ не сдѣлалъ соотвѣтственнаго указанія относительно помѣстнаго оклада.

Изображеніе юридическаго положенія служилыхъ людей получаетъ дальнѣйшее развитіе въ двухъ дополнительныхъ къ ученію о населеніи изслѣдованіяхъ автора, — о дворовыхъ чинахъ и о войскахъ.

„Дворъ московскихъ государей“, говоритъ В. И. Сергѣевичъ, „является дѣятельнымъ факторомъ, существенно измѣняющимъ обликъ высшихъ классовъ населенія. Придворная служба, привлекавшая къ себѣ все большія и большія силы, перерабатываетъ старыхъ вольныхъ слугъ въ тѣ чиновные разряды населенія, которые наполняютъ города и уѣзды Московскаго государства въ XVI и XVII вѣкѣ“ (предисловіе къ первому изданію I-го тома). Авторомъ дана первая въ общей литературѣ исторіи русскаго права систематическая разработка дворовыхъ чиновъ.

Изъ той же придворной слуги вышелъ несоизмѣримый въ силу своей худородности съ другими дворовыми чинами дьяческій чинъ (I, 562, 590—591). Дьяки почти не останавливали на себѣ вниманія историковъ-юристовъ. В. И. Сергѣевичу принадлежитъ несомнѣнная заслуга извлеченія дьяковъ изъ той тѣни, въ которой оставляли ихъ изслѣдо-

1) Отмѣтимъ кстати, что авторъ совершенно не принимаетъ въ соображеніе „Актовъ XIII—XVII вѣковъ, представленныхъ въ разрядный приказъ“, изд. А. Юшковымъ въ Чтеніяхъ М. О. И. и Др. Росс., 1898 г., кн. II—IV. См. особенно Древности, I, 400, гдѣ буквально воспроизводится сказанное въ первомъ изданіи.

ватели. Онъ посвятилъ дьякамъ особую главу, которая представляет собою хотя и небольшую по объему, но цѣнную по содержанію монографію. Въ ней не только выясняется юридическое положеніе дьяческаго чина, но и указывается значеніе дьяковъ въ процессъ развитія правительственной централизаціи и бюрократизаціи управленія въ Московскомъ государствѣ (I, 562, 569, 575, 578—579). И въ этомъ процессѣ авторъ подчеркиваетъ столь проицательно имъ подмѣченную и удачно выдвигаемую особенность политическаго строительства Москвы, заключающуюся въ томъ, что новыя начала государственнаго порядка обыкновенно вырабатывались въ ней путемъ практики и только потомъ попадали въ указы государей (I, 563). Въ данномъ случаѣ авторъ имѣетъ въ виду практику одьяченія, если позволено такъ выразиться, центрального и мѣстнаго управленія, составляющую въ высшей степени важную особенность московскаго государственнаго строя, столь мастерски начертанную въ изложеніи автора. Эту именно особенность принимаетъ въ соображеніе авторъ, когда говоритъ, что Москва второй половины XV-го, XVI-го и XVII-го вѣковъ менѣе походить на Русь до — Московскую, чѣмъ на имперію Россійскую временъ Екатерины II-ой (I, 594).

Въ качествѣ особаго дополненія къ ученію о населеніи появляется впервые въ третьемъ изданіи I-го тома Древностей изслѣдованіе о войскѣ (стрн. 595 слѣд.). Оно раздѣлено на двѣ главы, изъ которыхъ первая посвящена древнѣйшему времени, вторая — службѣ въ Москвѣ. Очеркъ военной организаціи древнѣйшаго времени данъ былъ авторомъ еще въ его первомъ трудѣ, посвященномъ государственному устройству и управленію во времена князей Рюриковичей (Вѣче и князь, 1867 г., кн. II, гл. III, стрн. 389 слѣд.). Основные положенія его воспроизводились затѣмъ въ Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ 1883 года (стрн. 400—416), въ которыхъ указывались также въ общихъ чертахъ порядки военной организаціи Московскаго государства (стрн. 871—874). Последняя подверглась затѣмъ со стороны В. И. Сергѣевича спеціальному изученію, результаты котораго были имъ опубликованы въ журнальной статьѣ за 1905 годъ (Ж. М. Юст., 1905 г., кн. 9-ая). Всѣ эти этюды о военной организаціи древней Руси до конца XVII вѣка сведены вмѣстѣ, допол-

нены, развиты и систематически изложены въ третьемъ изданіи I-го тома Древностей. Подобную систематическую обработку данного вопроса встрѣчаемъ въ литературѣ исторіи русскаго права впервые.

Тѣсная связь, существующая между военнымъ и политическимъ строемъ общества въ различные періоды его развитія¹⁾, придаетъ отдѣлу о войскѣ весьма важное значеніе для пониманія особенностей классоваго и сословнаго дѣленія населенія, а также организаціи власти въ древней Русн. Характеръ княжеской власти, отношеніе ея къ вѣчу, институтъ княжеской дружины и вольныхъ слугъ государевыхъ выступаютъ во всей опредѣленности только въ связи съ организаціей войска въ „древнѣйшее время“ (I, 598, 606; II, 32—33, 376). Точно также и „служба въ Москвѣ“ разъясняетъ соотвѣтственныя стороны общественнаго и политическаго строя Московскаго государства.

Съ особенной обстоятельностью разработанъ отдѣлъ о „службѣ въ Москвѣ“. Авторъ изслѣдовалъ основные относящіяся сюда источники, — разрядныя книги и десяти. Особенность этихъ источниковъ заключается въ томъ, что они содержатъ въ себѣ не общія нормы (законы) военной организаціи и даже не частныя распоряженія организаціоннаго характера, а главнымъ образомъ практику военнаго управленія, нерѣдко чисто техническаго характера. Такая особенность источниковъ заставляетъ автора предупредить читателя насчетъ извлекаемыхъ изъ нихъ выводовъ. Последніе, говоритъ авторъ, „скорѣе даютъ картину обычной правой жизни, чѣмъ жизни, регулируемой закономъ; а потому они и не могутъ отличаться той опредѣленностью и всеобщностью, какъ нормы законныя“ (I, 625). Замѣтимъ, что эта особенность вполне гармонируетъ съ указаннымъ выше специфическимъ характеромъ общаго государственнаго строительства Москвы, создававшегося не законами, а прецедентами, возникавшими въ порядкѣ „усмотрѣнія“ (I, 645).

Военная служба, которая одна только считалась и называлась въ Москвѣ службой государевой (I, 625, срвн. 407),

1) Государствовѣды за послѣднее время обращаютъ особенное вниманіе на эту связь. См., напр., O. Hintze, Staatsverfassung und Heeresverfassung, Dresden, 1906.

отразилась на организации общественных классов еще в большей степени, чем институт дворовых чинов. То или другое отношение к „службѣ“ всегда почиталось в наукѣ за признак, опредѣляющій сословную дифференціацию населенія в Московскомъ государствѣ. В. И. Сергѣевичъ в значительной степени выступаетъ противъ этого общепринятаго мнѣнія. За основаніе для такого выступленія авторъ принимаетъ общеобязательный характеръ „службы“ в Московскомъ государствѣ. „Обязательная служба“, говоритъ онъ, „лежала на всемъ населеніи; ей подлежали: дѣти боярскія, помѣщики, дворяне, всякіе виды посадскихъ людей и крестьянъ, какъ коренные русскіе, такъ и всякіе инородцы, присоединенные къ Московскому государствѣ“ (I, 627). Исходя изъ этого положенія, авторъ немедленно же ополчается противъ общепринятаго выдѣленія на почвѣ „службы“ особаго служилого сословія. „У насъ съ наукѣ“, говоритъ онъ, „установился терминъ служилые люди, подъ которымъ разумѣютъ высшіе разряды служилыхъ: дворянъ и дѣтей боярскихъ. Это словоупотребленіе не соответствуетъ древнему. Въ десятияхъ служилыми людьми называютъ даже крестьянъ и рабовъ, которыхъ господа обязаны были выводить съ собою в походы“ (I, 627). Хотя авторъ, по собственнымъ его словамъ, имѣетъ в виду исправить неправильное словоупотребленіе, тѣмъ не менѣе на самомъ дѣлѣ замѣчаніе его идетъ гораздо глубже и направляется противъ установленія какихъ бы то ни было сословныхъ различій на почвѣ военной службы (см. I, 517—518). Что такова мысль автора, на это указываютъ и принятыя имъ рубрики оглавленія книги о войскѣ: в первой главѣ ея отмѣчается всесословность войска в древнѣйшее время, во второй — всесословность обязательной службы в Москвѣ (I, XV). Мы не станемъ отрицать, что служба в Москвѣ была в извѣстномъ смыслѣ обязательной для всего населенія, но не можемъ не признать, что способъ несенія этой общей обязанности настолько дифференцировался, что эта дифференціация можетъ быть сочтена за достаточное основаніе для выдѣленія „служилыхъ людей“ в общепринятомъ смыслѣ.

Общепринятое основное различіе в несеніи военной службы служилыми и тяглыми людьми находимъ и у В. И. Сергѣевича. „Для лицъ высшихъ разрядовъ служилыхъ

людей,“ говоритъ онъ, „воинская повинность составляла личную обязанность каждаго по достиженіи 15 лѣтняго возраста; крестьяне же и посадскіе воины поступали на службу не по личной обязанности, а они выставались своими обществами, на которыхъ и лежала воинская повинность“ (I, 628). Авторъ не хочетъ, однако придавать этому различію никакого политико-правового значенія и видитъ в немъ лишь фактическое послѣдствіе неодинаковаго социального положенія. „Одни могли спокойно сидѣть дома и кормиться отъ своихъ земель, не прилагая къ нимъ рукъ своихъ, другіе содержали себя личнымъ трудомъ. Это отразилось и на отправленіи ими воинской повинности. Служилые люди высшихъ разрядовъ, дворяне и дѣти боярскія, должны были служить все поголовно. Низшіе же классы служили не поголовно; здѣсь обязанность службы лежала не на каждомъ человѣкѣ, а на обществахъ сельскихъ и городскихъ, которыя должны были выставить извѣстное число воиновъ съ опредѣленнаго числа дворовъ“ (I, 631—632). Видѣть в указанномъ различіи одно лишь фактическое слѣдствіе техническихъ условій хозяйства и отрицать за нимъ политико-правовое значеніе врядъ ли правильно¹⁾. Самъ авторъ в другомъ мѣстѣ своего труда высказывается о томъ значеніи, какое имѣетъ отмѣна поголовнаго участія в войскѣ всего населенія. По поводу вѣча авторъ говоритъ: „Въ началѣ исторіи, когда военное ремесло не обособилось еще отъ другихъ занятій и весь народъ входилъ в составъ войска, весьма натурально, что ему должно было принадле-

1) Не лишено интереса отмѣтить, что то формальное различіе, которое авторъ готовъ допустить между дворянами и тяглыми людьми, сводится все же къ службѣ. „Между дворянами и другими классами населенія можно указать только одно формальное различіе. Дворяне записывались по городамъ в дворянскіе списки, посадскіе же люди и крестьяне в писцовыя, переписныя и иные книги тяглыхъ государевыхъ людей. . . . Дворянскіе списки были заведены в интересахъ правительства, для опредѣленія числа лицъ, годныхъ в службу“ (I, 518). Отмѣчаемые авторомъ в другомъ мѣстѣ „смотрѣнные списки“ посадскихъ людей, составившіеся для опредѣленія боевой способности жителей извѣстнаго города (I, 629), какъ будто нарушаютъ допускаемое авторомъ единственное формальное различіе, но по существу конечно не дѣлаютъ посадскихъ людей служилыми в тѣсномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ не призываютъ ихъ къ поголовной службѣ.

жать совѣмъ иное значеніе въ рѣшеніи общественныхъ вопросовъ, чѣмъ это сдѣлалось возможно позднѣе, когда образовалась отдѣльная отъ народа военная сила“ (II, 32—33). Въ приведенной цитатѣ намѣчены двѣ противоположныя крайности, но само собою понятно, что зависимость общественно-политическаго уклада отъ военной организаціи сохраняетъ силу и для промежуточныхъ стадій. Промежуточное въ этомъ отношеніи положеніе занимало Московское государство. Въ немъ поголовная военная служба была ограничена исключительно служилыми людьми. Правда, что повинность тяглыхъ общинъ выставлать даточныхъ съ извѣстнаго числа сохъ и дворовъ „принимала иногда размѣры всенароднаго ополченія“ (I, 628), но послѣднее было лишь исключеніемъ („въ смутное время“ — I, 628), и въ немъ можно видѣть лишь переживаніе „первоначальнаго положенія дѣла¹⁾“. Для высшихъ разрядовъ служилыхъ людей военная служба была сословной профессіей, въ которой они, благодаря наслѣдственному упражненію, достигали той степени техническаго искусства (по крайней мѣрѣ, въ своей сословной кавалерійской службѣ), какая вообще возможна при системѣ ополченія (см. I, 632). Для низшихъ же разрядовъ служилыхъ людей служба превращалась въ военное ремесло (стрѣльцы, казаки) съ подраздѣленіемъ послѣдняго на специальности (рейтары, солдаты, пушкарі).

Замѣтимъ кстати, что, распространяя терминъ служилыхъ людей на всѣхъ попадавшихъ на „службу“ независимо отъ юридическаго основанія послѣдней, авторъ понимаетъ подъ высшими разрядами служилыхъ людей дворянъ и дѣтей боярскихъ, а подъ низшими — посадскихъ и крестьянъ, выставлывшихъ даточныхъ (I, 627, 628, 632 и др.). Между тѣмъ согласно общепринятому мнѣнію къ низшимъ разрядамъ служилыхъ людей въ Московскомъ государствѣ относятся т. н. низшихъ служебъ служилые люди, образовавшіе постоянныя войска; въ послѣднія поступали, правда, вольные люди, но, разъ поступивъ, они становились уже потомственно крѣпкими служебъ. По признаку личной пого-

1) На томъ же основаніи, на какомъ самъ авторъ видитъ „остатокъ самой глубокой древности“ въ охочихъ людяхъ на служебъ Московскаго государства въ XVII вѣкѣ (I, 630).

ловной службы низшіе разряды служилыхъ людей объединяются съ высшими въ одинъ классъ. В. И. Сергѣевичъ говоритъ о постоянныхъ войскахъ, но даетъ ихъ юридическому положенію своеобразное истолкованіе, предназначенное для доказательства его основной мысли объ уравниеніи службой всѣхъ классовъ населенія Московскаго государства. „Кто поступилъ въ эти войска“, читаемъ мы у В. И. Сергѣевича, „остается тамъ съ потомствомъ; такимъ образомъ и для низшихъ классовъ возникаетъ наслѣдственная служба“ (I, 633)¹⁾. Такимъ образомъ вмѣсто общепринятаго выдѣленія категоріи служилыхъ людей по признаку личной поголовной службы получается у В. И. Сергѣевича объединеніе на почвѣ службы всѣхъ классовъ населенія путемъ распространенія признака низшихъ служебъ служилыхъ людей на всѣ низшіе классы общества. Врядъ ли это можно признать убѣдительнымъ и общепринятымъ мнѣніемъ поколебленнымъ.

То обстоятельство, что въ десятияхъ служилыми людьми называютъ даже крестьянъ и рабовъ, которыхъ господа обязаны были выводить съ собою въ походы (I, 627), не можетъ служить препятствіемъ къ общепринятому употребленію термина въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, точно такъ же, какъ различное значеніе, придаваемое слову „дружина“ въ источникахъ „древнѣйшаго времени“, не является препятствіемъ къ приложенію этого послѣдняго термина къ одному строго определенному институту (I, 601—603).

Классъ служилыхъ людей въ общепринятомъ его пониманіи обнималъ собою обширныя и разнообразныя группы населенія, въ средѣ которыхъ существовали на почвѣ службы такія различія, которыя даютъ основаніе выдѣлять высшіе разряды служилыхъ людей въ особую группу сословнаго характера. Изъ предыдущаго изложенія очевидно, что В. И. Сергѣевичъ не проводитъ подобной дифференціаціи. Но такъ какъ изслѣдованіе его о „службѣ въ Москвѣ“ представляетъ собою тщательную разработку источниковъ, то въ его изложеніи можно найти всѣ данныя, необходимыя для

1) Весь важный смыслъ приведенныхъ словъ уясняется въ связи съ положеніемъ, сформулированнымъ на предыдущей страницѣ: „Въ высшемъ классѣ обязанность службы отъ отца переходитъ къ сыну; и служба получаетъ наслѣдственный характеръ“ (I, 632).

установленія указанныхъ различій. Основныя различія эти — слѣдующія: 1) только высшіе разряды служилыхъ людей, — дворяне и дѣти боярскія, — обязаны были выводить съ собою одного, двухъ и болѣе людей, вооруженныхъ и конныхъ (I, 669); 2) только высшіе разряды верстались на службу по отеческой чести, ибо — „крайняя ступень, на которой признается за людьми отеческая честь, это городовые дворяне“ (I, 638); 3) только высшіе разряды, намѣчаемые предѣлами признанія отеческой чести, получали по службѣ помѣстья; низшіе разряды служилыхъ людей въ постоянныхъ войскахъ получали не населенныя, а пашенныя земли (I, 660, срвн. 518); это общее правило; случался, когда „солдаты, драгуны, рейтары точно такъ же верстаются помѣстьями и денежнымъ государевымъ жалованьемъ, какъ дворяне и дѣти боярскія“ (I, 633), являются единичными исключеніями; 4) надзоръ за несеніемъ службы высшими разрядами служилыхъ людей находился въ рукахъ спеціально для этой цѣли созданнаго ихъ сословнаго самоуправления, органами котораго были выборные окладчики (I, 648). — Принадлежность къ высшимъ разрядамъ служилыхъ людей была наследственной, и основанное на ней сословное право являлось до известной степени обезпеченіемъ противъ деклассации, которая могла быть вызвана фактически имущественной несостоятельностью и вытекавшей изъ нея невозможностью нести службу, соответствовавшую сословному званію. „Городовые дворяне“, говоритъ авторъ, „пополнялись актомъ рожденія. Званіе это сообщалось всѣмъ законнымъ дѣтямъ городского дворянина. Но родиться дворяниномъ еще не много значило. У отца дворянина могло совсѣмъ не быть вотчинъ, а помѣстій — только на одну душу. Сыновья такого дворянина были очень маленькіе люди, имъ и на службу снарядиться было не съ чего. Сыновья такихъ мелкихъ помѣщиковъ и по смерти отца могли ничего не получить, кромѣ титула дворянина, да права просить государя о надѣлѣ помѣстьемъ для службы“ (I, 523).

Выражавшійся въ приведенныхъ различіяхъ процессъ сословнаго обособленія высшихъ разрядовъ служилыхъ людей встрѣчалъ однако на своемъ пути препятствія къ полному завершенію. Препятствія эти были двоякаго рода:

1) сословная обособленность высшихъ разрядовъ служилыхъ людей нарушалась извнѣ служебно-техническимъ смѣшеніемъ ихъ съ низшими; 2) развитіе ея парализовалось наличностью элементовъ розни внутри высшихъ разрядовъ. Въ первомъ отношеніи важно указаніе автора на то, что „въ Москвѣ дворянская служба не была обособлена отъ крестьянской, и дворяне и крестьяне стояли рядомъ въ однѣхъ и тѣхъ же сотняхъ и замѣняли другъ друга и въ новомъ строевомъ, и въ старомъ нестроевомъ войскѣ“ (I, 634)¹⁾; въ ряды служилыхъ людей высшихъ разрядовъ верстались лица низкаго происхожденія, и это дѣлалось при участіи самихъ же мѣстныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, у которыхъ, слѣдовательно, было мало развито чувство классовыхъ различій (I, 635). Во второмъ отношеніи авторъ подчеркиваетъ практиковавшіеся въ Москвѣ порядки добыванія помѣстій путемъ цѣлой системы высматриванія, вывѣдыванія и подыскиванія подъ своими ближними (I, 662); это сѣяло рознь въ средѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ, и эта рознь мѣшала имъ сложиться въ сословіе крѣпко сплоченное и съ опредѣленными политическими стремленіями (I, 688).

Не принимая мнѣнія В. И. Сергѣевича о политико-правовомъ уравниеніи „службой“ всѣхъ классовъ населенія Московскаго государства, нельзя однако, какъ это отмѣчено уже нами выше, отрицать того, что къ „службѣ“ призывалось, хотя и на различныхъ юридическихъ основаніяхъ, все населеніе. Устанавливаемый въ этомъ смыслѣ принципъ

1) Замѣтимъ, что служба дворянъ и дѣтей боярскихъ въ рейтарахъ, солдатахъ и казакахъ (I, 633) является все же не болѣе, какъ частнымъ случаемъ деклассации отдѣльныхъ лицъ. Такъ смотритъ, повидимому, на дѣло и самъ авторъ, когда говоритъ: „Дворяне и дѣти боярскія получали населенныя земли и жили трудомъ крестьянъ. Люди постоянныхъ войскъ получали не населенныя, а пашенныя земли, которыя они должны были обрабатывать своими руками. А такъ какъ въ постоянныхъ войскахъ служили и дворяне и дѣти боярскія, то, слѣдовательно, и нѣкоторые изъ нихъ жили трудами своихъ рукъ“ (I, 660). — Выставленіе отставными служилыми людьми и недорослями даточныхъ (I, 633—634) представляетъ собою замѣну одной обязанности, которую оказалось невозможнымъ исполнить, другою, но отнюдь не доказываетъ юридическаго уравниенія служебныхъ обязанностей дворянъ и дѣтей боярскихъ и крестьянъ.

всесословности обязательной „службы“ даетъ автору возможность привести еще одинъ доводъ въ пользу мысли о народномъ происхожденіи единой русской державы, мысли, формулированной, какъ знаемъ, въ отдѣлѣ о государственной территоріи. „Объединеніе русской земли совершалось не силами замкнутого дворянскаго сословія, а силами всего населенія русской земли, и дворянами, и посадскими, и крестьянами“ (I, 634).

Военный строй Московскаго государства основывался на началѣ обязательной службы государю служилыхъ людей, особенно же высшихъ ихъ разрядовъ, — прежнихъ вольныхъ слугъ. Но наряду съ дѣйствіемъ этого общаго начала, характернаго для Московскаго государства, сохранялись въ немъ и иные порядки, уцѣлѣвшіе отъ болѣе далекой древности. Авторъ отмѣчаетъ эти слѣды „первоначальнаго положенія дѣла“, когда приводитъ данныя о томъ, что въ XVI-омъ и даже въ XVII вѣкѣ не всѣ вотчинники отдѣльныхъ уѣздовъ и волостей служатъ великому князю, но нѣкоторые изъ нихъ (въ XVI вѣкѣ даже значительная ихъ часть) служатъ владыкѣ, разнымъ частнымъ лицамъ и даже никому не служатъ (I, 631). Въ этомъ фактѣ авторъ усматриваетъ пережитки порядковъ старинной военной службы, въ XVI вѣкѣ еще очень крупные (I, 631). Спрашивается, какіе въ частности изъ порядковъ старины имѣются въ виду въ данномъ случаѣ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ не дается прямо; его можно вывести лишь изъ сопоставленія отдѣльныхъ замѣчаній автора. Приступая къ указанію названныхъ пережитковъ, авторъ дѣлаетъ общее замѣчаніе слѣдующаго рода: „Переходъ вольной службы бояръ и дѣтей боярскихъ въ обязательную совершился не въ одинъ день . . . она слагалась очень медленно и не составляла еще общаго правила даже въ XVI вѣкѣ“ (I, 630—631). Отсюда слѣдуетъ, что отмѣчаемые факты разсматриваются какъ пережитки вольной службы вообще. Несомнѣнно, что не служить никому или не служить великому князю значило быть вольнымъ въ своей службѣ по отношенію къ послѣднему. Но этого мало. Принципъ вольной службы получилъ точную формулировку въ междукняжескихъ договорахъ (I, 373) и обозначалъ собою свободу отъѣзда вольныхъ слугъ отъ одного князя къ другому. Въ дѣлѣ привлеченія на службу

старыхъ вольныхъ слугъ князья конкурировали другъ съ другомъ. Нѣчто иное видимъ мы въ отмѣченныхъ фактахъ въ XVI вѣкѣ въ Московскомъ государствѣ. Здѣсь московскому государю приходится конкурировать съ частными лицами, которыя служили ему и тѣмъ не менѣ имѣли собственныхъ слугъ на своей службѣ. Что за старину представляетъ собою эта послѣдняя служба? Это весьма почтенная по своей древности старина: она восходитъ къ боярской дружинѣ Русской Правды (I, 369—370), сохраняется въ боярскихъ служилыхъ людяхъ XV вѣка (I, 370—371), удерживается въ постановленіи Уложенія царя Алексѣя Михайловича (XVII, 37) о изстари природныхъ дѣтяхъ боярскихъ патриаршихъ, митрополитскихъ и архіепископскихъ (I, 524) и отзывается въ боярскихъ дворахъ второй половины XVII-го вѣка (I, 371). Спрашивается, имѣла ли эта старина конститутивное значеніе для юридической природы политическаго строя, и какое именно? Что подобное значеніе она имѣла, это явствуетъ изъ того объясненія, которое даетъ авторъ происхожденію древнѣйшихъ боярскихъ дружинъ. „Бояре, какъ богатые люди, содержатъ при себѣ дружины. Это явленіе весьма понятно; въ то отдаленное время, когда государственная власть только возникала, и полиціи еще не было, каждый долженъ былъ самъ заботиться о своей безопасности. Отчасти съ цѣлью безопасности, а отчасти и въ видахъ войны богатые люди держали дружины“ (I, 369). Итакъ, интересующая насъ старина въ „первоначальномъ положеніи дѣла“ знаменуетъ собою „время, когда государственная власть только возникала“, время какого то особаго патримоніальнаго господства, эпоху дробленія политической власти. Значитъ, и выживаніе этой старины связано съ выживаніемъ древнѣйшаго дробленія власти, а ея устраненіе вызывается ростомъ единого централизованнаго государства. Такъ смотритъ на дѣло и авторъ. „Крѣпнувшее изодня въ день Московское государство“, говоритъ онъ, „начинаетъ находить для себя неудобнымъ старые порядки. Его уже беспокоятъ дружины бояръ, и вотъ оно распускаетъ ихъ изъ боярскихъ дворовъ, но для того, чтобы помѣстить ихъ на собственныхъ своихъ земляхъ. Изъ служилыхъ людей бояръ они становятся непосредственно служилыми людьми московскаго государя (I, 371) . . . Объединеніе русскихъ земель

въ XVII вѣкѣ сдѣлало въ этомъ отношеніи большіе успѣхи, но и въ XVII вѣкѣ встрѣчаются дѣти боярскія и дворяне, которые все еще не служатъ великому князю, а служатъ разнымъ частнымъ лицамъ (I, 631)¹. Подчеркиваемъ, что процессъ подведенія всѣхъ вотчинниковъ подъ обязательную службу государю характеризуется у автора какъ „объединеніе русскихъ земель“ въ Московскомъ государствѣ. Это, несомнѣнно, — объединеніе, такъ сказать, внутреннее, которое можетъ быть противопоставлено объединенію внѣшнему, понимаемому не только въ смыслѣ собиранія земли, но даже и въ смыслѣ установленія недѣлимости государственной территоріи между членами государственной семьи. Это — устраненіе череполомности патримоніальнаго владѣнія на государственной территоріи, подчиняемой единой центральной власти государственной. Процессъ этотъ находитъ себѣ аналогію въ томъ запрещеніи чужимъ князьямъ и боярамъ покупать недвижности въ предѣлахъ волостей — княженій, которое знаетъ еще удѣльный періодъ (I, 39, 371—372). Цѣлью этихъ запретовъ было, думается намъ, не только желаніе воспретятствовать тому, чтобы доходы съ земель употреблялись на пользу посторонней власти (см. I, 371)¹, но и стремленіе уменьшить на пространствѣ государственной территоріи число землевладѣльцевъ, служившихъ чужой власти.

IV.

Второй томъ Древностей имѣетъ своимъ предметомъ организацію власти. Онъ распадается по содержанію на двѣ части, которыя въ первомъ изданіи составляли даже отдѣльные выпуски: 1) вѣче и князь, 2) совѣтники князя.

Первая часть воспроизводитъ раннее и издавна пользующееся заслуженной извѣстностью изслѣдованіе автора: Вѣче и князь, но воспроизводитъ его не полностью, не по всѣмъ вопросамъ „государственного устройства и управленія во времена князей Рюриковичей“, а лишь по двумъ основнымъ отдѣламъ, — о вѣчевомъ строѣ и о порядкѣ

1) В. И. Сергѣевичъ воспроизводитъ въ данномъ случаѣ объясненіе Б. Н. Чичерина, см. Опыты по исторіи русскаго права, Москва, 1858 г., стр. 343.

междукняжескихъ отношеній. Эти отдѣлы переработаны авторомъ для Древностей и изложены по новому плану. Въ нѣкоторыхъ подробностяхъ авторъ отступилъ отъ своихъ первоначальныхъ взглядовъ, высказанныхъ въ монографіи 1867 года; извѣстное измѣненіе взглядовъ замѣчается затѣмъ и на протяженіи трехъ изданій Древностей. Не смотря на всѣ эти частичныя измѣненія, основныя положенія остаются тѣ же, какія были даны еще въ изслѣдованіи Вѣче и князь. Поэтому оцѣнка первой части II-го тома Древностей сводится, въ сущности говоря, къ указанію того значенія, какое имѣло изслѣдованіе Вѣче и князь въ научномъ развитіи исторіи русскаго права.

Значеніе это внѣ всякаго сомнѣнія въ высшей степени важное: только изслѣдованіе В. И. Сергѣевича дало объективное и строго научное изображеніе вѣчевого строя, какъ общаго уклада политической жизни древнерусскихъ земель. До изслѣдованія В. И. Сергѣевича вѣчевой строй либо оставался въ тѣни, либо освѣщался односторонне.

Карамзинъ признавалъ, что Новгородцы, Кіевляне и другіе русскіе знаменитые граждане, по словамъ лѣтописцевъ, издревле обихивали рѣшительнѣе дѣла государственныя въ собраніяхъ народныхъ (III, 23; см. III, прим. 219)¹, и потому видѣлъ въ вѣчѣ „древнее гражданское образованіе“ (VI, 88). Существенное вліяніе на развитіе исконнаго вѣчевого строя оказало призваніе князей, которое представлялось Карамзину „основаніемъ перваго устава государственнаго въ Россіи, то есть, Монархическаго“ (I, 142). Съ водвореніемъ монархической власти въ самомъ „началѣ русскаго исторіи“, когда „славяне добровольно уничтожаютъ свое древнее народное правленіе“ (I, 67), вѣча перестали быть основой политическаго уклада и удержались лишь какъ пережитокъ до-исторической древности. „Самый народъ славянскій, хотя и покорился князьямъ, но сохранилъ нѣкоторыя обыкновенія вольности, и въ дѣлахъ важныхъ, или въ опасностяхъ государственныхъ, сходился на общій совѣтъ“ (I, 143). Сохранившіяся въ качествѣ пережитка, вѣча оказывались однако далеко не безразличными

1) Цитируемъ томы и страницы Исторіи государства русскаго по пятому изданію Эйнерлинга (СПб., 1842—1844 г. г.).

для органическаго роста монархической власти. „Сии народныя собранія“, говоритъ Карамзинъ, „доказывали участіе гражданъ въ правленіи и могли давать имъ смѣлость, неизвѣстную въ державахъ строгаго, неограниченнаго единовластія“ (I, 143). „Что касается собственно до правленія“, разъясняетъ Карамзинъ въ специальной главѣ о состояніи Россіи съ XI до XIII вѣка, „то оно въ сии времена соединяло въ себѣ выгоды и злоупотребленія двухъ, одинъ другому противныхъ, уставовъ: самовластія и вольности. Когда Олегъ, Святославъ, Владиміръ, окруженные славою побѣдъ, величіемъ завоевателей, силою единодержавія въ цѣлой Россіи, повелѣвали народу: народъ смиренно и безмолвно исполнялъ ихъ волю. Но когда государство раздѣлилось; когда лучи славы угасли надъ престоломъ Св. Владиміра, и вмѣсто одного явились многіе государи въ Россіи: тогда народъ, видя ихъ слабость, захотѣлъ быть сильнымъ, стѣснялъ предѣлы княжеской власти или противился ея дѣйствию. Самовластіе государя утверждается только могуществомъ Государства, и въ малыхъ областяхъ рѣдко находимъ монарховъ неограниченныхъ. Между тѣмъ древній уставъ Рюриковыхъ временъ не былъ отмѣненъ; вездѣ, и въ самомъ Новѣгородѣ, князь судилъ, наказывалъ и сообщалъ власть своимъ тиунамъ; объявлялъ войну, заключалъ миръ, налагалъ дани. Но граждане столицы, пользуясь свободою вѣча, нерѣдко останавливали государя въ дѣлахъ важнѣйшихъ: предлагали ему совѣты, требованія; иногда рѣшили собственную судьбу его, какъ вышніе законодатели“ (III, 121). Указанное смѣшеніе двухъ „уставовъ государственныхъ“ носило чисто фактическій характеръ: ослабленіе „самовластія“ было вызвано злостнымъ раздробленіемъ Россіи на удѣлы. De iure однако дѣйствовалъ уставъ монархическій Рюриковыхъ временъ, и потому нарушавшія его „обыкновенія вольности“ — вѣча выступаютъ Карамзинымъ какъ многочисленные примѣры „народнаго своевольства“ (III, прим. 219). — По своему составу вѣче XI—XIII столѣтій не представлялось Карамзину органомъ чисто народнаго правленія: „не всѣ граждане могли судить на вѣчахъ, а только старѣйшіе или нарочитые, бояре, воины, купцы. Знаменитое духовенство тоже участвовало въ дѣлахъ правленія“ (III, 121—122). — Исчезли вѣча при первомъ же

усиленіи монархической власти, вызванномъ монгольскимъ игомъ. „Князья, смиренно пресмыкаясь въ Ордѣ, возвращались оттуда грозными властелинами: ибо повелѣвали именемъ царя верховнаго. Совершилось при моголахъ легко и тихо, чего не сдѣлалъ ни Ярославъ Великій, ни Андрей Боголюбскій, ни Всеволодъ III: въ Владиміръ и вездѣ, кромѣ Новгорода и Пскова, умолкъ вѣчевый колоколъ, гласъ вышняго народнаго законодательства, столь часто мятежный, но любезный потомству славяно-россовъ. Сіе отличіе и право городовъ древнихъ уже не было достоинствомъ новыхъ: ни Москвы, ни Твери, конхъ знаменитость возникла при моголахъ“ (V, 218). Въ Москвѣ отмѣчается Карамзинымъ только одинъ единственный случай собранія вѣча, — при нашествіи Тохтамыша и „мятежномъ безначаліи“ внутри города (V, 45). — Въ качествѣ юридической формы народнаго правленія вѣчевой строй удержался въ одномъ лишь Новгородѣ (VI, 82), который „замыслилъ монархію... рѣшилъ тѣмъ судьбу цѣлой Европы сѣверной, и давъ бытіе, давъ государей нашему отечеству, успокоенный ихъ властью, усиленный толпами мужественныхъ пришельцевъ варяжскихъ, захотѣлъ опять древней вольности“ (VI, 83). Хотя Карамзинъ специально и не указываетъ причинъ, которыя обусловили возможность осуществленія этого новгородскаго желанія, тѣмъ не менѣе изъ его „обозрѣнія исторіи Новгорода“ явствуется, что причинами этими были торговая, военная и политическая предприимчивость и самодѣятельность новгородцевъ (VI, 83—84), отсутствіе фактическаго пораженія ихъ монголами (VI, 84), наконецъ, — добродѣтель, которою надѣляется новгородцевъ Карамзинъ, явно слѣдующаго Монтескье¹⁾. Удержалъ вольность и Псковъ послѣ

1) „Видимъ также нѣкоторыя постоянныя правла великодушія въ дѣйствіяхъ сего, часто легкомысленнаго народа: таковымъ было не превозноситься въ успѣхахъ, изъявлять умѣренность въ счастіи, твердость въ бѣдствіяхъ, давать пристанище изгнанникамъ, вѣрно исполнять договоры, и слово: Новгородская честь, Новгородская душа, служило иногда вмѣсто клятвы. — Республика держится добродѣтелью, и безъ нее упадаетъ“ (IV, 85)... „Новгородцы, имѣя правленіе народное, общій духъ торговли и связь съ образованнѣйшими нѣмцами, безъ сомнѣнія отличались благородными качествами отъ другихъ россиянъ, униженныхъ тиранствомъ моголовъ“ (VI, 86).

отдѣленія отъ Новгорода и пріобрѣтенія „гражданской независимости“ (IV, 163; V, 107). Новгородъ и Псковъ именуются у Карамзина „свободными державами“ (IX, 85). — Не смотря на то, что „сердцемъ или главнымъ составомъ“ (Новгородской) державы были огнищане или житые люди“, что населеніе вообще дѣлилось по степенямъ соціальной іерархіи, и что „каждая степень безъ сомнѣнія имѣла свои права“ (VI, 82), все же новгородское вѣче представлено у Карамзина демократическимъ, такъ какъ и черные люди участвовали въ приговорахъ вѣча (VI, 83)¹⁾.

Полевой въ своей Исторіи русскаго народа (Москва, 1829—1833 г.), хотя и упрекалъ Карамзина въ томъ, что онъ „писавши исторію Россіи, не составилъ себѣ предварительно яснаго понятія о государственномъ составѣ древней Руси“ (т. II, прим. 29, стр. 39), самъ недалеко ушелъ отъ Карамзина по вопросу о вѣчевомъ строѣ. Вѣче, какъ „совѣтъ старцевъ и избранныхъ мужей“, представлялось Полевому исконнымъ учрежденіемъ славянъ: оно собиралось „властителемъ“ въ затруднительныхъ случаяхъ и рѣшало дѣла (I, 67—68). Водвореніе варяговъ повело по схемѣ Полевого не къ „уставу монархическому“, какъ у Карамзина, а къ феодализму. Послѣдній выражался въ установленіи удѣловъ (I, 72) и въ отсутствіи единого государства Россійскаго (II, 40—48). Варяжскій феодализмъ на славяно-русской почвѣ „рѣшительно принадлежалъ къ системѣ востока“ (II, 40), характеризуемой отсутствіемъ политической свободы. Феодальные владѣльцы-князья явились неограниченными повелителями туземнаго населенія, ими поработеннаго (I, 73). Вполнѣ понятно, что вѣча исчезли съ установленіемъ варяжскаго феодализма. Только впоследствии, когда „самобытность славянъ превозмогла скандинавскіе обычаи“, вѣча возродились: „приняты были и варягами“ (I, 68, прим. 49). Возродившееся вѣче, бывшее нѣкогда однообразнымъ общеславянскимъ учрежденіемъ, получило различное значеніе

въ двухъ частяхъ древней Руси, — сѣверной и южной, различныхъ по свойствамъ климата, почвы, географическаго положенія и по этнографическому матеріалу туземныхъ и сосѣднихъ племенъ (II, 50—51). Исторія Новгорода дала „повтореніе исторіи городскихъ общинъ въ другихъ земляхъ Европы“ (II, 57, 65) и создала „республику сѣверныхъ руссовъ“ (II, 84). Въ Новгородѣ вѣче демократизовалось въ своемъ составѣ и стало органомъ верховной власти. „Каждый осѣдлый гражданинъ новгородскій считался человекомъ свободнымъ и свободно подавалъ свой голосъ въ общемъ дѣлѣ, свободно противился мнѣнію другого и долженъ былъ уступать только большинству голосовъ“ (II, 73—74). „На главной городской площади, близъ Софійскаго собора, висѣлъ колоколь. Звонъ въ сей колоколь возвѣщалъ гражданамъ, что ихъ призываютъ на вѣче, или совѣщаніе. Тогда со всѣхъ концовъ шли на площадь граждане; имъ предлагали дѣла, выслушивали ихъ рѣшеніе, и опредѣляли исполненіе оныхъ“ (II, 74). „Рѣшенію вѣча народнаго подлежали всѣ государственные вопросы: заключеніе мира, объявленіе войны, избраніе князей, владыкъ новгородскихъ, чиновниковъ, награжденіе заслугъ, судъ надъ общественными преступниками“ (II, 75—76). „Чтожъ послѣ сего значилъ князь новгородскій? Онъ былъ полководецъ, которому платили въ жалованье часть государственныхъ доходовъ“ (II, 72). Совершенно иной политическій строй сложился въ южной Руси. Тамъ каждый изъ князей „считался полнымъ властелиномъ своего удѣла“ (II, 84): „предъ лицомъ князя все сливалось въ одно званіе: рабовъ“ (II, 87). О правленіи народномъ не могло быть и рѣчи. Въ городахъ собирались, правда, вѣча жителей для совѣщанія о своихъ дѣлахъ, но они не имѣли никакой общественной власти и должныствовали исполнять только повелѣнное имъ (II, 93—94): „это были нынѣшнія наши городскія думы“ (II, 94). — Полевой, какъ видимъ, использовалъ прежде всего мысль Карамзина о „свободной державѣ“ Новгородской. Что же касается другой мысли о соединеніи въ Россіи XI—XIII вѣковъ двухъ уставовъ: самовластія и вольности, которая уже у Карамзина получала такое истолкованіе, что „вольность“ превращалась въ „народное своевольство“, то Полевой только обострилъ это послѣднее толкованіе, устранивъ то самопротиворѣчивое коле-

1) Считаю не лишнимъ отмѣтить, что въ подтвержденіе послѣдняго положенія объ участіи черныхъ людей въ приговорахъ вѣча Карамзинъ дѣлаетъ слѣдующую ссылку на источники: Ростов. Лѣт. л. 503 на обор.: наймоваху злыхъ смердовъ... и тѣи приходяще на Вѣче, біяху въ колоколы, и кричаху... (VI, прим. 183).

баніе, которое дѣйствительно имѣлось у Карамзина (Полемой, II, 94, прим. 86).

М. П. Погодинъ въ своихъ Изслѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ о русской исторіи (1846—1856 г.г.) содѣйствовалъ нѣкоторому, далеко впрочемъ не окончательному, сглаженію той пропасти, которая легла въ изображеніи предшествовавшихъ историковъ между вѣчевымъ строемъ Новгорода и остальныхъ земель древней Руси. Онъ собралъ и систематизировалъ данныя лѣтописей какъ относительно Новгородскаго вѣча (V, 433—454), такъ и вѣчъ другихъ земель (VII, 153—167). Правда, что для Погодина только Новгородское вѣче являлось постоянно функционировавшимъ учрежденіемъ, рѣшенію котораго подлежали всѣ общественныя дѣла (V, 433); въ остальныхъ же земляхъ вѣча являлись чрезвычайными собраніями, созывавшимися въ случаяхъ недовольства населенія ходомъ княжескаго правленія¹⁾. Тѣмъ не менѣе сопоставленіе собранныхъ Погодинымъ данныхъ о вѣчахъ Новгорода и остальныхъ земель, а также наглядное распределеніе ихъ по рубрикамъ, разъясняющимъ разныя стороны устройства, компетенціи и функционирования вѣча, давали объективный матеріалъ, которымъ могли воспользоваться послѣдующіе изслѣдователи для выясненія общихъ основъ вѣечевого уклада древней Руси. Главное, — у Погодина намѣчался правильный пріемъ для дальнѣйшаго изученія института по лѣтописямъ.

С. М. Соловьевъ выводилъ институтъ „общенароднаго вѣча“ изъ разложенія первоначальнаго родового строя русской жизни. Въ концѣ перваго періода существованія русскаго общества, простирающагося до кончины Ярослава Мудраго, „жизнь общественная получила уже такое развитіе, что необходимо условливала распаденіе родовъ на отдѣльныя семьи, причемъ прежнее представительное значеніе старшинъ въ цѣломъ родѣ исчезаетъ, и когда князю пужно объявить,

1) „Вѣчевыя собранія происходили въ слѣдствіе обстоятельствъ, (что доказывается всѣми мѣстами безъ исключенія). Это было явленіе случайное, право по обычаю: городской людъ, бывъ доволенъ, или не имѣя силъ, молчалъ и жилъ спокойно; недовольный — созывалъ вѣче и принималъ свои мѣры“ (VII, 155).

предложить что-нибудь городу, то собираются не одни старцы, — собирается цѣлый городъ, является общенародное вѣче. Первое общенародное вѣче мы видимъ въ Новгородѣ, когда князю Ярославу нужно было объявить гражданамъ о смерти Владиміра и поведеніи Святополка“ (I, 214). Впервые подмѣчаемое въ Новгородѣ „общенародное вѣче“ является однако учрежденіемъ, свойственнымъ всѣмъ русскимъ землямъ. Ссылаясь на извѣстное мѣсто лѣтописи объ обычаяхъ всѣхъ „властей“ сходиться на вѣче и относя этотъ обычай къ эпохѣ 1054—1228 гг., С. М. Соловьевъ говоритъ: „мы не имѣемъ права въ описываемое время рѣзко выдѣлять новгородскій бытъ изъ быта другихъ значительнѣйшихъ русскихъ городовъ“ (I, 693). „Но если, съ одной стороны, нельзя рѣзко выдѣлять новгородскій бытъ изъ быта другихъ старшихъ городовъ, то, съ другой стороны, нельзя также не замѣтить, что въ Новгородѣ было болѣе благоприятныхъ условій для развитія вѣечевого быта, чѣмъ гдѣ-либо“ (I, 694). Отмѣтивъ эти условія въ частой смѣнѣ князей, торговой предпримчивости и богатствъ Новгорода, образованіи въ немъ сильныхъ фамилій, удаленности его отъ главнаго театра княжескихъ междоусобій, а также въ томъ фактѣ, что Новгороду приходилось имѣть дѣло съ младшими слабѣйшими князьями, С. М. Соловьевъ дѣлаетъ уже прямой выводъ, что „вѣчевому быту было легче развиваться въ Новгородѣ, чѣмъ въ другихъ городахъ“ (I, 695). Оставляя въ сторонѣ особенности государственнаго устройства Новгорода, которыя только зарождались въ „описываемое время“ и развились полностью лишь въ послѣдующую эпоху, обратимъ вниманіе на ту характеристику, которую даетъ С. М. Соловьевъ началамъ вѣечевого быта, общимъ для всѣхъ русскихъ земель. „Какъ въ другихъ городахъ, такъ и въ Новгородѣ“, читаемъ у С. М. Соловьева, „вѣче является съ неопредѣленнымъ характеромъ, неопредѣленными формами“ (I, 693). Эта характеристика становится особенно выразительной при сопоставленіи ея съ характеристикой княжеской власти (I, 673—676). Въ послѣдней даны вполне опредѣленныя положенія о правахъ князя, какъ носителя власти, о правахъ казны и поведеніи частной собственности князей. Въ противоположность этому характеристика вѣча исчерпывается указаніемъ на неопредѣлен-

ность его природы и его формъ. Составъ вѣча поясняется однимъ примѣромъ изъ лѣтописи, а въ установленіи его компетенціи знаменитый историкъ ограничивается замѣчаніемъ, что „вѣче собирается въ важныхъ случаяхъ для города“ (I, 694). — Вѣче, неопредѣленное по своему характеру и по формамъ своего проявленія, составляютъ принадлежность быта старыхъ городовъ древней юго-западной Руси; его нѣтъ, какъ юридическаго учрежденія, въ быту новыхъ городовъ Руси сѣверо-восточной. Общее паденіе вѣчевого быта происходитъ поѣтому по С. М. Соловьеву вскорѣ послѣ 1228 года вслѣдствіе политическаго возобладанія сѣверо-восточной Руси (I, 1114—1115, 1192—1193, 1521—1522). Прежній обычай какъ на думу на вѣче сходиться сохранился только въ одномъ мѣстѣ сѣверо-восточной Руси, — въ Новгородѣ Великомъ (I, 1193, 1521), а отъ него перешелъ затѣмъ во Псковъ (I, 1522). — Такимъ образомъ мы видимъ, что С. М. Соловьевъ доходилъ до признанія вѣчевого быта, какъ общаго въ нѣкоторомъ смыслѣ политическаго уклада всѣхъ древнерусскихъ земель до начала второй четверти XIII-го столѣтія. Знаменитый историкъ говорилъ даже о „двоевластіи“ вѣча и князя, какъ о порядкѣ, болѣе или менѣе общемъ для всей древней Руси (III, 642). Но въ виду „неопредѣленнаго характера, неопредѣленныхъ формъ вѣча“, противоположаемыхъ опредѣленности политическаго положенія князя, Соловьевское „двоевластіе“ сильно напоминаетъ то соединеніе „уставовъ самовластія и вольности“, о которомъ говорилъ Карамзинъ. Не чуждо Соловьеву и Карамзинское отождествленіе „обыкновенной вольности“ съ „народнымъ своевољествомъ“: оно слышится въ его сужденіи о крамольныхъ вѣчахъ сѣверо-восточной Руси (I, 694, 1521—1522). С. М. Соловьевъ не только сбивался на старую точку зрѣнія Карамзина, съ которой обезцѣнивалось общее значеніе вѣча въ древней Руси, но и съ своей стороны схематически суживалъ значеніе вѣча въ пространствѣ и во времени подъ вліяніемъ принятой имъ родовой теоріи. Схема родовой теоріи отрицала за вѣчемъ характеръ исконнаго института, предпосылая ему пачальный періодъ съ родовой организаціей совѣта старцевъ, или старшинъ, и выводя вѣче только изъ послѣдующаго разложенія родовъ. Также схема придавала чрез-

мѣрное формальное значеніе началу старшинства городовъ и ограничивала вѣчевой бытъ только старыми городами.

Если не народившіяся, то во всякомъ случаѣ развившіяся въ полемикѣ съ С. М. Соловьевымъ воззрѣнія московскихъ славянофиловъ на исторію русскихъ политическихъ учреждений не могли содѣйствовать объективному изслѣдованію вѣчевого строя вслѣдствіе того, что послѣдній мало интересовалъ славянофиловъ, такъ какъ не подходилъ подъ ихъ апріорную схему должнаго взаимоотношенія „земли“ и „государства“. Въ Кіевскій и Владимірскій періоды русской исторіи „земля“ и „государство“ только приспособлялись другъ къ другу, но не состояли еще въ нормальныхъ взаимныхъ отношеніяхъ; древнія областныя вѣча не всегда оставались въ предѣлахъ одного „мѣстнаго“, но примѣняли нерѣдко употребленіе грубой вѣншией силы¹⁾. То, что другіе историки могли называть „двоевластіемъ“, представлялось московскимъ славянофиламъ узурпаторскимъ попятаніемъ „земли“ на власть, которое оказалось для русской исторіи недействительнымъ въ Гегелевскомъ смыслѣ и поѣтому не заслуживало изученія.

Изъ тѣснаго кружка московскихъ славянофиловъ не вышло изслѣдованія о вѣчѣ. Только лица, примыкавшія къ славянофиламъ, но сохранявшія при этомъ значительную самостоятельность воззрѣній, останавливали на вѣчѣ свое специальное вниманіе. Мы имѣемъ въ виду С. М. Шпилевскаго и А. П. Щапова. С. М. Шпилевскій посвятилъ вѣчевому укладу древней Руси особую статью: „Объ участіи земщины въ дѣлахъ правленія до Іоанна IV“ (Юридическій Журналъ, изд. П. А. Салмановымъ, 1861 г., № 5, стр. 207—233). Въ ней онъ отдалъ дань славянофильству тѣмъ, что призналъ „земщину“ „основной стихіей русскаго народа“ (207—208), но въ оцѣнкѣ этой стихіи отступилъ отъ славянофильскаго канона: усмотрѣлъ въ ней реальную политическую силу, считается съ которой заставляла князей фактическая необходимость (218). С. М. Шпилевскій не только не осудилъ древняго вѣча за то, что оно не всегда оставалось въ предѣлахъ одного „мѣстнаго“, но

1) См. К. С. Аксаковъ, Полное собраніе сочиненій, томъ I, Москва, 1889 г., стран. 147, 289 и др.

призналъ вполне „явленіемъ законнымъ“ на ряду съ „совѣщательными“ и „самостоятельными вѣча“, на которыхъ обсуждались общественныя дѣла и постановлялись рѣшенія безъ князя, и заключались съ княземъ договоры (208, 213, 216). Въ ученіи о вѣчевомъ строѣ С. М. Шпилевскій слѣдовалъ С. М. Соловьеву и принялъ теорію послѣдняго, какъ о происхожденіи народнаго вѣча изъ разложенія родового строя (209—210), такъ и объ отсутствіи вѣчевого уклада въ сѣверо-восточной Руси (222—223). Собственное добавленіе С. М. Шпилевского о смѣнѣ родовой общины общинной договорной (209), сдѣланные въ духѣ Б. Н. Чичерина, остается у него бездоказательнымъ и голословнымъ. Совершенно непонятнымъ представляется заявленіе С. М. Шпилевского о томъ, что на вѣче являлись „представители общинъ по свободному избранію ихъ всѣми членами свободной договорной общины“ (209). — А. П. Щаповъ говорилъ о вѣчахъ въ статьѣ о „Городскихъ мірскихъ сходахъ“, напечатанной въ газетѣ Вѣкъ за 1862 годъ (цитируемъ статью по Сочиненіямъ А. П. Щапова, изд. М. В. Пирожкова, 1906 г., томъ I, стр. 783—803). По славянофильской канвѣ А. П. Щаповъ вышивалъ узоры нарождавшагося народничества и въ древнемъ вѣчѣ нашелъ „полную демократическую свободу самовыраженія народной жизни“ (786), осуществленіе принциповъ братства и равенства (792—793). Объ изученіи вѣча тутъ не могло быть и рѣчи. Древнимъ вѣчамъ придана была неправильная конструкція „городскихъ мірскихъ сходовъ“, которые А. П. Щаповъ связалъ генетически и съ земскими соборами (794), и съ городскимъ самоуправленіемъ XVIII вѣка (796)¹⁾.

Самостоятельное положеніе занимало то направленіе славянофильства, которое по періоду русской исторіи, къ которому оно идейно тяготѣло, можно бы назвать, въ противоположность московскому славянофильству, кіевскимъ. Одинокимъ стоящимъ и, можно сказать, единственнымъ представителемъ кіевского славянофильства въ русской исторической наукѣ былъ Н. И. Костомаровъ. Политическій укладъ

московской жизни, въ которомъ московскіе славянофилы видѣли осуществленіе какого-то таинственнаго сочетанія „внѣшней“ и „внутренней правды“, представлялся Костомарову торжествомъ всепоглощающаго левіаѳана деспотической власти. Въ поискахъ за „правдой“, за нормальнымъ положеніемъ „земства“ въ „самоуправномъ государствѣ“, за возможнымъ сочетаніемъ свободы и крупной политической организаціи Костомаровъ обращался къ древней до-Московской Руси (Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси, Основа, 1861 г., № 1). Въ предѣлахъ послѣдней онъ изучилъ монографически Сѣвернорусскія народоправства во времена удѣльно-вѣчевого уклада (СПБ., 1863 г., 2 тома). Въ качествѣ народоправствъ сѣверной Руси онъ понималъ и изложилъ Новгородъ, Псковъ и Вятку, но, такъ какъ основной образъ правленія двухъ послѣднихъ являлся воспроизведеніемъ правленія перваго (I, 245; II, 41), то весь интересъ названнаго монографическаго изслѣдованія сводится, въ сущности говоря, къ выясненію вѣчевого уклада Новгорода. Въ Новгородѣ вѣчевой укладъ достигъ наибольшаго развитія, но онъ отнюдь не былъ, по мнѣнію Костомарова, исключительной особенностью Новгорода. „Вездѣ, во всей Руси, видны одни и тѣ же начала, тѣ же вѣча, то же участіе народа въ выборѣ князей; только разныя обстоятельства въ разныхъ земляхъ то благопріятствовали проявленіямъ народной свободы, то препятствовали ей“ (I, 48). „Новгородъ имѣлъ то же, что и другія земли; но это общее достояніе освящено было у него особымъ образомъ“ (I, 59). Мы не будемъ останавливаться на тѣхъ обстоятельствахъ, которыя Костомаровъ считаетъ причиною болѣе осязательнаго проявленія въ Новгородѣ „федеративнаго или удѣльно-вѣчевого начала“, проникавшаго жизнь и другихъ земель (I, 55—59). Для насъ важно подчеркнуть именно мысль о всеобщности вѣчевого уклада въ древней Руси, мысль, которую мы уже встрѣчали у С. М. Соловьева. — Устройство вѣча изображается Костомаровымъ примѣнительно къ Новгороду. Авторъ взято, значитъ, наиболѣе осязательное, по его же словамъ (I, 55), проявленіе вѣчевой жизни. Тѣмъ не менѣе изображеніе получилось неполное и далеко не выпуклое. Въ двухтомномъ изслѣдованіи о народоправствахъ изло-

1) Напомнимъ кстати, что еще Полевой уподоблялъ вѣча южной Руси „нынѣшнимъ нашимъ городскимъ думамъ“. См. у насъ выше стр. 49.

жение устройства вѣча заняло всего шесть страницъ съ небольшимъ (II, 35—41). Объясняется это положеніемъ, которое принято авторомъ за исходную точку, и которое гласитъ: „по старымъ русскимъ понятіямъ, вѣче, въ обширномъ значеніи, не было чѣмъ-нибудь опредѣленнымъ, юридическимъ; подъ этимъ названіемъ вообще разумѣлось народное сходбище; и потому вѣчемъ называлось и такое сходбище, которое съ нашей точки зрѣнія можетъ назваться законнымъ, т. е. правосознательное собраніе народа, разсуждающаго о своихъ дѣлахъ, и такое, которое выдѣляется изъ прочей массы народа, кружокъ, иногда и въ противорѣчій съ общою волею народа — мятежный скопъ“ (II, 35). Неопредѣленность, отсутствіе юридической оформленности лишаютъ Костомарова возможности дать надлежащее ученіе объ устройствѣ вѣча. Правда, онъ дѣлаетъ благоприятную оговорку относительно Новгорода: „при неопредѣленности общаго значенія слова вѣче, существовало однако въ Новгородѣ, отдѣльно отъ всякаго вѣча, большое вѣче, т. е. полное законное собраніе, и оно-то юридически составляло верхъ законной власти и правленія Великаго Новгорода“ (II, 36)¹⁾. Но значеніе этой оговорки по вопросу объ устройствѣ вѣча совершенно почти уничтожается слѣдующимъ за ней непосредственно заявленіемъ автора: „къ сожалѣнію, подробностей относящихся къ его (т. е. вѣча) существованію такъ мало, что многіе важнѣйшіе вопросы остаются пока неразрѣшенными“ (II, 36). Въ итогъ получается примѣнительно къ устройству новгородскаго вѣча та же неопредѣленность, что и примѣнительно къ понятію вѣча въ обширномъ смыслѣ. „Право собранія большого вѣча представляетъ ту же неопредѣленность“ (II, 36). „Относительно права участія на вѣчѣ и порядка собранія, нѣтъ такихъ подробныхъ свѣдѣній, которыя бы могли дать объ этомъ ясное понятіе“ (II, 37—38). „Неизвѣстно, былъ ли какой

1) Замѣтимъ кстати, что С. М. Соловьевъ толковалъ прилагаемый въ иныхъ случаяхъ лѣтописцемъ къ новгородскому вѣчу эпитетъ „большое“ въ другомъ, надо полагать, болѣе правильномъ смыслѣ. „Если было большое вѣче“, говоритъ С. М. Соловьевъ, „то было и малое, совѣтъ, засѣданіе правительственныхъ лицъ, въ противоположность большому всенародному вѣчу“ (I, 1522).

способъ сбора голосовъ или дѣло рѣшалось par acclamation“ (II, 39). — О „неопредѣленномъ характерѣ, неопредѣленныхъ формахъ“ вѣча говорилъ С. М. Соловьевъ, но онъ же находилъ возможнымъ давать вполне опредѣленные указанія объ юридическомъ положеніи князя. Костомаровъ, напротивъ того, и относительно князей высказывается въ томъ смыслѣ, что „нельзя полагать, чтобы ихъ права и обязанности были строго опредѣляемы“ (I, 150). Такимъ образомъ „неопредѣленность“ вѣча согласуется у Костомарова съ общей юридической неоформленностью политическаго уклада древней Руси. Вслѣдствіе этого „неопредѣленность“ вѣча не умаляетъ его относительнаго значенія, и двоевластіе вѣча и князя выступаетъ у Костомарова гораздо болѣе рѣшительно, чѣмъ у С. М. Соловьева. „Въ древнія времена“, читаемъ въ Сѣвернорусскихъ народоправствахъ, „виды общественной дѣятельности не были строго разграничены и раздѣлены; князь, будучи предводителемъ ополченія и защитникомъ Земли¹⁾ извнѣ, былъ вмѣстѣ и правителемъ, т. е. защитникомъ ея внутри . . . И тамъ, и здѣсь, онъ, какъ лицо третье, не принадлежащее къ земству, но призванное имъ, не могъ дѣйствовать самобытно, безъ воли и участія вѣча. Въ дѣлахъ внѣшнихъ онъ предводительствовалъ войскомъ по распоряженію вѣча, шелъ на войну рѣшенную вѣчемъ, клалъ свое имя на договорѣ, составленномъ и обсужденномъ на вѣчѣ; такъ точно и въ дѣлахъ внутреннихъ онъ дѣйствовалъ въ границахъ, очерченныхъ вѣчемъ“ (I, 153—154). Вѣче было „законодательною властью, а вмѣстѣ съ тѣмъ являлось судебною, особенно въ дѣлахъ, касающихся нарушенія общественныхъ правъ“ (II, 37). Такимъ образомъ двоевластіе переходитъ у Костомарова въ народоправство, причемъ вѣче, несмотря на всю „неопредѣленность“ его устройства, рисуется автору какъ выраженіе общей воли народа (II, 35) и какъ „верхъ законной власти и правленія“, т. е., очевидно, какъ органъ народного суверенитета. Въ этомъ нельзя не видѣть идеализаціи Костомаровымъ древнерусскаго „народоправства“.

Мы подробно остановились на изображеніи того поло-

1) Сохраняемъ прописную букву для характеристики политическаго фетишизма автора.

жения, въ которомъ находилось изученіе вѣчевого уклада древней Руси до появленія Вѣча и князя, для того, чтобы значеніе капитальнаго изслѣдованія В. И. Сергѣевича выступило съ большей рельефностью.

В. И. Сергѣевичъ точно установилъ „пространство и время, въ предѣлахъ которыхъ дѣйствовалъ вѣчевой бытъ“ (Вѣче и князь, книга I, глава I). Онъ убѣдительно доказалъ исконность вѣча, какъ первоначальной формы быта; исчерпалъ всѣ свидѣтельства лѣтописей о проявленіи вѣчевой жизни въ различныхъ земляхъ и на этомъ основаніи сдѣлалъ прочный и непоколебимый выводъ о повсемѣстномъ дѣйствіи вѣча въ древней Руси. Выводъ этотъ ниспровергъ теорію С. М. Соловьева о коренномъ отличіи политическаго быта новыхъ городовъ сѣверо-восточной Руси отъ старыхъ городовъ Руси юго-западной. По вопросу о прекращеніи вѣча В. И. Сергѣевичъ высказалъ вполне убѣдительное соображеніе, что „какъ по возникновенію своему вѣче было безыскусственнымъ произведеніемъ самой жизни, а не зрѣлымъ плодомъ законодательнаго акта; такъ точно и отмѣна его совершилась не столько въ силу сознательной воли законодателя, сколько въ силу измѣненій въ древнемъ общественномъ бытѣ, которыя хотя и не были направлены къ отмѣнѣ вѣчевыхъ учреждений, но произвели то, что народныя собранія сдѣлались ненужными и мало-по-малу вышли изъ употребленія“ (Вѣче и князь, стран. 20). Самыя условія, подъ вліяніемъ которыхъ происходили эти измѣненія, обозначены у В. И. Сергѣевича слѣдующимъ образомъ: „Первый шагъ на новомъ пути былъ сдѣланъ татарскимъ завоеваніемъ . . . Татары не отмѣнили вѣча; но какъ скоро центръ государственной жизни перемѣстился въ Орду, исчезли поводы, призывавшіе гражданъ къ участію въ общественныхъ дѣлахъ. Съ другой стороны, большая часть Русской земли повторяющимися нашествіями татаръ была доведена до крайнаго опустошенія, уровень общественнаго благосостоянія сильно понизился, и городамъ, которые подвергались почти періодическимъ разореніямъ, было не до разсужденій объ общественныхъ дѣлахъ“ (ibidem, 21). „Дѣло, начатое татарами, завершилось окончательно: во 1-хъ, измѣненіями, происшедшими въ отношеніяхъ служилыхъ людей къ князю, и во 2-хъ, объединеніемъ Россіи“ (ibidem, 21).

„Только подъ конецъ разсматриваемаго періода (временъ князей Рюриковичей) встрѣчаемся съ законодательной волей, сознательно направленной къ отмѣнѣ послѣднихъ остатковъ вѣчевого устройства“ (ibidem, 20). Такое объясненіе процесса прекращенія вѣча вполне гармонируетъ съ общимъ обычноправовымъ характеромъ института, и потому должно быть признано успѣхомъ въ дѣлѣ научнаго выясненія вопроса по сравненію какъ съ Соловьевской теоріей новыхъ городовъ сѣверо-восточной Руси, такъ и съ идущимъ отъ Карамзина мнѣніемъ о немедленномъ послѣ татарскаго завоеванія превращеніи князей въ грозныхъ властелиновъ, повелѣвавшихъ именемъ царя верховнаго, — хана.

Бывшая, можно сказать, исторіографической традиціей, неопредѣленность характера и формъ вѣча смѣнилась у В. И. Сергѣевича весьма опредѣленнымъ и нагляднымъ изображеніемъ устройства вѣчевыхъ собраній, вѣчевыхъ порядковъ, предметовъ вѣдомства вѣча и взаимныхъ отношеній городовъ къ пригородамъ на основаніи вѣчевыхъ порядковъ (Вѣче и князь, книга I, главы II, III и IV). Въ завершеніе изслѣдованія вѣчевого уклада В. И. Сергѣевичъ далъ характеристику взаимныхъ отношеній князя и вѣча (Вѣче и князь, книга I, глава V), причемъ впервые получило надлежащее разъясненіе то единеніе, или одиначество вѣча и князя (ibidem, стрн. 99—100), которое ускользало отъ вниманія предшествовавшихъ историковъ.

Считаемъ излишнимъ воспроизводить въ подробностяхъ всѣ установленныя В. И. Сергѣевичемъ положенія о вѣчевомъ строѣ древнерусскихъ земель: они у всѣхъ въ памяти, такъ какъ прочно вошли въ научный оборотъ и стали, можно сказать, общими мѣстами. Интересно отмѣтить лишь тѣ методологическіе приемы, помощью которыхъ оперировалъ авторъ Вѣча и князя.

Большинство предшествовавшихъ историковъ объясняли констатированную ими же „неопредѣленность“ вѣча скудостью и молчаніемъ источниковъ. Вникая глубже въ смыслъ ихъ жалобъ на недостаточность данныхъ въ источникахъ, а по инымъ вопросамъ на полное ихъ отсутствіе, не трудно убѣдиться, что изслѣдователи эти требовали, въ сущности говоря, какого-то устава или регламента, безъ наличности котораго не въ состояніи были воспроизвести

устройство и порядки древняго вѣча. Иначе отнесся къ дѣлу В. И. Сергѣевичъ. Исходя изъ вполне правильной мысли о томъ, что вѣче представляетъ собою явленіе исключительно обычной народной жизни, онъ не поражаема отсутствіемъ общихъ регламентаціонныхъ нормъ вѣчевого строя, такъ какъ вполне отчетливо сознавалъ, что онѣ не могли быть сформулированы древностью. Существова какъ обычай, нормы вѣчевой жизни проявлялись исключительно въ фактахъ. Извлечь эти нормы изъ многообразныхъ случаевъ фактическаго ихъ проявленія составляетъ задачу изслѣдователя общеправовой жизни вообще и вѣчевой жизни въ частности. Для рѣшенія этой задачи необходимы достаточное количество фактовъ и искусство создавать изъ нихъ общеправовыя конструкціи. Факты повторяемости и сознанія необходимости бытовыхъ явленій вѣчевой жизни доставляетъ лѣтопись. Всѣ историки конечно оперировали съ лѣтописными фактами, но извлекали ихъ не систематически и пользовались ими болѣе или менѣе спорадически, не распредѣляя ихъ по классификаціоннымъ рубрикамъ, соотвѣтствующимъ разнымъ сторонамъ вѣчевой организаціи. Исключеніе въ этомъ отношеніи составлялъ одинъ лишь М. П. Погодинъ, который, какъ это мы отмѣтили выше, выбиралъ изъ лѣтописи мѣста, относящіеся къ вѣчу, и затѣмъ сопоставлялъ и систематизировалъ лѣтописныя данныя по рубрикамъ¹⁾. В. И. Сергѣевичъ пошелъ по пути, указанному Погодинымъ²⁾, но произвелъ выборку и классификацію лѣтописныхъ данныхъ гораздо полнѣе, съ несравненно болѣе тщательностью и обстоятельностью. Разработка подготовленнаго такимъ образомъ матеріала дала

1) М. П. Погодинъ въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ отдѣлахъ своихъ изслѣдованій, дѣйствовалъ методически. См. сдѣланное имъ въ предисловіи заявленіе о „методѣ“ имъ „употребленномъ“, — Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, томъ I, стр. XI.

2) Мы имѣемъ въ виду, само собою разумѣется, лучшія стороны Погодинскаго „метода“ въ смыслѣ тщательнаго извлеченія данныхъ изъ источниковъ, а отнюдь не буквоѣдства въ ихъ толкованіи. Въ такое буквоѣдство впадалъ по временамъ М. П. Погодинъ, но еще болѣе одержимъ имъ П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій, признающій себя хранителемъ Погодинской традиціи. Своеобразный „арифметическій пріемъ“ послѣдняго встрѣтилъ строгое, но справедливое осужденіе со стороны В. И. Сергѣевича (Древности, I, 110, подстрочн. примѣч.).

блестящіе результаты, благодаря уже тому конструктивному таланту, которымъ В. И. Сергѣевичъ надѣленъ былъ въ изобиліи. Изъ массы бытового матеріала о вѣчахъ, доставляемаго лѣтописью, В. И. Сергѣевичъ извлекъ лежавшія въ основѣ быта общеправовыя нормы и по нимъ догматизировалъ вѣчевую строй¹⁾. Въ этомъ — его крупная заслуга предъ русской историко-юридической наукой.

Основное положеніе В. И. Сергѣевича о повсемѣстности вѣчевого строя въ древней Руси встрѣтило принципиальное возраженіе со стороны С. М. Соловьева, возраженіе, направленное какъ разъ противъ пріемовъ изслѣдованія, которыми пользовался авторъ Вѣча и князя. С. М. Соловьевъ упрекаетъ В. И. Сергѣевича въ томъ, что онъ основываетъ свое утвержденіе о повсемѣстности вѣча на перечисленіи всѣхъ извѣстѣй лѣтописи о вѣчахъ. „Но такой неосторожный пріемъ“, говоритъ С. М. Соловьевъ, „не ведетъ къ цѣли. Мы знаемъ, что въ нашихъ источникахъ слово вѣче упо-

1) Не скроемъ, что въ этомъ процессѣ догматизаціи В. И. Сергѣевичъ доходитъ въ одномъ случаѣ до крайности, возводя на степень нормативнаго факта простой и довольно обычный способъ выраженія. Мы имѣемъ въ виду случай изъ отдѣла о личномъ составѣ вѣча, подмѣченный еще С. М. Соловьевымъ. „Мы должны указать“, говоритъ В. И. Сергѣевичъ, „на единственное ограниченіе, которому подлежало у насъ право участія въ вѣчевыхъ собраніяхъ всего населенія, всѣхъ людей. Въ 1147 году Кіевляне на приглашеніе Ізяслава Мстиславича идти къ Суздалью на Юрія и Святослава Ольговича отвѣчаютъ отказомъ: „не можемъ, говорятъ они, на Владимірово племя руки поднять; а на Ольговичей пойдемъ и съ дѣтьми“. — Отцы, слѣдовательно, рѣшаютъ за дѣтей, которыя тѣмъ самымъ устраняются отъ личнаго участія въ народныхъ собраніяхъ. Ограниченіе, о которомъ идетъ рѣчь, условливается, такимъ образомъ, семейнымъ правомъ“ (Вѣче и князь, стр. 43). Правъ былъ, думается намъ, С. М. Соловьевъ, когда по поводу этого мѣста замѣтилъ: „Безспорно, что на вѣчахъ отцы рѣшали за сыновей, и даже старшіе братья за младшихъ и дядья за племянниковъ; но этого нельзя выводить изъ словъ Кіевлянъ Ізяславу Мстиславичу, ибо въ такомъ случаѣ надобно было бы предположить, что обыкновенно ходили въ походы одни старики, а на Ольговичей пошли бы и сыновья: тридцати и сорокалѣтніе! Ясно, что это выраженіе фигурное: „даже и малыхъ дѣтей поведемъ“, хотя на дѣлѣ этого быть не могло“ (Ист. Россіи съ древн. врем., изд. Т-ства „Общ. Польза“, кн. I, столб. 694, подстрочн. примѣч.). — Приведенное мѣсто изъ Вѣча и князя воспроизводится въ Древностяхъ (II, 53).

требуется въ самомъ широкомъ, неопредѣленномъ смыслѣ, означаетъ всякое совѣщаніе нѣсколькихъ лицъ и всякое собраніе народа; слѣдовательно, надо обращать вниманіе на то, при какихъ обстоятельствахъ упоминается о народномъ собраніи и его рѣшеніяхъ" (Ист. Росс. съ древн. врем., изд. Т-ва „Общественная Польза“, I, 662). Руководясь послѣднимъ соображеніемъ, С. М. Соловьевъ отказывается признать дѣйствительныя вѣча въ „вѣчахъ“ городовъ во время осады и смуты (I, 662—663). „Неопредѣленность“ вѣча, на которую указываетъ С. М. Соловьевъ, представляетъ собою общій признакъ всякаго общинноправового института, вытекающій изъ того основного свойства юридическаго обычая, которое Герингъ мѣтко назвалъ „состояніемъ текучести“. Но эта именно неопредѣленность должна побуждать историка-юриста не къ суживанію института, а, напротивъ того, къ его расширенію. „Всякое народное собраніе“, говоритъ В. И. Сергѣевичъ, „едва оно имѣетъ своимъ предметомъ общественныя дѣла и желаетъ, чтобы его мнѣніе было принято всѣмъ остальнымъ народомъ, — есть вѣче, гдѣ бы оно ни собралось“ (Вѣче и князь, стрн. 60). Сказанное по поводу мѣста собраній имѣетъ одинаковую силу и по отношенію къ обстоятельствамъ, при какихъ бы ни упоминалось о народномъ собраніи и его рѣшеніяхъ. Совершенно также правъ В. И. Сергѣевичъ, когда, руководясь вышеуказаннымъ своимъ критеріемъ, относитъ къ вѣчевому укладу и тѣ случаи народныхъ собраній, которыхъ лѣтопись не называетъ *expressim* именемъ вѣча (Вѣче и князь, стрн. 6, 15). — Вторымъ ошибочнымъ приемомъ изслѣдованія въ Вѣчѣ и князь С. М. Соловьевъ считаетъ игнорированіе авторомъ при установленіи пространства и времени, въ предѣлахъ которыхъ дѣйствовалъ вѣчевой бытъ, молчанія лѣтописи о вѣчахъ за длинные промежутки времени. „Первое извѣстіе, приводимое г. Сергѣевичемъ, относится къ 997 году, а второе къ 1097 году. Въ продолженіе 100 лѣтъ авторъ не могъ отыскать извѣстія о вѣчѣ! Для историка это имѣетъ важный смыслъ“ (Ист. Росс. съ древн. врем., I, 662), котораго, молъ, не уразумѣлъ г. Сергѣевичъ. Между тѣмъ В. И. Сергѣевичъ отнесся къ молчанію лѣтописи, думается намъ, совершенно правильно. „Отсутствіе прямого свидѣтельства лѣтописи о вѣчевыхъ собраніяхъ

въ извѣстномъ городѣ и въ извѣстное время, при неполнотѣ источниковъ этого рода, — никакъ не можетъ“, говоритъ В. И. Сергѣевичъ, „служить доказательствомъ существованія въ этомъ городѣ иного порядка вещей. Въ лѣтописи Смоленскъ названъ вѣчевымъ городомъ; а между тѣмъ лѣтописи ни разу не говорятъ о вѣчѣ въ Смоленскѣ. Точно то же и съ Ростовской волостью. Въ своихъ общихъ размышленіяхъ лѣтописецъ причисляетъ ее къ вѣчевымъ еще во второй половинѣ XII вѣка; а прямое свидѣтельство о вѣчѣ въ городахъ Ростовской волости сохранилось только отъ второй половины XIII вѣка, цѣлымъ вѣкомъ позднѣе“ (Вѣче и князь, стрн. 19—20). Отсутствіе прямого названія вѣча не смутило изслѣдователя, и онъ вполне основательно усмотрѣлъ наличность вѣчевого уклада какъ въ походномъ вѣчѣ Смольнянъ 1185 г. подъ Треполемъ, такъ и въ свидѣтельствахъ лѣтописи объ общественной дѣятельности населенія Смоленской и Ростовской земель, хотя къ актамъ проявленія этой дѣятельности и не прилагается лѣтописцемъ названіе вѣча (*ibidem*, стрн. 6—7, 10—11).

Изслѣдуя вѣчевой строй какъ общій повсемѣстный укладъ древнерусской общественности, В. И. Сергѣевичъ не останавливался специально на изображеніи особенностей вѣчевой жизни Новгорода, изученіе которыхъ не входило въ его задачу. Нѣкоторыя особенности государственнаго устройства Новгорода отмѣчались имъ впрочемъ, но лишь какъ измѣненіе, или точнѣе, дальнѣйшее мѣстное развитіе общаго вѣчевого уклада, съ предупрежденіемъ, что ихъ нельзя распространять на другія земли (см., напр., Вѣче и князь, стрн. 79, 82).

Все содержаніе Вѣча и князя, относящееся къ вѣчевому строю, воспроизведено В. И. Сергѣевичемъ въ его Древностяхъ (томъ II, книга III, главы I—III). Воспроизводя свое прежнее изслѣдованіе, авторъ переработалъ планъ изложенія, сообщивъ ему большую стройность, и подвергъ самое изложеніе болѣе тщательной внѣшней отдѣлкѣ; все это вмѣстѣ взятое придадо прежнимъ выводамъ и положеніямъ большую выпуклость. Къ этому слѣдуетъ еще добавить, что въ Древностяхъ, согласно общему приему изложенія, усвоенному авторомъ въ этомъ трудѣ, приводятся *in extenso* наиболѣе характерныя мѣста изъ источни-

ковъ о вѣчевой жизни¹⁾. — Измѣненія въ планѣ изложенія не измѣнили существа содержанія, хотя это и можетъ казаться въ отдѣльных случаяхъ съ перваго взгляда. Мы имѣемъ, собственно говоря, въ виду отдѣлъ о предметахъ вѣдомства вѣча. Въ Вѣчѣ и князѣ къ нимъ отнесены: 1) призваніе, или избраніе князя; 2) законодательство, подъ которое подводится заключеніе ряда, или договора съ княземъ; 3) рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ (стрн. 66—81). „Этими тремя предметами“, говоритъ авторъ, „почти исчерпывается вся дѣятельность вѣча; управленіе и судъ не принадлежали ему“ (Вѣче и князь, стрн. 82). Какъ на исключеніе изъ послѣдняго правила указывается затѣмъ на нерѣдкое участіе вѣча въ самыхъ распоряженіяхъ ходомъ военныхъ дѣйствій (*ibidem*, 82) и на отправленіе вѣчемъ чрезвычайнаго суда (*ibidem*, 84). Въ Древностяхъ предметы вѣдомства вѣча раздѣлены на три рубрики: 1) избраніе князя, 2) рядъ съ княземъ, 3) управленіе и судъ (II, 72, 80, 92). На первый взглядъ можетъ показаться, повторяемъ, что воззрѣнія автора измѣнились. На самомъ дѣлѣ однако не произошло ничего подобнаго. Вторая рубрика Древностей отнюдь не уже второго пункта Вѣча и князя, а третья рубрика не шире третьяго пункта и дополненій. Въ заключеніе изложенія въ Древностяхъ о рядѣ вѣча съ княземъ мы читаемъ: „Законодательная власть вѣча выражалась, такимъ образомъ, въ формѣ ряда, или соглашенія съ княземъ... Собраніе же народа на вѣчѣ спеціально съ цѣлью законодательства не было извѣстно древнему времени, которому была чужда и самая мысль о томъ, что право можетъ быть творимо человѣческимъ усмотрѣніемъ. Сравнительно позднему времени принадлежатъ такіе памятники вѣчевого законодательства, какъ Новгородская и Псковская судныя грамоты“ (II, 92). Подъ рубрикой „управленія и суда“ излагаются въ Древностяхъ тѣ же функціи, о которыхъ говорилось и въ Вѣчѣ и

1) „Только чтеніе подлинныхъ памятниковъ можетъ дать живое пониманіе древности. Въ издаваемомъ нынѣ трудѣ я представляю благосклонному вниманію желающихъ ознакомиться съ русскими юридическими древностями рядъ характерныхъ мѣстъ изъ памятниковъ“ (Предисловіе къ I тому Древностей русскаго права).

князѣ, только въ измѣненномъ порядкѣ, а именно, — отправленіе вѣчемъ чрезвычайнаго суда, рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ, распоряженіе самымъ ходомъ военныхъ дѣйствій (Древности, II, 92—96); при этомъ авторъ развиваетъ подробнѣе лишь общій взглядъ на положеніе даннаго дѣла. „Древнему времени“, говоритъ онъ, „была совершенно чужда мысль о какомъ-либо раздѣленіи властей. Задачи управленія были въ зародышѣ и не имѣли своихъ особыхъ органовъ. Органы суда и управленія сливались. Вѣче является, однако, съ преобладающимъ характеромъ народной думы, а не обыкновеннаго органа для отправленія текущаго суда и управленія. Для этой послѣдней цѣли призывается князь. Но такое разграниченіе есть дѣло удобства, а не принципа. Нельзя же вѣчу находиться въ постоянномъ сборѣ для рѣшенія текущихъ вопросовъ суда и наряда. Но какъ скоро народъ находилъ нужнымъ, онъ вмѣшивался въ княжескій судъ и управленіе и даже управлялъ и судилъ самъ непосредственно“ (II, 92; срвн. Вѣче и князь, стрн. 66—67, 98).

Сохраняя неизмѣнными основныя положенія относительно вѣчевого строя, высказанныя въ своей монографіи, В. И. Сергѣевичъ сдѣлалъ въ Древностяхъ нѣкоторыя дополненія въ аргументаціи и отчасти измѣнилъ нѣкоторыя отдѣльныя положенія, отчасти изложилъ ихъ пространнѣе. Исконность вѣча доказывалась въ Вѣчѣ и князѣ разказами отечественныхъ памятниковъ о народныхъ рѣшеніяхъ еще до призванія Рюрика (стрн. 1—2). Въ Древностяхъ авторъ не довольствуется „мнѣніемъ начальнаго лѣтописца и позднѣйшаго, жившаго въ концѣ XII в.“ и пополняетъ ихъ данными изъ „официальныхъ документовъ X вѣка, свидѣтельствующихъ объ участіи народа въ общественныхъ дѣлахъ того времени“, — изъ договоровъ Олега и Игоря съ греками (II, 33—34). Нѣкоторое измѣненіе по существу замѣчается въ ученіи о прекращеніи вѣча: монгольскому игу придается въ Древностяхъ въ этомъ отношеніи болѣе рѣшительное значеніе, чѣмъ въ Вѣчѣ и князѣ. Авторъ указываетъ въ частности на то, что „угодные татарамъ князья получили возможность опираться на ихъ силу въ борьбѣ какъ съ другими князьями, такъ и съ городами“ (II, 35), на что прежде не обращалъ вниманія. Сохраненіе

вѣчевыхъ порядковъ въ Новгородской и Полоцкой волостяхъ объясняется въ Древностяхъ тѣмъ, что татарское нашествіе не коснулось этихъ земель (II, 38), — мысль, которая раньше не высказывалась авторомъ. Но усиливая значеніе татарскаго завоеванія, авторъ Древностей не забываетъ и другихъ причинъ прекращенія вѣча, на которыя онъ указывалъ въ Вѣчѣ и князѣ, и о которыхъ говоритъ въ Древностяхъ (II, 40—41) даже съ большей подробностью. Процессъ прекращенія вѣча изображается по прежнему длительнымъ и постепеннымъ. При наличности новыхъ условій, созданныхъ татарскимъ завоеваніемъ, говоритъ В. И. Сергѣевичъ, „вѣчевыя собранія становятся анахронизмомъ. Но народные обычаи не умираютъ въ одинъ день. Съ дѣятельностью вѣча встрѣчаемся и послѣ татарскаго нашествія и даже въ XIV вѣкѣ“ (II, 35). „Отголоски вѣчевого быта явственно слышатся и въ смутную эпоху начала XVII вѣка“ (II, 50)¹⁾. Подробно останавливается авторъ въ Древностяхъ на указной отмѣнѣ вѣчевого строя московскими государями въ Новгородѣ, Вяткѣ и Псковѣ (II, 41—50), а также на договорахъ Новгорода съ князьями (II, 87—92). Отношеніе автора къ особенностямъ государственнаго устройства Новгорода остается впрочемъ то же, что и въ Вѣчѣ и князѣ. „Если мы исключимъ“, говоритъ В. И. Сергѣевичъ, „изъ новгородскихъ договоровъ статьи, ограничивающія власть князя, которыя, конечно, не принадлежали къ первоначальному ихъ содержанію, то, думаемъ, въ остаткѣ получится рядъ, довольно близкій по содержанію къ первоначальному ряду, которые заключались князьями съ народомъ во всѣхъ волостяхъ“ (II, 90). Авторъ Древностей остался такимъ образомъ въ предѣлахъ своей прежней задачи, заключавшейся въ томъ, чтобы дать изображеніе начала вѣчевого уклада, общихъ для всѣхъ земель древней Руси. Въ основу вѣчевого устройства полагается въ Древностяхъ мысль о преобладаніи въ древности личнаго начала надъ общественнымъ (II, 51—52). Мысль эта была высказана въ Вѣчѣ и князѣ (стрн. 51—52), по принципиальное обоснованіе и обстоятельную формулировку полу-

1) XVI вѣка, — напечатано, очевидно, по ошибкѣ и во 2-омъ, и въ 3-омъ изданіи.

чила впервые въ приложеніи къ сочиненію: Задача и метода государственныхъ наукъ (1871 г.)¹⁾, и затѣмъ уже была примѣнена къ характеристикѣ перваго періода исторіи русскаго права (см. Лекціи и изслѣдованія, изд. 1883 г., стрн. 53—55). Мысль эту трудно признать безспорной, и противъ нея можно привести не мало вѣскихъ возраженій. Мы не станемъ однако вдаваться въ полемику, такъ какъ она вывела бы насъ далеко за предѣлы, намѣченные для настоящаго отзыва. Къ тому же мысль эта не находится въ столь тѣсной связи съ изложеніемъ вѣчевого строя, чтобы нельзя было оставить ее въ сторонѣ.

На протяженіи трехъ изданій Древностей авторъ измѣнилъ свой первоначальный взглядъ на вѣча по домамъ. Раньше, и въ Вѣчѣ и князѣ (стрн. 60), и въ первыхъ двухъ изданіяхъ II-го тома Древностей (1-ое изд., стрн. 59—60; 2-ое изд., стрн. 59—60), В. И. Сергѣевичъ выдѣлялъ эти вѣча только по мѣсту собранія, полагая, что необычность послѣдняго вызывалась требованіемъ тайны. Въ третьемъ изданіи II-го тома Древностей вѣча по домамъ признаны предварительными и выдѣлены въ особый видъ совѣщательныхъ собраній, предшествовавшихъ обыкновеннымъ вѣчамъ (стрн. 97—98). Скудные свидѣтельства лѣтописи о „вѣчахъ дѣемыхъ въ тайнѣ по дворомъ“ не даютъ возможности итти далѣе догадокъ по данному вопросу. Нельзя не признать, что новѣйшая догадка автора представляется весьма вѣроятной; она построена во всякомъ случаѣ въ духѣ того реалистическаго взгляда, который проникаетъ все изслѣдованіе и особенно сказывается въ объясненіи пресловутаго одиначества (II, 67—70).

Въ качествѣ особаго дополненія къ изслѣдованію древне-русскаго вѣча прибавлена въ третьемъ изданіи II-го тома Древностей глава (четвертая третьей книги) о вѣ-

1) П. Н. Миллюковъ, стараясь выяснитъ идейное происхожденіе „личнаго начала“ у В. И. Сергѣевича, возводитъ его къ „человеческому электизму“ Гизо и Кузена. См. П. Н. Миллюковъ, Юридическая школа въ русской исторіографіи, Русская Мысль, 1886 г., Іюнь, стрн. 89—90. Почтенный критикъ „юридической школы“ проглядылъ то обстоятельство, что самъ В. И. Сергѣевичъ выводитъ „личное начало“ изъ ученія Огюста Конта о преобладаніи эмоціональной природы въ человѣкѣ.

чевыхъ собраніяхъ у другихъ народовъ, воспроизводящая болѣе ранній спеціальныи этюдъ автора о первичныхъ народныхъ собраніяхъ у германцевъ и грековъ (Журн. Мин. Юст., 1907 г., декабрь). В. И. Сергѣевичъ собралъ свидетельства важнѣйшихъ историческихъ и литературныхъ (Илиады и Одиссеи) памятниковъ о политическихъ народныхъ собраніяхъ древнихъ германцевъ и грековъ и на основаніи этихъ данныхъ начерталъ со свойственнымъ ему конструктивнымъ талантомъ строй этихъ собраній, отмѣчая полную ихъ аналогію съ древнерусскими вѣчами. Этотъ сравнительно-историческій этюдъ даетъ автору поводъ высказаться въ пользу того теченія современной исторической мысли, которое отвергаетъ традиціонную концепцію всемірной исторіи, основанную на идеалистической исторіософіи. „При сравнительномъ изученіи“, говоритъ авторъ, „исторія древняя, средняя и даже новая сближаются, и давно установленныя границы ихъ теряютъ свое прежнее значеніе“ (II, 149). Попутно по поводу нѣкоторыхъ проявленій жизни въ политическихъ народныхъ собраніяхъ древности, какъ-то: дракъ (II, 126), партійной ненависти и мстительности (II, 129), розни отцовъ и дѣтей (II, 137—138), авторъ дѣлаетъ сближенія съ современностью. Само собою разумѣется, что эти сближенія выходятъ за предѣлы методическаго сравнительно-историческаго изученія и относятся къ области житейской и философской мудрости, которая усматриваетъ въ непрестанномъ эволюціонномъ движеніи человѣческихъ обществъ неизмѣнность нѣкоторыхъ сторонъ психики, пожалуй, и всей въ этомъ смыслѣ „природы“ людей. Замѣчанія въ этомъ духѣ попадаются и въ первомъ томѣ Древностей. — въ отдѣлѣ о рабствѣ (I, 179—180).

V.

Слѣдующій за вѣчемъ, отдѣлъ о князѣ обнимаетъ лишь нѣкоторыя стороны вопроса о княжеской власти, именно, — договорное право владѣтельныхъ князей, раздѣленіе волостей между князьями и положеніе князей служебныхъ. „Нашимъ древнимъ князьямъ приходилось“, говоритъ В. И. Сергѣевичъ, „вращаться въ очень сложной средѣ. Они находились въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ народу, къ другимъ владѣ-

тельными князьямъ и, наконецъ, къ своимъ вольнымъ слугамъ“ (II, 150). Отношенія къ вольнымъ слугамъ изслѣдованы въ отдѣлѣ о населеніи, отношенія къ народу — въ отдѣлѣ о вѣчѣ. Такимъ образомъ для книги, озаглавленной „Князь“ (томъ II, кн. IV), остались междукняжескія отношенія. Отношенія эти были изслѣдованы и изложены В. И. Сергѣевичемъ еще въ его монографіи Вѣче и князь (главы VI и VII первой книги). Во второмъ томѣ Древностей воспроизводится это прежнее изслѣдованіе, но съ другимъ распределеніемъ матеріала и по новому плану изложенія, благодаря которому основная мысль изслѣдованія развивается въ болѣе строгой внутренней послѣдовательности и приобретаетъ большую наглядность для читателя. Попутно пополненъ матеріалъ по нѣкоторымъ частямъ, измѣнены въ частностяхъ нѣкоторыя изъ положеній автора, и разработаны подробнѣе согласно требованіямъ новаго плана отдѣльные вопросы, на которые въ прежнемъ изслѣдованіи давался лишь самый краткій отвѣтъ.

Глава о договорномъ правѣ владѣтельныхъ князей занимаетъ по существу центральное мѣсто въ книгѣ о князѣ. Основная мысль ея, слѣдовательно, и всего ученія о владѣтельныхъ князьяхъ — слѣдующая. Взаимныя отношенія владѣтельныхъ князей опредѣлялись не существовавшей между ними личной связью родства, но вѣкъ ихъ лежавшимъ началомъ политической самостоятельности отдѣльныхъ земель-княженій, которое выяснено выше въ ученіи о территоріи. Въ соотвѣтствіи съ этимъ началомъ владѣтельные князья отнюдь не состояли другъ у друга въ какомъ либо подчиненіи политическаго характера, но неизмѣнно сохраняли по отношенію другъ къ другу политическую независимость и самостоятельность въ предѣлахъ неприкосновенныхъ владѣній cadaго изъ нихъ. Владѣтельные князья не могли имѣть и не имѣли надъ собою никакой высшей политической власти, и не были связаны въ своихъ правахъ власти никакой юридической нормой кромѣ той, на которую сами соизволяли (см. II, 180). Взаимныя отношенія князей подвергались юридической регламентаціи только въ междукняжескихъ договорахъ, которые по существу относятся къ договорамъ международнымъ (см. II, 231). Самостоятельныя земли и ихъ князья при всей своей независимости не нахо-

дѣлились однако въ отчужденіи другъ отъ друга. Ихъ связывали общіе интересы и общія, преимущественно военныя, предпріятія, для удовлетворенія и осуществленія которыхъ владѣтельные князья при помощи договоровъ вступали другъ съ другомъ въ союзы единенія. Союзы эти не создали верховной политической власти для всей древней Руси; они оставались единеніемъ независимыхъ владѣтельныхъ князей. Дѣло развитія союзной организаціи не пошло дальше разрозненныхъ случаевъ союзаго суда, который не сталъ постояннымъ, и частныхъ княжескихъ сѣздовъ, которые не превратились ни въ общіе, ни въ періодическіе.

Приведенная характеристика публичноправнаго строя древней Руси, разсматриваемой въ совокупности всѣхъ ея земель, вполне аргументирована данными источниковъ. Она представляетъ собою цѣнное достояніе русской историко-юридической науки, которымъ послѣдняя обязана В. И. Сергѣевичу. Изслѣдованіе В. И. Сергѣевича окончательно ниспровергло ложное мнѣніе о единой верховной политической власти для всей древней Руси, мнѣніе, на которомъ сходились и представители традиціонной теоріи государства Россійскаго съ ихъ ученіемъ о верховной власти великаго князя, и представители новой родовой теоріи съ ихъ ученіемъ о верховной власти старѣйшины княжескаго рода. Намъ не приходится дѣлать литературной справки о сторонникахъ стараго мнѣнія: В. И. Сергѣевичъ самъ указываетъ главнѣйшихъ представителей опровергнутыхъ имъ теорій, называя Карамзина, Рейца, С. М. Соловьева, Д. И. Иловайскаго (Древности, II, 222; Вѣче и князь, стрн. 272). — Старая концепція древней Руси, какъ единого государства Россійскаго, похоронена окончательно; что же касается родовой теоріи, то съ отдѣльными ея положеніями и ихъ видоизмѣненіями приходится встрѣчаться до сихъ поръ. Въ виду этого важно отмѣтить, насколько, согласно разъясненію В. И. Сергѣевича, родственныя связи имѣли опредѣляющее значеніе для междукняжескихъ отношеній. Изъ общаго правила, согласно которому взаимныя отношенія князей опредѣлялись не родствомъ ихъ, а положеніемъ правителей независимыхъ одна отъ другой волостей, В. И. Сергѣевичъ находитъ только одно прямое исключеніе. „Князья-родственники въ нисходящей линіи никогда не заключаютъ

между собою договоровъ. Это объясняется тѣмъ, что отношенія дѣтей къ родителямъ опредѣляются семейнымъ правомъ, въ силу котораго дѣти состоятъ въ подчиненіи волѣ родителей. Подчиненіе дѣтей родителямъ выражалось въ томъ, что при жизни отца сыновья никогда не были самостоятельными владѣтельными князьями. Если бы имъ и была дана въ управленіе самостоятельная волость, они управляли ею въ качествѣ посадниковъ князя-отца, а не самостоятельныхъ владѣльцевъ. Въ моментъ пріѣзда князя-отца въ управляемую сыномъ волость, правительственныя полномочія послѣдняго прекращались, и власть переходила въ руки отца. Это есть натуральное послѣдствіе семейной завѣсности отъ отца“ (II, 152—153; см. II, 250). При этомъ авторъ оговариваетъ, что „въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ начало личности волостей шло такъ далеко, что разрывало только-что указанную совершенно натуральную связь отца съ сыномъ“, и приводитъ случай отложенія Ярослава Владимировича отъ власти отца, который не привелъ къ войнѣ только вслѣдствіе смерти Владимира Святославича (II, 153)¹). Государственно-правовое значеніе въ указанномъ смыслѣ имѣла только природная отеческая власть; отечество названное, договорное обозначало лишь высшую степень почета и ничего больше (II, 195—196). Родство въ боковыхъ линіяхъ, или т. н. родовыя отношенія имѣли значеніе только въ смыслѣ признанія политическаго равенства и братства князей; всѣ князья происходили отъ одного общаго родоначальника, считали себя прирожденными правителями и въ силу этого не становились другъ къ другу въ отношенія подданства (II, 181). Наконецъ, на почвѣ родства, но и то въ предѣлахъ семьи, а не рода, сложились преимущества старѣйшинства, или старшинства въ дѣлѣ наслѣдованія волостей (II, 184—186).

Выше мы отмѣтили, что В. И. Сергѣевичъ самъ указываетъ представителей тѣхъ историческихъ теорій, которыя ниспровергаются его изслѣдованіемъ. Но указанія на предтечу своихъ собственныхъ воззрѣній В. И. Сергѣевичъ не

1) Въ Вѣчѣ и князь не было приведенной оговорки по поводу отношеній князей-сыновей къ князю-отцу. См. Вѣче и князь, стрн. 123, 124, 262—263.

дѣлаеть. Между тѣмъ такіе предтечи были какъ по вопросу о началѣ особынности волостей, лежавшемъ въ основѣ договорнаго права владѣтельныхъ князей, такъ и по вопросу о союзѣ единенія. Необходимо указать ихъ.

Прежде всего долженъ быть упомянутъ Н. А. Полевой, — первый рѣшительный противникъ традиціонной концепціи древней Руси, какъ единого государства Россійскаго. Протестомъ противъ этой концепціи было самое названіе Полевымъ своего труда исторіей русскаго народа: авторъ этимъ хотѣлъ подчеркнуть, что въ древней Руси до московскаго единовластія не было единого русскаго государства¹⁾. Специально, и, нельзя сказать, что неудачно, опровергаетъ Полевой „заблужденіе историковъ“, которые въ древней Руси „вообразили себѣ какое-то пространное, сильное государство, гремѣвшее славою въ трехъ извѣстныхъ тогда частяхъ міра“ (II, 40 и сл.). „Единство Руси“, говоритъ онъ, „заключалось въ языкѣ и религіи, но не въ политическомъ составѣ“ (II, 278). Связывало древнюю Русь еще единство событій, подъ которымъ Полевой разумѣетъ военныя и мирныя сношенія князей. Но и это единство событій по временамъ теряется. Относительно послѣднихъ двухъ десятилѣтій XII вѣка Полевой говоритъ: „все было раздѣлено, все было частно; связь Русскихъ княжествъ расторглась совершенно“ (III, 112).

Вслѣдъ за Полевымъ необходимо отмѣтить и особенно подчеркнуть по интересующему насъ вопросу значеніе М. П. Погодина. Полевой опровергалъ концепцію древней Руси, какъ единого государства Россійскаго, больше „умозрѣніемъ“ и выставлялъ противъ нея лишь самыя общіе факты. Погодинъ „вмѣсто всякихъ умствованій и произвольныхъ толкованій“ искалъ для историческихъ положеній „въ лѣто-

1) Объясненіе названія труда специально дано въ предисловіи, см. Исторія русскаго народа (1829—1833 г.г.), томъ I, стр. XLI—XLII. Весьма характерно въ этомъ отношеніи и замѣчаніе Полевого, сдѣланное при переходѣ къ правленію в. кн. Іоанна Васильевича. „Кто вздумалъ бы отдѣльно, во всей подробности, изобразить жизнь Іоанна, тотъ началъ бы временемъ Удѣловъ, кончилъ временемъ совершеннаго Единовластія; началъ описаніемъ жизни Русскаго народа, кончилъ изложеніемъ жизни Россійскаго государства“ (VI, 23).

писяхъ подлинныхъ свидѣтельствъ, ясныхъ, положительныхъ подтвержденій“¹⁾. Такого рода испытанія не выдержало ученіе о верховной власти великаго князя надъ всею древнею Русью. Въ кропотливыхъ Исслѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ о русской исторіи не было отмѣчено ни одного факта, который подтверждалъ бы это ученіе, и въ этой критикѣ²⁾ старая теорія подверглась молчаливому, по безповоротному осужденію. Выводы, къ которымъ пришелъ самъ Погодинъ на точномъ основаніи лѣтописныхъ данныхъ, были прямо противоположны исторіографической традиціи и пролагали путь новымъ научнымъ конструкціямъ. Прежде всего онъ указалъ, что Кіевскій князь почти никогда не назывался великимъ (IV, 417). Затѣмъ документально выяснилъ, что употреблявшійся все же въ Кіевской Руси, упрочившійся на сѣверо-востокѣ и обобщенный историками титулъ великаго князя не давалъ его носителю никакой реальной политической власти надъ всею Русью. „Достоинство“ великаго князя „было именное старшинство, почетное титуло, завидное владѣніе, особенно сначала, когда силы у него было больше, волость обширнѣе, дружина многочисленнѣе, земля обильнѣе и богаче, и ничего болѣе... Князю Кіевскому не было никакого дѣла, что происходило въ Черниговѣ, Галичѣ или Полоцкѣ. Всѣ князья совершенно отъ него не зависѣли. Ни о какихъ правахъ и преимуществахъ помину нѣтъ нигдѣ. Онъ имѣлъ вліяніе только на князей, жившихъ въ предѣлахъ его собственнаго, т. е. Кіевского княжества, гдѣ онъ распоряжался удѣлами: раздавалъ, кому хотѣлъ, разумѣется согласно съ древними обычаями, и отбиралъ. Остальная власть великаго князя условливалась совершенно личными его качествами и обстоятельствами, въ коихъ онъ находился. Если случалось великому князю быть умнѣ другихъ, имѣть искусство воспользоваться своею силою, тогда онъ повелѣвалъ ими. Таковы были Святополкъ, Мономахъ, Мстиславъ, Все-

1) См. заявленіе М. П. Погодина о томъ, что онъ считаетъ „лучшею, надежною методою“, — Исслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи, томъ V, стр. 115.

2) Самъ Погодинъ полагалъ задачу своихъ изслѣдованій въ критикѣ (IV, 404).

володь Ольговичъ, — хотя и имъ часто оказывалось сопротивление, смотря по обстоятельствамъ“ (IV, 419—420). „Князья не зависѣли отъ великаго князя Кіевскаго и пользовались совершенною самостоятельностью, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда по особымъ обстоятельствамъ принуждены были слушаться того или другого великаго князя“ (IV, 423). Тѣми же чертами характеризуется публичноправное положеніе великаго князя и въ сѣверо-восточной Руси. „Великаго князя Володимирскаго слушались сосѣдніе князья, Рязанскіе и Муромскіе; князья сосѣдніе, равно какъ и дальніе, — когда, куда, противъ кого итти на войну, — болѣе нежели прежде великаго князя Кіевскаго, потому что онъ былъ гораздо сильнѣе ихъ“ (IV, 422). Но при этомъ владѣтельные князья вполнѣ сохраняли свою политическую независимость. „Мы нарекли тебя отцомъ своимъ, говорятъ Ростиславичи Андрею (1174), но если ты говоришь съ нами, не какъ съ князьями, а какъ съ подрушниками, то пусть разсудитъ насъ Богъ“ (IV, 422)¹⁾. На мѣсто единого государства Россійскаго Погодинъ поставилъ „разновластіе“ въ древней Руси (VI, 421). Въ соотвѣтствіи съ этимъ характеризовалъ онъ и взаимныя отношенія князей. „Какъ не было никакихъ опредѣленныхъ отношеній у нихъ къ великому князю, такъ не было и между собою. Отношенія измѣнялись всякій разъ при новыхъ обстоятельствахъ и опредѣлялись вновь на ихъ частыхъ сѣздахъ. Что положено было на одномъ сѣздѣ, то и продолжалось до слѣдующаго сѣзда, или до новыхъ обстоятельствъ. Князья договаривались дѣйствовать за одно, помогать другъ другу, ходить на войну, дѣлиться добычей, мѣняться волостями, между собою, точно какъ и съ великимъ княземъ“ (IV, 438—439). „Сношенія князей между собою“ представлялись Погодину какъ ихъ „договоры, союзы и ссоры“ (V, 115).

М. П. Погодинъ выяснялъ значеніе великаго князя и характеръ междукняжескихъ отношеній только по лѣтописямъ, призывая другихъ изслѣдовать данные вопросы по грамотамъ²⁾. На этотъ призывъ откликнулся Б. Н. Чиче-

ринъ и занялся спеціально юридическимъ анализомъ духовныхъ и договорныхъ грамотъ великихъ и удѣльныхъ князей. Цѣлью, ради которой производился этотъ анализъ, было установленіе существа княжеской власти и междукняжескихъ отношеній. Въ данномъ мѣстѣ насъ интересуютъ послѣднія. Въ предѣлахъ избранныхъ источниковъ Б. Н. Чичеринъ изслѣдовалъ междукняжескія отношенія сѣверо-восточной Руси, начиная съ XIV вѣка. Относительно болѣе древняго времени и Руси юго-западной Чичеринъ всецѣло примкнулъ къ ученію родовой теоріи (Опыты по исторіи русскаго права, Москва, 1858, стрн. 335—336). Но въ междукняжескихъ отношеніяхъ сѣверо-восточной Руси, начиная съ XIV вѣка, онъ усмотрѣлъ смѣну родовыхъ началъ началами договорными (назв. сочин. стрн. 298). Во взаимныхъ договорахъ князья неизмѣнно выступали „совершенно самостоятельными владѣльцами“, какъ относительно внутренняго управленія удѣловъ, такъ и касательно внѣшнихъ сношеній (назв. соч., стрн. 305, 326). О государственномъ подчиненіи удѣльныхъ князей великому не можетъ быть рѣчи. „Между удѣльнымъ княземъ и великимъ нѣтъ рѣчи объ отношеніяхъ государственныхъ. Послѣдній не имѣетъ надъ первымъ высшаго права суда, не можетъ наказывать его за неисполненіе обязанностей. Оба могутъ быть правы и виноваты; объ этомъ предоставляется судить постороннимъ, которые однако не произносятъ приговора, а по личному убѣжденію берутъ сторону того или другого“ (назв. соч., стрн. 332).

На опроверженіи ученій о политическомъ единствѣ древней Руси, предполагавшихъ государственную власть у великаго князя или же общую власть княжескаго рода съ прерогативами его старѣйшины, нельзя было успокоиться. Необходимо было отвѣтить на вопросъ, какова же была природа той связи, которая несомнѣнно существовала между самостоятельными и независимыми землями-княженіями. Прямой отвѣтъ на этотъ вопросъ пытался дать Костомаровъ, когда излагалъ свои мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси.

Таковы были предтечи. Мы ихъ указали не въ видахъ умаленія, но для надлежащаго выясненія заслугъ В. И. Сергѣевича. Наука развивается органически, и въ ней нѣтъ

1) Сравн. Древности русскаго права, томъ II, стрн. 196.

2) М. П. Погодинъ, Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи, томъ IV, стрн. 404.

явленій ex machina. Значеніе того или другого, даже весьма крупнаго, представителя науки можетъ быть должнымъ образомъ учтено только въ связи со всѣмъ предшествующимъ состояніемъ разработки изслѣдованныхъ имъ вопросовъ. Въ предшествовавшемъ же состояніи обычно находятся не одніи лишь ошибки, иногда сами по себѣ поучительныя, но и начатки правильныхъ воззрѣній.

М. П. Погодинъ, приступая къ изслѣдованію значенія великаго князя и междукняжескихъ отношеній въ древней Руси, заявлялъ читателямъ: „Предупреждаю, что я принимаю на себя теперь отыскать это значеніе только по лѣтописямъ. Пусть другіе присоединяютъ грамоты; третьи, основываясь на приготовленныхъ нами результатахъ, представляютъ свои соображенія, одѣнуть кости кровью и плотью, чего я въ настоящемъ своемъ изслѣдованіи на себя не беру. Критика должна очистить матеріалы. Я здѣсь только критикъ. Наука пусть воспользуется ими послѣ и переработаетъ (разсужденіе), а искусство возсоздастъ“ (Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, IV, 404). Въ приведенной тирадѣ, довольно таки неуклюжей въ стилистическомъ отношеніи, содержится однако нѣчто цѣнное по существу. Это — и начертаніе программы научной разработки вопроса, и предвидѣніе дѣйствительнаго хода послѣдней. Изслѣдованіе В. И. Сергѣевича оказалось на высшей ступени намѣченной программы, на которой критика приготовила матеріалъ, разсужденіе его переработало, а конструктивное искусство возсоздало.

Нашъ отзывъ и такъ уже разросся въ объемъ. Мы не будемъ поэтому вдаваться въ подробности отдѣльных остроумныхъ толкованій и тонкихъ догматическихъ построений разбираемаго автора. Остановимся лишь нѣсколько на вопросѣ о томъ, какъ характеризуется авторомъ связь древнерусскихъ земель-княженій. Связь эта опредѣляется какъ союзъ единенія, лишенный однако постоянной организаци и основывавшійся на отдѣльныхъ договорахъ. „Вся наша исторія съ древнѣйшихъ временъ и до послѣднихъ удѣльныхъ князей, сыновей Ивана Васильевича и родныхъ братьевъ послѣдняго великаго князя московскаго, Василія Ивановича, — представляется безконечнымъ рядомъ союзныхъ договоровъ и обусловленныхъ ими союзныхъ дѣйствій

князей“ (II, 221). Какъ юристъ, В. И. Сергѣевичъ не могъ послѣдовать мыслямъ Костомарова и признать союзъ единенія федераціей въ техническомъ значеніи этого слова. Онъ вообще не далъ никакого точнаго опредѣленія юридической природы „союзнаго начала“ (II, 262) древней Руси, полагая, очевидно, подобно Чичерину¹⁾, что такое опредѣленіе въ терминахъ позднѣйшаго государственнаго права не примѣнимо къ древности. Въ отличіе отъ Б. Н. Чичерина В. И. Сергѣевичъ нашелъ возможнымъ отнести междукняжескія отношенія по существу къ международнымъ²⁾ и освободилъ „договорное право“ владѣтельныхъ князей отъ схематическаго подчиненія категоріи гражданскаго общества, заимствованной Б. Н. Чичеринымъ изъ философіи Гегеля. — Главнымъ поводомъ и предметомъ союзнаго единенія князей были вопросы войны и мира. В. И. Сергѣевичъ указываетъ однако, — и въ этомъ его заслуга, — что союзъ единенія не ограничивался областью внѣшней политики. „Единеніе оказывалось нужнымъ и по вопросамъ внутренняго управленія, по вопросамъ суда. Владѣнія Ярославичей не только соприкасались, но, что весьма вѣроятно, границы одного владѣнія врѣзывались въ предѣлы другого. При такихъ условіяхъ единство суда представлялось дѣйствительной потребностью населенія, а достигнуто оно могло быть только путемъ соглашенія“ (II, 222—223). Мысль — весьма важная³⁾. Остается сожалѣть, что авторъ ограничился ссылкой на статью Русской Правды о сѣздѣ Ярославичей, на которомъ они „отложили убіеніе за голову“ (II, 223), и не прослѣдилъ своей мысли далѣе по договорамъ. Несомнѣнно договоры привели къ отмѣнѣ судебныхъ „рубежей“ между землями и къ правовому объединенію послѣднихъ. Въ высшей степени интересно было бы также прослѣдить процессъ объединенія таможенной политики князей, этой важнѣйшей отрасли внутренняго управленія въ древности.

Въ главѣ, посвященной договорному праву владѣтельныхъ князей, В. И. Сергѣевичъ изслѣдуетъ не только дѣйствіе договорнаго права, но и процессъ его прекращенія.

1) См. Опыты по исторіи русскаго права, стр. 333—335.

2) Срвн. Опыты, стр. 334, и Древности, II, 231.

3) Этой мысли не было въ Вѣчѣ и князѣ.

Договорное право владѣтельныхъ князей было юридическимъ выраженіемъ политической обособленности и самостоятельности древнерусскихъ земель. Дѣйствіе его знаменуетъ время волостной старины, прекращеніе — установленіе новаго порядка единой державы. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ авторъ и излагаетъ „конецъ договорнаго права“ (II, 248 слѣд.).

Существенно важнымъ является вопросъ, какъ прекратилось и исчезло договорное право. Въ отвѣтъ на это мы находимъ у В. И. Сергѣевича прежде всего опредѣленное и аргументированное указаніе, что отмѣна договорнаго права не могла состояться путемъ договора-же, такъ какъ договоры неизмѣнно исходили изъ политической независимости князей. „Договорное право представляетъ величайшую помѣху для образованія единого государства съ единымъ государемъ во главѣ“ (II, 221). „На почвѣ договоровъ не могло возникнуть единой державы“ (II, 161). Договоры могли ограничить самостоятельность мелкихъ и слабыхъ князей по отношенію къ крупному и сильному во внѣшней политикѣ (II, 210). Ограниченіе же самостоятельности въ дѣлахъ внутренняго управленія было невозможно путемъ договора, такъ какъ договоры исходили изъ полноты владѣтельныхъ правъ князей. Требовался другой путь. „Этого можно было достигнуть“, говоритъ В. И. Сергѣевичъ, „только низложеніемъ владѣтельнаго князя“ (II, 210), вообще актомъ насилія (II, 230—231). Московское правительство и прибѣгло къ насилію, но, прежде чѣмъ говорить объ этомъ, необходимо отмѣтить мнѣніе Сергѣевича о томъ, какъ отразилось на договорномъ правѣ насиліе, явившееся извнѣ въ видѣ татарскаго завоеванія.

Еще раньше, въ главѣ о времени дѣйствія вѣча, В. И. Сергѣевичъ говорилъ: „Первыя попытки политическаго объединенія Россіи были сдѣланы ханами, которые, въ противность собственнымъ своимъ интересамъ, подчиняли отдѣльныхъ князей власти излюбленнаго ими великаго князя“ (II, 35). Въ отдѣлѣ о концѣ договорнаго права приведенная мысль развивается подробнѣе, но смыслъ ея подвергается ограниченію. „Татары смотрѣли на себя какъ на верховныхъ владыкъ русскаго народа. Хотя они и не управляли непосредственно въ предѣлахъ русской земли, но имѣли здѣсь свои постоянные интересы и нуждались въ особомъ органѣ власти,

который наблюдалъ бы за исполненіемъ ихъ велѣній. Такимъ органомъ они и назначили великаго князя владимірскаго. Остальные князья были отданы подъ его руку, но, надо думать, не въ старо-русскомъ смыслѣ любви, покровительства и заботы, а въ смыслѣ подчиненія по всѣмъ вопросамъ, имѣвшимъ отношеніе къ татарскимъ интересамъ“ (II, 253—254). Послѣднее ограничительное положеніе подробно разъясняется авторомъ. „По роду дѣлъ это было подчиненіе специальное, ограничивавшееся сферою татарской политики; по характеру — безусловное: въ случаѣ непослушанія русскіе князья, конечно, подлежали отвѣтственности передъ ордынскимъ царемъ. Но великій князь владимірскій приказывалъ имъ не какъ самостоятельный государь, а какъ посаженникъ ханскій и прикащикъ Орды“ (II, 254). Указанная специфичность и прекарность политическихъ функций, которыми надѣляла великаго князя Орда, и привели къ тому, что въ междукняжескихъ договорахъ XIV и XV вѣковъ не оказывается ни малѣйшаго слѣда внесеннаго татарами начала подчиненія (II, 255). Этотъ новый взглядъ на значеніе татарскаго завоеванія, впервые выдвинутый Б. Н. Чичеринымъ¹⁾ и развитый затѣмъ В. И. Сергѣевичемъ, явился шагомъ впередъ сравнительно съ традиционнымъ мнѣніемъ о рѣшительномъ переворотѣ въ междукняжескихъ отношеніяхъ, вызванномъ будто бы татарскимъ завоеваніемъ. Само собою разумѣется, что отпращиваніе функций, возложенныхъ Ордой, имѣло большое значеніе для фактическаго усиленія мощи и вліянія великаго князя среди другихъ князей. Несомнѣнно однако, что оно не положило конца договорному праву и формальнаго начала принципу единой державы.

Созиданіе единой державы является въ изображеніи В. И. Сергѣевича внутреннимъ процессомъ русской жизни. Оно

1) См. Опыты, стр. 330: „...уплата дани считалась дѣломъ временнымъ; во всѣхъ договорахъ постановлялось, что если перемѣнитъ Богъ Орду, то каждый князь беретъ дань себя, и тогда великій князь не имѣетъ права ничего требовать. Слѣдственно и въ этомъ условіи мы не можемъ видѣть не только государственнаго, но и никакого подчиненія удѣльныхъ князей великому. Это временное отношеніе къ внѣшнимъ побѣдителямъ, въ которомъ самый могущественный князь стоитъ на первомъ планѣ“.

велось путем отрицания договорных обязательств и помощью актов насилия. Такую политику проводили отдельные великие князья (II, 230—231), но никто из них не доходил до формальной отмены договорного права. „Ни великие князья московские“, говорит В. И. Сергеевич, „ни татары не положили конца договорным отношениям и не низвели владительных князей до положения подданных великого князя. Сдѣлали это бояре московские в малолѣтство Ивана Васильевича, первого русскаго царя“ (II, 256). Формальным выражением новаго порядка явились скрѣпленные односторонним цѣлованіемъ креста „записи“ князей Юрія и Андрея Ивановичей (II, 258). Публичноправное значеніе этихъ записей было выяснено еще Б. Н. Чичеринымъ (Опыты, стр. 340).

Въ дѣлѣ изученія междукняжескихъ отношеній В. И. Сергеевичъ выдѣляетъ специальный вопросъ о „раздѣленіи волостей между князьями“. Вопросу этому посвящена особая глава (вторая четвертой книги), посвящая такое именно заглавіе; къ нему же относится и дополнительная (въ четвертой книгѣ) полемическая глава, направленная противъ ученія родовой теоріи о порядкѣ преемства столовъ по лѣствичному восхожденію.

Излагаемое въ Древностяхъ ученіе о раздѣленіи волостей между князьями основывается во многомъ на главѣ седьмой первой книги Вѣча и князя, носящей названіе: „Порядокъ распредѣленія волостей между князьями“. Авторъ пользуется въ Древностяхъ матеріаломъ, разработаннымъ по данному вопросу въ Вѣчѣ и князѣ и рядомъ отдельныхъ положеній, выведенныхъ изъ этой разработки. Однако, не смотря на это, въ Древностяхъ измѣнена самая постановка вопроса, въ зависимости отъ чего измѣнился и планъ изложенія. Замѣчается также нѣкоторая перемѣна въ детальномъ развитіи иныхъ положеній¹⁾.

1) Въ предисловіи къ третьему изданію II-го тома Древностей авторъ заявляетъ, что въ этомъ изданіи переработанъ имъ вопросъ о старѣйшинствѣ князей вездѣ, гдѣ только о немъ идетъ рѣчь. Мы тщательно свѣрили всѣ соотвѣтственные мѣста второго и третьяго изданій и нашли, что: 1) въ первой главѣ четвертой книги третье изданіе буквально воспроизводитъ по вопросу о старѣйшинствѣ то, что было сказано тамъ-же во второмъ изданіи; 2) въ главѣ второй переработка тре-

Въ изложеніи порядка распредѣленія волостей между князьями въ Вѣчѣ и князѣ авторъ отирается отъ положенія: „княжеская Россія не знаетъ законнаго порядка въ преемствѣ столовъ: столы не наследовались, а добывались“ (273). Сообразно этому все вниманіе автора сосредоточено на добываніи: онъ подробно изслѣдуетъ понятіе добыванія, его предметъ, виды, кругъ лицъ, имѣвшихъ право свободно добывать столы. Добываніе выставляется авторомъ какъ основной принципъ, опредѣляющій весь порядокъ, или точнѣе быть можетъ, беспорядокъ распредѣленія волостей между князьями. Движущимъ началомъ въ процессѣ добыванія признается начало свободной воли князя, управляемое одними только соображеніями о томъ, что желательно и возможно. Личная воля князей не ограничивалась дѣятельностью при жизни; она стремилась вліять на порядокъ замѣщенія имѣющихъ открыться по ихъ смерти столовъ. Такимъ образомъ создавался новый факторъ вліянія на распредѣленіе волостей — завѣщательное распоряженіе князя, которое авторъ ставилъ на одну доску съ добываніемъ (303, 316). „Завѣщаніе не ограничивало права добыванія; оно могло только облегчить фактическое занятіе стола“ (303). Поэтому завѣщаніе не составляло „самостоятельнаго способа пріобрѣтенія волости“ (308). Господствовала политика добыванія. Она приводила къ неуверенности и необезпеченности княжого обладанія волостями. Обнаруживалось поэтому стремленіе обезпечить обладаніе. На почвѣ этого стремленія сложилось начало отчины, которое и являлось единственной, хотя и шаткой, преградой политикѣ добыванія (318, 326—327).

Въ Древностяхъ вопросъ о раздѣленіи волостей между князьями получаетъ иную постановку. Здѣсь авторъ отирается не отъ княжескихъ междоусобій¹⁾ и практики

тыяго изданія сводится къ чисто редакціоннымъ измѣненіямъ, каковы: болѣе тщательная отдѣлка формулировки нѣкоторыхъ выводовъ, пояснительныя вставки, выпуски отдельныхъ незначущихъ и ненужныхъ абзацовъ, наконецъ, замѣна „начала старѣйшинства“ въ заглавіи рубрики „родовымъ старшинствомъ“. Срвн. 2-ое изд., стр. 153—169, 256, 258, 260, 260—261, 261—262, 264—265, 324; 3-ье изд., стр. 184—200, 288, 291, 293, 294, 296, 297, 324.

1) Въ шестой главѣ первой книги Вѣча и князя данъ очеркъ исторіи княжескихъ отношеній (156—247), въ которомъ излагается практика не только княжескихъ договоровъ, но и княжескихъ междоусобій.

добыванія, а отъ политической самостоятельности волостей. „Вопросъ о распредѣленіи или преемствѣ столовъ возникаетъ для каждой волости или княженія въ отдѣльности. Каждая волость, представляя особое государство, должна была имѣть или, по крайней мѣрѣ, должна была стремиться выработать для себя и свой порядокъ преемства“ (II, 261). Отъ исходнаго положенія мѣняется вся дальнѣйшая картина. вмѣсто безпорядка добыванія, умѣряемаго шаткимъ началомъ отчины, получается стремленіе волостей различными путями къ упорядоченію преемства, нарушавшагося политикой добыванія. „Волости не вели изолированной жизни; онѣ находились въ постоянныхъ столкновеніяхъ между собою, результатомъ которыхъ было то, что князья нерѣдко занимали волости и въ силу военной удачи. Вслѣдствіе этого тотъ порядокъ преемства, который могъ бы сложиться въ извѣстной волости, благодаря вліянію собственныхъ ея потребностей и силъ, постоянно нарушался и путался этими вторженіями извнѣ. Такимъ образомъ условія нашей древней жизни очень мало благопріятствовали тому, чтобы возникъ и упрочился одинъ опредѣленный порядокъ преемства. И дѣйствительно, одного сколько-нибудь опредѣленнаго порядка наша древность и не представляетъ. Распредѣленіе столовъ происходило подъ вліяніемъ весьма разнообразныхъ началъ и интересовъ, изъ которыхъ ни одинъ не пользовался безспорнымъ признаніемъ, и относительное значеніе и историческая важность которыхъ были очень различны и весьма не постоянны“ (II, 261—262).

Къ этой новой постановкѣ вопроса приспособленъ и планъ изложенія главы о раздѣленіи волостей между князьями. Прежде всего авторъ подробно разбираетъ тѣ начала, которыя были направлены на упорядоченіе преемства столовъ въ волостяхъ; таковы: избраніе князей народомъ, начало отчины, распоряженія владѣтельныхъ князей въ завѣщаніяхъ и договорахъ, начало семейнаго старшинства. Затѣмъ авторъ выясняетъ практическую недостаточность каждаго изъ этихъ началъ въ отдѣльности, относительное ихъ значеніе и необходимость въ видахъ обезпеченія взаимно комбинировать различныя начала. Наконецъ, указываетъ, что всѣ эти начала и различныя ихъ сочетанія нарушались „подыскиваніемъ“ со стороны наиболѣе предприимчивыхъ и

сильныхъ князей. Такимъ образомъ авторъ приходитъ къ заключенію о фактическомъ отсутствіи опредѣленнаго порядка (II, 324), благодаря чему открывался просторъ для свободной дѣятельности „добыванія“ столовъ (II, 328) и для „господства въ междукняжескихъ отношеніяхъ политики эгоизма“ (II, 366). Слѣдуетъ однако замѣтить, что князья старались легитимировать свое положеніе на свободно добытыхъ, т. е. насильно захваченныхъ, столахъ послѣдующимъ договорнымъ примиреніемъ съ заинтересованными лицами (II, 327); съ другой стороны, князья нерѣдко особыми договорами обезпечивали законное преемство столовъ отъ угрожавшей опасности свободнаго ихъ добыванія другими членами княжескаго рода (II, 329).

Среди началъ, направленныхъ на упорядоченіе распредѣленія столовъ между князьями, В. И. Сергѣевичъ особенно выделяетъ начало отчины и приписываетъ ему до извѣстной степени значеніе организаціоннаго принципа въ территориальномъ развитіи древней Руси. „Практическое дѣйствіе его проявляется съ древнѣйшихъ временъ въ обособленіи княжескихъ линий, приурочиваемыхъ къ извѣстнымъ мѣностямъ“ (II, 265). Начало отчины находило признаніе и въ договорномъ правѣ князей, которое обнаруживало тенденцію къ обезпеченію наследственности владѣній (II, 173—181). Замѣтимъ, что такой взглядъ на начало отчины развитъ В. И. Сергѣевичемъ только въ Древностяхъ: въ Вѣчѣ и князѣ началу отчины приданъ лишь характеръ сдержки политики добыванія, а о договорномъ обезпеченіи наследственности владѣній совсѣмъ нѣтъ и рѣчи.

Старѣйшинство въ качествѣ начала, вліявшаго на распредѣленіе волостей между князьями, опредѣляется В. И. Сергѣевичемъ какъ семейное старшинство, а отнюдь не какъ старшинство родовое (II, 288—324). Авторъ отмѣчаетъ обычаи князей предоставлять старшему сыну лучшій столъ и говорить о слагавшемся на этой почвѣ „правѣ старшаго сына“, или „правѣ первородства“, пустившемъ довольно глубокіе корни въ общественномъ сознаніи (II, 184—186). Здѣсь мы тоже замѣчаемъ отступленіе отъ первоначальнаго воззрѣнія, высказаннаго въ Вѣчѣ и князѣ, согласно которому преимущества старшаго сына въ княжескомъ наследствѣ отнюдь не квалифицировались какъ его право (313).

Въ Древностяхъ авторъ считаетъ эти преимущества правомъ, хотя и не безусловнымъ (II, 284). Кромѣ указанныхъ зачатковъ первородства авторъ не признаетъ никакого другого старшинства въ распредѣленіи волостей. Пресловутые споры и столкновения изъ-за столовъ между дядьями и племянниками выводятся авторомъ вполне убѣдительно не изъ мнимаго старшинства въ родѣ, а изъ неопредѣленности начала отчины (II, 265, 282, 295). Слѣдуетъ отмѣтить, что это послѣднее, весьма важное положеніе сформулировано только въ Древностяхъ: въ Вѣчѣ и князѣ его не было.

Въ ученіи о распредѣленіи волостей древней Руси между князьями В. И. Сергѣвичу принадлежитъ выдающаяся заслуга. Онъ документально опровергъ ученіе о преемствѣ княжескихъ столовъ въ порядкѣ родового старшинства и о т. н. лѣтвижномъ восхожденіи князей. Это сдѣлано было В. И. Сергѣвичемъ еще въ его монографіи: Вѣче и князь. Критическая часть этого труда стояла внѣ всякаго сомнѣнія, но часть конструктивная вызвала весьма основательныя возраженія противъ отрицанія авторомъ началъ, направленныхъ къ упорядоченію преемства столовъ въ древней Руси. Въ Древностяхъ, какъ мы видѣли, этотъ недостатокъ исправленъ.

Въ ученіи своемъ о томъ, что распредѣленіе столовъ происходило подѣ влияніемъ весьма разнообразныхъ началъ и интересовъ, В. И. Сергѣвичъ имѣетъ предшественника въ литературѣ въ лицѣ М. П. Погодина, который устанавливалъ на основаніи лѣтописей, что „князь получалъ столъ, какъ въ Кіевѣ, такъ и во всѣхъ особливыхъ княжествахъ, по наслѣдству, основанному на правѣ старшинства, по представленію, или назначенію предшественника, по избранію, по рѣшенію князей и договорамъ, по насилію“ (Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, VII, 1). Эту связь В. И. Сергѣвича съ М. П. Погодинымъ отмѣтилъ еще С. М. Соловьевъ (Исторія Россіи, I, 665). В. И. Сергѣвичъ развилъ и всесторонне обосновалъ краткія положенія Погодина, причемъ исправилъ его ошибочное утвержденіе о томъ, что наслѣдованіе было основано на правѣ родового старшинства, и далъ надлежащее объясненіе началу отчины, выступавшему у Погодина въ смутныхъ очертаніяхъ (см. Древности, II, 265, подстрочн. примѣч.).

Порядки, опредѣлявшіе раздѣленіе волостей между князьями въ древней Руси, перешли въ основѣ своей и въ Русь Московскую. Не нарушило этихъ порядковъ и монгольское иго: татарская сила оказалась лишь новымъ средствомъ въ рукахъ князей для продолженія той же политики, направленной къ расширенію своихъ владѣній (II, 294). Въ качествѣ принципа, наиболѣе упорядочивающаго преемство столовъ, въ Москвѣ продолжало дѣйствовать старое начало отчины, которое проводилось въ завѣщаніяхъ князей. При возросшей власти московскихъ государей ихъ завѣщательныя распоряженія имѣли конечно большую силу, чѣмъ распоряженія кіевскихъ князей, но и московскіе государи еще при жизни своей договаривались съ сосѣдями о будущемъ своемъ преемникѣ, и это продолжалось до самаго конца XV вѣка (II, 329). Начало отчины оставалось въ Москвѣ столь же неопредѣленнымъ, какъ и въ древности, и въ XV вѣкѣ дядя такъ же спорилъ на этой почвѣ съ племянникомъ, какъ и въ XII-омъ (II, 332). Различіе заключалось лишь въ томъ, что въ Москвѣ было мало отчичей-конкурентовъ (II, 282). „И въ Москвѣ, и въ Кіевѣ — идея одна, различіе же въ рядѣ благоприятныхъ въ пользу Москвы случайностей, которыя дали возможность преемству по отчинѣ въ одной линіи проявиться почти безъ осложненій“ (II, 275). „Въ теченіе двухъ столѣтій (1303—1505) Москва переходитъ отъ отца къ сыновьямъ въ силу завѣщательныхъ распоряженій ея князей. Въ сознаніи народа при видѣ этого длиннаго ряда князей-отчичей, послѣдовательно занимавшихъ московскій столъ, утверждается мысль о наслѣдственности власти московскихъ государей“ (II, 283). Тѣмъ не менѣе престолонаслѣдіе по праву первородства не стало въ Москвѣ ни основнымъ закономъ государства, ни семейнымъ учрежденіемъ династіи. „Всякій опредѣленный порядокъ ограничиваетъ предержавную власть: московскіе же государи никакихъ ограниченій не любили. Поэтому-то великій князь московскій Иванъ Васильевичъ и отвѣчалъ псковичамъ на ихъ просьбу, чтобы въ Москвѣ и Псковѣ былъ одинъ государь: развѣ я не воленъ въ сынѣ или внука? кому хочу, тому и даю царство“ (II, 283). Отголосокъ въ духѣ этой старины слышится В. И. Сергѣвичу и въ распоряженіи Петра Великаго объ отрѣшеніи его сына

отъ престолонаслѣдія (II, 283). — Въ признаніи завѣщательнаго характера московскаго престолонаслѣдія В. И. Сергѣевичъ слѣдуетъ Б. Н. Чичерину (Опыты, 265—266), но расходится съ послѣднимъ въ оцѣнкѣ Петровскаго указа о престолонаслѣдіи. Б. Н. Чичеринъ видитъ въ обосновывавшей этотъ указъ Правдѣ воли монаршей сознаніе государственной идеи, — высокое понятіе о значеніи и обязанностяхъ монарха, а не усмотрѣніе отца семейства (Опыты, 276). Намъ кажется, что толкованіе Б. Н. Чичерина въ данномъ случаѣ правильнѣе, тѣмъ болѣе, что при скачкѣ отъ в. кн. Ивана Васильевича къ Петру Великому совершенно упущено изъ виду то значеніе, какое имѣли для укрѣпленія государственной идеи избирательные земскіе соборы, и которое учитывалъ самъ В. И. Сергѣевичъ въ ученіи о территоріи. Петръ Великій дѣйствовалъ не какъ отецъ семейства, вольный въ сынѣ или внукѣ, а какъ государь, но государь деспотическій въ техническомъ значеніи этого слова, отличающемъ правленіе по личному усмотрѣнію государя отъ правленія закономѣрнаго.

Изложеніе договорнаго права въ Древностяхъ, только что нами разобранное, какъ и ранѣе разсмотрѣнное ученіе о вѣчевомъ строѣ древней Руси, воспроизводятъ въ основѣ своей, какъ это уже неоднократно отмѣчалось нами, извѣстную монографію автора: Вѣче и князь 1867 года. Мы еще разъ упоминаемъ объ этомъ съ тою цѣлью, чтобы вспомнить о тѣхъ возраженіяхъ, которыя сдѣланы были по поводу приемовъ изслѣдованія въ названной монографіи непосредственно послѣ ея выхода въ свѣтъ. Возраженія эти сводились къ упреку въ недостаточности динамическаго элемента въ историческомъ изслѣдованіи автора. А. Д. Градовскій находилъ у В. И. Сергѣевича чрезмѣрное увлеченіе догматической точкой зрѣнія покоя въ ущербъ верховному началу исторіи — идеѣ движенія (Ж. М. Нар. Просв., 1868 г., часть 140-ая, стрн. 102). С. М. Соловьевъ указывалъ В. И. Сергѣевичу, что „главное, надобно смотрѣть на дѣло исторически, слѣдить за развитіемъ вѣча, за условіями, способствовавшими его усилению или ослабленію, а не собирать изъ различныхъ эпохъ извѣстія о явленіи и заключать, что оно было повсемѣстно“ (Ист. Россіи съ древн. врем., I, 662). Намъ необходимо остановиться на указанномъ упрекѣ

въ виду удержанія въ Древностяхъ основныхъ приемовъ изслѣдованія Вѣча и князя.

Вѣче и князь представляетъ собою изслѣдованіе историко-юридическое, что подчеркнул самъ авторъ, когда отмежевывалъ предметъ своихъ изысканій отъ политической исторіи (Вѣче и князь, 156). Отличительной особенностью историко-юридическаго изслѣдованія является не только сосредоточеніе его на вопросахъ права, но и облеченіе результатовъ изученія прошлаго въ рядъ законченныхъ догматическихъ конструкций и системъ. Всякое догматическое построеніе охватываетъ общественныя явленія со стороны ихъ статикки. Динамика при этомъ страдаетъ и тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе продолжительный періодъ развитія подвергается однообразной (т. е. исходящей изъ однихъ и тѣхъ же принциповъ) догматизаціи. Такимъ образомъ упрекъ, который дѣлали В. И. Сергѣевичу А. Д. Градовскій и С. М. Соловьевъ, долженъ быть ослабленъ въ той мѣрѣ, въ какой вызвавшій его приемъ изслѣдованія можетъ быть отнесенъ къ специальнымъ свойствамъ исторіи права, какъ особой дисциплины. Спрашивается однако, не зашло ли преобладаніе статикки надъ динамикой у В. И. Сергѣевича дальше, чѣмъ этого требовала задача историко-юридическаго изученія. Приходится отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно и признать такимъ образомъ за критиками извѣстную долю правоты.

Мы только что указали, что динамика страдаетъ въ историко-юридическомъ изслѣдованіи тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе продолжительный періодъ развитія подвергается однообразной, т. е. исходящей изъ однихъ и тѣхъ же принциповъ, догматизаціи. Значитъ, увлеченіе догматической точкой зрѣнія покоя въ ущербъ верховному началу исторіи — идеѣ движенія наступаетъ тогда, когда историкъ-юристъ простираетъ однообразное дѣйствіе однихъ и тѣхъ же правовыхъ принциповъ дальше тѣхъ предѣловъ времени, въ которыхъ они на самомъ дѣлѣ сохраняли свою организаціонную силу и значеніе. Чтобы избѣгнуть такого увлеченія, необходимо внимательно слѣдить за нарожденіемъ новыхъ правовыхъ принциповъ, тщательно выдѣлять ихъ и соотвѣтственно этому строить не одну, а нѣсколько смѣняющихся другъ друга догматическихъ системъ. Если мы обратимся къ изслѣдованію В. И. Сергѣевича, то увидимъ, что въ немъ динамика

пострадала значительно больше, чѣмъ это требуется условіями историко-юридической догматизаціи. Русское государственное устройство во времена князей Рюриковичей далеко не представляет собою такой неизмѣнности правовыхъ принциповъ, которая допускала бы однообразную его догматизацію на всемъ протяженіи этихъ „временъ“. Въ немъ несомнѣнно можно указать на такое движеніе, которое имѣло принципиальное значеніе и потому требуетъ для своего изображенія смѣны характеризующихъ его догматическихъ системъ. Мы не будемъ однако вдаваться въ критику. Постараемся, напротивъ того, конгеніяльно разъяснить своеобразную точку зрѣнія разбираемаго нами автора.

Послѣдовательная смѣна въ исторіи организаціонныхъ правовыхъ принциповъ не происходитъ внезапно: и послѣ народженія новыхъ старые принципы живутъ еще долго. Эта особенность историческаго развитія права и государства открываетъ возможность и своеобразнаго его изученія, — съ точки зрѣнія выживанія старыхъ первоначальныхъ принциповъ. Это — антикварная точка зрѣнія. Она всегда была излюбленнымъ для В. И. Сергѣевича приѣмомъ изслѣдованія и проявилась уже въ Вѣчѣ и князѣ. Вотъ почему монографія эта безъ крутой ломки легко уложилась въ позднѣйшія Древности права.

Признавъ, что у В. И. Сергѣевича статика преобладаетъ надъ динамикой, мы отнюдь не желаемъ сказать, чтобы ущербъ, наносимый этимъ преобладаніемъ идеѣ движенія, доходилъ до крайняго ея умаленія. Напротивъ того, мы можемъ сдѣлать рядъ положительныхъ указаній на то, какъ авторъ Древностей слѣдитъ за движеніемъ изучаемыхъ имъ правовыхъ началъ. Процессъ прекращенія вѣча получилъ у В. И. Сергѣевича вполне эволюціонное объясненіе, чего нельзя сказать объ объясненіяхъ его предшественниковъ, сводившихъ все къ перевороту, вызванному либо татарскимъ завоеваніемъ, либо перенесеніемъ политическаго дѣйствія на новое мѣсто. Динамическій элементъ далеко не чуждъ и ученію о договорномъ правѣ владѣтельныхъ князей. Хотя послѣднее и охватываетъ въ одной системѣ Русь до-Московскую и Московскую (Древности, II, 161), тѣмъ не менѣе авторъ старается опредѣлить, какія правила договоровъ имѣютъ въ основаніи своемъ бытовую подкладку

древности, и какія возникли путемъ новыхъ соглашеній (II, 160—161). Къ новымъ соглашеніямъ отнесено и подчиненіе одного князя другому, столь важное для образованія московскихъ порядковъ. Авторъ слѣдитъ за постепеннымъ подготовленіемъ послѣднихъ и отмѣчаетъ въ этомъ отношеніи какъ фактическое преобладаніе московскаго великаго князя надъ удѣльными (II, 163), такъ и послѣдовательный ходъ ограниченія политической самостоятельности удѣльныхъ князей во внѣшнихъ дѣлахъ (II, 212—217)¹⁾.

Отъ приѣмовъ изслѣдованія вернемся опять къ содержанію четвертой книги Древностей, посвященной князю, и ближайшимъ образомъ къ неразмѣченной еще пока нами послѣдней главѣ ея, — о служебныхъ князьяхъ (II, 335—352).

Этюдъ о служебныхъ князьяхъ впервые написанъ В. И. Сергѣевичемъ для Древностей. Составленный съ обычнымъ мастерствомъ автора, онъ представляет собою весьма важное дополненіе къ ученію о договорномъ правѣ владѣтельныхъ князей, такъ какъ раскрываетъ одинъ изъ путей постепеннаго исчезновенія послѣднихъ. Этюдъ этотъ получаетъ такимъ образомъ значеніе для выясненія объединительной политики Московскаго государства, и въ частности, для характеристики того соперничества въ дѣлѣ собиранія русскихъ земель, которое имѣло мѣсто между Москвой и Литвой (II, 340). — Авторъ устанавливаетъ различіе въ положеніи князей, поступавшихъ на службу безъ вотчинъ и съ вотчинами (II, 336, 340—341); нѣсколько непонятно, какимъ образомъ авторъ находитъ возможнымъ признать относительно князей второго рода, что вотчины ихъ при поступленіи ихъ на службу превращались въ помѣстья (II, 342). Возможность конфискаціи при отъѣздѣ со службы

1) П. Н. Милоковъ увѣряетъ, что „для пр. Сергѣевича въ нашей исторіи нѣтъ періодовъ, нѣтъ развитія, пока въ ней господствуетъ договоръ, какъ форма политическихъ отношеній; договоръ сыновей Ярослава и договоръ Ивана III совершенно одно и то же“ (назв. сочин., Русская Мысль, 1886 г., июнь, стр. 88—89). Очевидно, что послѣднее утвержденіе не соответствуетъ сказанному у В. И. Сергѣевича и должно быть признано послѣдствіемъ того риска „оставить картину болѣе мрачной, чѣмъ она есть въ дѣйствительности“, предъ которымъ не остановился, по собственному откровенному признанію (*ibidem*, стр. 91), почтенный критикъ „юридической школы въ русской историографіи“.

не превращаетъ вѣдь еще вотчины въ помѣстье (срвн. I, 386). Квалификація вотчины служебнаго князя какъ помѣстья находится въ прямомъ противорѣчii: 1) съ московской терминологіей, которая знала княженицкія вотчины, но не знала княжескихъ помѣстій; 2) съ тѣми ограниченіями, которымъ подвергалось въ специальныхъ указахъ наслѣдованіе княженицкихъ вотчинъ (II, 342—343): такія ограниченія не мыслимы по отношенію къ помѣстьямъ, которыя вообще не наслѣдовались въ цивилистическомъ смыслѣ; достаточно было бы фактически не верстать сыновей служебныхъ князей княженицкими помѣстьями, если бы такія помѣстья существовали. — Квалификація вотчинъ служебныхъ князей какъ помѣстій устраняетъ въ значительной мѣрѣ то различіе, которое устанавливаетъ авторъ въ положеніи князей, ничего не имѣвшихъ, поступавшихъ на службу съ голыми руками, и князей, пріѣзжавшихъ на службу вмѣстѣ со своими вотчинами.

VI.

Вторая часть II-го тома Древностей говоритъ о „совѣтникахъ князя“ и распадается на два отдѣла: 1) о княжеской думѣ, и 2) о духовенствѣ.

Отличительной особенностью ученія В. И. Сергѣевича о думѣ является отрицаніе за княжеской думой до-Московского времени („древнѣйшей думой“) и боярской думой въ Москвѣ („Московской думой“) характера постоянного учрежденія. У князей земской эпохи и у великаго князя, затѣмъ царя Московскаго были лишь отдѣльные, болѣе или менѣе случайные, совѣтники. Съ ними князья и цари думали, и историкъ-юристъ можетъ говорить объ отдѣльныхъ актахъ этого думанія, но онъ нигдѣ не найдетъ думы, какъ постоянного учрежденія. Царская дума получила нѣсколько болѣе опредѣленный обликъ только въ видѣ Сильвестро-Адашевской „избранной рады“: послѣдняя состояла изъ постоянныхъ членовъ и обладала опредѣленной степенью власти, доходившей до ограниченія власти государя (II, 402); но и въ ея устройствѣ дѣло шло не объ организаціи учрежденія съ опредѣленнымъ и постояннымъ составомъ, а о лицахъ, случайно стоявшихъ у государственнаго кормила (II, 407—408). Учрежденіями съ характеромъ постояннымъ и вполне опре-

дѣленнымъ были лишь: „судная“, или „расправная коллегія“ („земская Расправная палата“) земскихъ бояръ временъ опричнины (II, 430—438), да Расправная палата второй половины XVII-го вѣка (II, 439—448). Эти указные и подзаконныя учрежденія необходимо однако строго отличать отъ государственной думы, представлявшей собою неопредѣленное собраніе произвольно приглашаемыхъ государемъ совѣтниковъ (II, 385, 434—435, 449). Ошибку всѣхъ другихъ изслѣдователей В. И. Сергѣевичъ видитъ въ томъ, что они не отличаютъ Расправной Палаты отъ государственной, или боярской думы и приписываютъ послѣдней различныя черты устройства первой (II, 385, 430, 460, 461, 491).

Отрицаніе за княжеской думой характера постоянного учрежденія имѣетъ прецедентъ въ историко-юридической литературѣ. На этой точкѣ зрѣнія стоялъ С. П. Петровский. „Гдѣ дума, что она?“, восклицалъ онъ, — „Укажите на нее опредѣленно, скажите: вотъ дума, совѣтъ такого-то князя! Нельзя. Можно только сказать, что это дума по такому-то вопросу, по такому-то предложенію князя, но никакъ не дума этого князя, потому что, можетъ быть, въ тотъ же день по другому вопросу князь будетъ совѣщаться съ совершенно другими лицами и будетъ совершенно въ правѣ; выгодно ли это будетъ ему, или нѣтъ — это другой вопросъ и вопросъ совершенно личный, касающійся только самого князя. Знаютъ ли думу другіе какіе-нибудь органы — посадники и т. д., относятся ли съ чѣмъ-нибудь къ ней? Никогда. Дума имѣетъ отношеніе только къ князю. Отношенія эти совершенно частныя, личныя, не имѣющія ничего юридическаго... Княжеская дума, совѣщанія князей съ дружиной просто фактъ, и какъ бы часто намъ лѣтописи не упоминали о немъ, все же эти совѣты останутся безъ всякаго юридическаго значенія, только одними частными личными совѣтами, наряду съ совѣщаніями всѣхъ частныхъ лицъ, чисто фактическими“ (О сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, Москва, 1875 г., стрн. 13—14). — Отрицаніе ограничивалось у С. П. Петровскаго только княжеской думой земской эпохи. Что же касается „царской думы“ въ Москвѣ, то онъ, какъ и всѣ до него, признавалъ ее „прочнымъ звеномъ въ цѣпи государственныхъ учрежденій, — не фактомъ, а учрежденіемъ съ юридическимъ характеромъ“ (назв. соч., стрн. 18).

Отказъ признать въ княжеской думѣ постоянное учрежденіе былъ новшествомъ въ литературѣ¹⁾, и С. П. Петровскому пришлось полемизировать по этому поводу. Вся выписанная нами только что тирада носить полемическій характеръ. Для насъ интереснѣе всего то, что полемика эта была направлена противъ В. И. Сергѣевича. „Частныя отношенія между княземъ и его дружинниками до такой степени преобладаютъ, что мы“, говоритъ С. П. Петровскій (назв. сочин., стрн. 13), „положительно затрудняемся причислить княжескую думу къ одному изъ органовъ управленія, какъ это дѣлаетъ В. И. Сергѣевичъ (Вѣче и князь, стр. 359).“

Дѣйствительно, въ Вѣчѣ и князѣ (стрн. 359—362) В. И. Сергѣевичъ, хотя и указываетъ, что „составъ и предметы занятій княжеской думы исключительно зависѣли отъ усмотрѣнія князя“, и что княжескимъ совѣтникамъ „могъ принадлежать только совѣщательный голосъ“, тѣмъ не менѣе относитъ княжескую думу къ органамъ управленія, слѣдовательно, — признаетъ ее постояннымъ учрежденіемъ. Возраженія С. П. Петровскаго не убѣдили В. И. Сергѣевича и долго не могли его заставить отступить отъ высказаннаго въ Вѣчѣ и князѣ мнѣнія. Среди органовъ управленія въ качествѣ постоянного учрежденія значится княжеская и Московская государева дума въ Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ В. И. Сергѣевича изданія 1883 года (стрн. 380, 832). Тоже повторяется буквально въ Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ по древней исторіи русскаго права изданія 1894 года (стрн. 144—147). Новую точку зрѣнія, нынѣ отстаиваемую авторомъ, находимъ у него впервые только во второмъ выпускѣ перваго изданія II-го тома Русскихъ юридическихъ древностей, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1896 году. Въ подзаголовкѣ этого выпуска нѣтъ уже традиціоннаго названія думы: оно замѣнено „совѣтниками князя“.

1) Не упоминалъ, правда, о думѣ М. П. Погодинъ, но онъ и не выступалъ прямо съ отрицаніемъ ея, какъ постоянного учрежденія, такъ что выступленіе С. П. Петровскаго все же было новшествомъ. — Замѣтимъ кстати, что М. П. Погодинъ ограничился относительно думы лишь слѣдующими двумя положеніями: 1) „князья совѣтовались съ дружиною о всѣхъ важныхъ дѣлахъ“, и 2) „бояре были главными совѣтниками князя во всѣхъ важныхъ дѣлахъ“. См. Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, томъ VII, стрн. 67 и 75

Спрашивается, чѣмъ вызвана такая переменѣна взглядовъ автора, происшедшая въ теченіе двухъ лѣтъ. За это время и до сего дня не найдено никакихъ новыхъ источниковъ по исторіи думы, которые заставляли бы ломать кореннымъ образомъ ея установившуюся конструкцію; съ этой стороны все оставалось и остается по прежнему. Что же измѣнилось? Измѣнилось отношеніе изслѣдователя къ источникамъ, какъ это мы сейчасъ покажемъ.

В. И. Сергѣевичъ отказывается видѣть въ думѣ постоянное учрежденіе по слѣдующимъ главнымъ образомъ соображеніямъ: 1) князья и московскій государь формально не были обязаны совѣщаться съ думой; 2) дума не имѣла ни состава, ни компетенціи, опредѣленныхъ въ какомъ либо формальномъ организаціонномъ актѣ, или по терминологіи Свода Законовъ, — учрежденій¹⁾; 3) князья избирали себѣ совѣтниковъ (думцевъ) по личному своему произволу, доходя въ этомъ отношеніи до совѣщаній „самъ третьей у постели“ или самъ-другъ съ какимъ-нибудь „милостникомъ своимъ“. — Эти основныя соображенія никакъ нельзя признать достаточнымъ основаніемъ для рѣшительнаго утвержденія, что дума не существовала какъ постоянное учрежденіе. Дѣло въ томъ, что догматическія конструкціи строятся не только на основаніи организаціонныхъ законовъ и вообще писаныхъ нормъ права, но и на основаніи неписанаго юридическаго обычая. Послѣдняго рода источникъ какъ разъ и является опредѣляющимъ правовое положеніе думы. Лѣтописи и юридическіе памятники свидѣтельствуютъ о непрерывномъ рядѣ актовъ думанія князей съ думами. Для того, чтобы конструировать эти акты думанія какъ по-

1) Мы считаемъ себя вправѣ придать соображенію В. И. Сергѣевича объ отсутствіи постоянного состава и опредѣленной компетенціи думы такую именно формулировку на томъ основаніи, что авторъ не удовлетворяется въ этомъ отношеніи никакимъ обычнымъ, не указнымъ и не писанымъ порядкомъ, хотя и признаетъ его нормальнымъ. Очевидно, для признанія постоянного учрежденія авторъ требуетъ формальнаго учредительнаго указа. Недаромъ авторъ столь усиленно подчеркиваетъ указное опредѣленіе личнаго состава, вѣдомства и степени власти Расправной Палаты (II, 442, 443, 445, 449). Несомнѣнно, въ этомъ указномъ опредѣленіи находитъ онъ основаніе для признанія Расправной Палаты постояннымъ учрежденіемъ.

стоянный институт думы, недостаточно конечно одного фактического их повторения. Требуется, чтобы однообразное повторение сопровождалось еще наличностью внешних постоянно действующих причин необходимости такого порядка и внутренним сознанием этой необходимости в заинтересованных кругах и в общественном мнении. Внешние причины были налицо: онѣ коренились въ политическомъ значеніи дружинниковъ и бояръ, съ которыми должны были считаться князья и московскіе государи. Внутреннее сознание необходимости сказывалось вполне отчетливо въ томъ неодобреніи, которое раздавалось по поводу отступленія князей и московскихъ государей отъ обычнаго порядка совѣщанія съ обычной думой. Наличность всѣхъ требуемыхъ данныхъ признана самимъ В. И. Сергѣвичемъ. Непрерывная повторяемость актовъ думанія не подвергается у него ни малѣйшему сомнѣнію; признаются затѣмъ и внешняя необходимость, и внутреннее ея сознание, въ силу которыхъ возводится въ норму не только самое думаніе, но и опредѣленный составъ думы. „Хотя совѣщаніе съ думцами и не составляло обязанности князя, но въ виду фактической необходимости въ содѣйствіи князю окружавшихъ его лицъ, оно было весьма обыкновеннымъ явленіемъ нашей древней жизни. Кто же были эти обыкновенные думцы князя? Въ большинствѣ случаевъ летопись называетъ ихъ мужами и боярами; послѣднее выраженіе мало по малу вытѣсняетъ первое“ (II, 378—379). „Княжіе мужи и бояре составляютъ высшій классъ служилыхъ людей, переднюю дружину князя. Эти лучшіе служилые люди и суть обыкновенные думцы князя. Понятно почему. Давать совѣты могутъ только опытные въ дѣлахъ люди, а такими и были старшіе или передніе мужи. Согласно этому нормальному порядку вещей сложилось и общественное мнѣніе относительно того, кто долженъ быть совѣтникомъ князя. Это должны быть пожилые, опытные люди, старые и вѣрные слуги князя“ (II, 380). Такія данныя находимъ у В. И. Сергѣвича для „древнѣйшей думы“. Эти же данныя во многомъ сохраняютъ значеніе и для „Московской думы“. Вслѣдъ за только что приведеннымъ нами изображеніемъ общественнаго мнѣнія древней Руси о думѣ, сложившагося согласно нормальному порядку

вещей, В. И. Сергѣвичъ говоритъ: „Эта точка зрѣнія удерживается въ XIV вѣкѣ и переходитъ въ XV и XVI“ (II, 380). Сохраненіе старыхъ порядковъ не является однако безусловнымъ. „Москва все древнее передѣлывается на новое, передѣлала она и думу княжескую“ (II, 384). Передѣлка эта отнюдь не состояла въ отнятіи у думы характера организованнаго института. Напротивъ того, „московское время представляетъ нѣкоторый шагъ впередъ въ области организаціи высшихъ установленій, а въ числѣ ихъ и государственной думы“ (II, 391). Бóльшая организованность проявилась въ томъ, что въ Москвѣ думные чины „сказывались“ (II, 391). На первый взглядъ можетъ показаться, что сказываніе думныхъ чиновъ свидѣтельствуетъ объ устраненіи той фактической необходимости считаться съ политическимъ значеніемъ высшаго класса, на почвѣ которой возникла древняя дума и превратилась въ явленіе весьма обыкновенное. Ничуть нѣтъ. В. И. Сергѣвичъ приводитъ данныя, которыя предохраняютъ читателя отъ подобнаго поспѣшнаго заключенія. „Хотя чинъ введеннаго боярина жаловался московскими государями, хотя въ это званіе они могли возводить и людей новыхъ, но, по общему правилу, въ званіе введеннаго боярина возводились преимущественно члены именитѣйшихъ фамилій“ (II, 386). Все же Москва, какъ сказано, передѣлала княжескую думу. Передѣлка эта выразилась въ осложненіи состава думы. Московскіе государи удержали въ составѣ думы „членовъ именитѣйшихъ фамилій“, но вмѣстѣ съ тѣмъ ввели туда въ качествѣ второго постояннаго элемента и неизменныхъ служилыхъ людей. „Удѣльные князья, совѣщаясь съ молодшими людьми, нарушали этимъ общеустановившіяся понятія о княжескихъ думцахъ; московскіе государи совѣщаніе съ мелкими людьми возвели въ правило“ (II, 386), — путемъ учрежденія чиновъ думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ. Созданіе думныхъ чиновъ характеризуется В. И. Сергѣвичемъ какъ „очень тонкая мѣра московскихъ князей“, какъ мудрый компромиссъ, путемъ котораго удалось почтить „старѣйшихъ“ и дать дорогу „молодымъ“ (II, 392). — Тотъ фактъ, что и земскіе князья, и московскіе государи кромѣ думы практиковали еще тайныя совѣщанія съ наиболѣе приближенными лицами, своими интимными совѣтниками, не можетъ слу-

жить доказательствомъ того, что самой думы, какъ постоянного учрежденія, не было; противное доказывается вполне достаточно той реакціей общественнаго мнѣнія, которая вызывалась замѣной обычной думы совѣщаніями съ разными милостниками (II, 380—381). — Кругъ вѣдомства думы не подлежалъ точному опредѣленію, такъ какъ князь могъ совѣтоваться съ нею по всѣмъ дѣламъ правленія. — Тотъ фактъ, что ни земскіе князья, ни московскіе государи не были формально обязаны совѣщаться съ думой по такимъ то перечисленнымъ дѣламъ, ровно ничего не говоритъ ни за, ни противъ думы, какъ постоянного учрежденія. Древность при „текущемъ состояніи“ обычая не знаетъ строго формальнаго разграниченія публичноправныхъ функций, обязанностей и правъ. Взаимоотношеніе государственныхъ учреждений древности приходится выяснять на основаніи реального соотношенія стоявшихъ за ними политическихъ силъ. Каково же было это послѣднее соотношеніе, на это отвѣчаетъ В. И. Сергѣевичъ, когда говоритъ о зависимости князей отъ вольныхъ слугъ (II, 382—383), отмѣчаетъ, что нельзя было игнорировать мнѣній и привычекъ служилаго класса, уже подневольнаго (II, 392), и, наконецъ, наглядно показываетъ, какъ за дѣятельностью московскихъ государей скрывалась боярская рука, создававшая камень за камнемъ Московское государство (см. выше ученіе о территоріи).

Отказъ отъ конструирования того или другого института по даннымъ обычая и практики имѣлъ бы основаніе въ томъ случаѣ, если бы вся жизнь даннаго государства и данной эпохи опредѣлялась законами, и только одинъ этотъ институтъ оставался бы внѣ законодательной регламентаціи. Но вѣдь въ древней Руси нѣтъ ничего подобнаго. Мы уже неоднократно отмѣчали выдающуюся заслугу В. И. Сергѣевича въ дѣлѣ выясненія особенностей древнерусскаго политическаго развитія, заключавшихся какъ разъ въ отсутствіи организаціонныхъ законовъ и въ нераздѣльномъ господствѣ обычая, прецедентовъ, практики. Эту свою мысль, положенную въ основаніе ученія о вѣчѣ (II, 32), авторъ повторяетъ и въ книгѣ о совѣтникахъ князя (II, 449), но въ послѣднемъ случаѣ не дѣлаетъ изъ нея всѣхъ тѣхъ выводовъ для догматической конструкціи, которыя дѣлалъ по отношенію къ вѣчу. Когда заходитъ рѣчь о думѣ, авторъ

забываетъ о своей основной и столь цѣнной точкѣ зрѣнія и для признанія думы постояннымъ учрежденіемъ требуетъ организаціонныхъ указовъ (II, 385, 449) и чуть ли не конституціи (II, 396). Можно, думается намъ, сказать, что авторъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою.

Самопротиворѣчіе столь крупнаго ученаго, какъ разбираемый авторъ, нуждается въ объясненіи, и объясненіе ему найти можно. Обращаемъ вниманіе на то, что изслѣдованіе о думѣ завершается интереснымъ и мастерскимъ этюдомъ о „личномъ управленіи“ московскихъ государей (II, 450—453). Принципъ „личнаго управленія“ предносился, надо полагать, предъ умственнымъ взоромъ изслѣдователя „совѣтниковъ князя“ и увлекъ его настолько, что довелъ до отрицанія думы, какъ постоянного учрежденія¹⁾. Но такой выводъ является несомнѣнно крайнимъ и недопустимымъ. Принципъ личнаго управленія составляетъ весьма важную особенность политическаго строя древности, свойственную не одной лишь Москѣ, но и западноевропейскимъ государствамъ на одинаковой ступени развитія. Особенность эта заключается однако не въ томъ, будто личное управленіе монарха исключаетъ постоянныя учрежденія въ области государственнаго управленія, а въ томъ, что оно сообщаетъ имъ прекарный характеръ. Уживалось же вѣдь личное управленіе московскихъ государей и съ приказами, и съ Расправной Палатой, и съ земскими соборами, — уживалось оно и съ думой. Дѣлать въ этомъ отношеніи изъятіе для думы нѣтъ основанія. Не говоритъ въ пользу пониманія автора, вопреки его увѣренію, и „малая способность древняго времени къ созданію такого искусственнаго учрежденія, какъ постоянный совѣтъ“ (II, 372): „искусственность“ думы ничѣмъ не доказана и даже прямо такъ не понятна.

Мы привели только общія основанія непріемлемости ученія о „совѣтникахъ князя“. Подробный критическій разборъ отдѣльныхъ положеній автора о думѣ можно найти

1) Весьма характерно въ этомъ отношеніи слѣдующее заявленіе автора: „Государева дума и при Алексѣѣ Михайловичѣ не имѣла опредѣленнаго состава, она составлялась на отдѣльный случай по особому усмотрѣнію государя. Это вѣковая у насъ практика. Для московскихъ государей, которые могли еще въ значительной степени управлять своимъ государствомъ лично, такая дума представляла большія удобства“ (II, 415).

въ тѣхъ возраженіяхъ противъ новаго его взгляда, которыя выставлены въ курсахъ М. Ф. Владимірскаго-Буданова, М. А. Дьяконова и А. Н. Филиппова.

Второй отдѣлъ книги пятой о „совѣтникахъ князя“ посвященъ духовенству (глава III). Соединяя названіе главы съ заглавіемъ „книги“, можно было бы предположить, что въ соотвѣтственной главѣ идетъ рѣчь о духовенствѣ, какъ совѣтникахъ князя. На самомъ дѣлѣ однако содержаніе главы оказывается шире: оно обнимаетъ болѣе сложный и болѣе общій вопросъ объ отношеніи свѣтской власти къ духовной. Прежде чѣмъ перейти къ разбору этого болѣе общаго вопроса, мы считаемъ однако необходимымъ прослѣдить, какой же отвѣтъ дается авторомъ по болѣе узкому вопросу о духовенствѣ, какъ совѣтникахъ князя. Данныя о положеніи духовенства, какъ совѣтниковъ князя, не выдѣлены у автора особо, но приведены въ связи съ общимъ ученіемъ о взаимоотношеніи двухъ властей: свѣтской и духовной. Мы постараемся выдѣлить эти данныя и свести ихъ во-едино.

Въ ученіи о духовныхъ, какъ и о свѣтскихъ, совѣтникахъ князя авторъ имѣетъ въ виду не постоянное учрежденіе съ опредѣленнымъ составомъ, а разрозненные акты совѣщанія князя съ отдѣльными совѣтниками. Проводя такую точку зрѣнія въ ученіи о свѣтскихъ совѣтникахъ, авторъ считалъ нужнымъ, какъ это мы уже знаемъ, спеціально заняться опроверженіемъ общепринятой въ наукѣ конструкціи думы, какъ постоянного учрежденія. Въ ученіи о духовныхъ совѣтникахъ нѣтъ и рѣчи о необходимости считаться съ какимъ либо постояннымъ учрежденіемъ въ этой области; въ критическомъ разборѣ литературы (последняя глава пятой книги) авторъ занятъ вопросомъ объ исторической роли духовенства въ дѣлѣ созданія единодержавія и самодержавія. Ограниченіе полемики указаннымъ предметомъ вызвано несомнѣнно особенностью самой исторической литературы о духовенствѣ, которая дѣйствительно сосредоточивалась на вопросахъ политическихъ. Но изъ такого субъективнаго направленія спеціальной литературы отнюдь не слѣдуетъ, чтобы не было и объективныхъ данныхъ для поднятія вопроса о наличности въ области совѣщаній князей и московскихъ государей съ духовенствомъ

пѣкотораго постоянного учрежденія. Такое учрежденіе было: мы имѣемъ въ виду освященный соборъ. Въ качествѣ совѣщательнаго учрежденія по общегосударственнымъ, а не по спеціальнымъ церковнымъ дѣламъ, освященный соборъ выступалъ въ троякомъ видѣ: 1) въ расширенномъ составѣ думы государевой, 2) въ особомъ засѣданіи собственнаго состава, и 3) въ составѣ земскаго собора. При тщательномъ отношеніи автора къ свидѣтельствамъ источниковъ мы находимъ у него указанія на всѣ три вида участія освященнаго собора, какъ постоянного учрежденія, въ общегосударственныхъ дѣлахъ. Но въ виду своеобразной точки зрѣнія на „совѣтниковъ князя“ свидѣтельства эти получаютъ особое освѣщеніе, при которомъ не видно ихъ дѣйствительнаго значенія. Авторъ отмѣчаетъ два случая участія освященнаго собора въ составѣ думы, — одинъ 1573-го, другой 1618 года (II, 420—421, 412—413), но дѣлаетъ изъ нихъ только тотъ выводъ, что „въ думу приглашаютъ не только свѣтскихъ совѣтниковъ, но иногда и весь освященный соборъ“ (II, 413), и считаетъ такой составъ думы по общегосударственнымъ дѣламъ „любопытнымъ“ (II, 421). Подобное же случайное толкованіе придаетъ авторъ обсужденію общегосударственныхъ дѣлъ въ особыхъ засѣданіяхъ освященнаго собора съ царемъ. Совѣщаніе Михаила Феодоровича и Филарета Никитича съ освященнымъ соборомъ въ 1619 году по вопросу о разореніи и запустѣніи тягловцовъ выставляется авторомъ лишь какъ образчикъ „святительскаго вмѣшательства въ чисто свѣтскія дѣла“ (II, 550). Вполнѣ аналогичное сидѣніе царя Алексѣя Михайловича съ патріархомъ Іоакимомъ и со властями въ 1675 году о посольскомъ дѣлѣ вызываетъ у автора замѣчаніе о томъ, какъ „иногда видъ думы совершенно мѣнялся. Вмѣсто свѣтскихъ людей и воиновъ она сплошь наполнялась попами и монахами, — и это по свѣтскимъ дѣламъ“ (II, 415). Наконецъ, авторъ указываетъ, что въ составъ земскихъ соборовъ „цѣликомъ входилъ весь соборъ духовенства“, но упоминаетъ объ этомъ лишь съ тою цѣлью, чтобы подчеркнуть великій политическій авторитетъ церковныхъ властей (II, 576). Какъ видно изъ приведенныхъ ссылокъ, освященный соборъ, какъ учрежденіе, игнорируется авторомъ, который признаетъ лишь духовныхъ „совѣтниковъ“ наряду съ „совѣтниками“ свѣтскими.

Институтъ духовныхъ совѣтниковъ имѣетъ однако особую природу, отличающую его отъ института совѣтниковъ свѣтскихъ. Отличительныя особенности духовныхъ совѣтниковъ характеризуются авторомъ слѣдующимъ образомъ. „Князья — ученики духовенства и не только въ духовныхъ вещахъ, но и во многихъ свѣтскихъ. Учителей своихъ они должны слушать, иначе угрожаетъ имъ кара Божія. Въ случаѣ столкновенія съ ними они подлежатъ суду патріарха, какъ высшей инстанціи. Сколько пибудь точно опредѣлить дѣла, въ которыхъ духовенство выступало необходимымъ совѣтникомъ князя, не представляется возможности, точно такъ же, какъ невозможно опредѣлить и юридическое значеніе его совѣтовъ. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что значеніе этихъ необходимыхъ и самовольныхъ совѣтниковъ было очень велико. Припомнимъ наставленія духовенству митрополита Кипріяна: духовенство не должно молчать передъ княземъ, если увидитъ его неправильно дѣйствующимъ; оно должно усовѣщевать его въ собственномъ его интересѣ и интересѣ всей земли, ибо грѣхи князя падаютъ на весь народъ: оно не должно останавливаться въ своихъ совѣтахъ и передъ страхомъ смерти, ибо ничего не теряетъ, а только выигрываетъ: „аще быша васъ убили, и вы святы“, поучаетъ митрополитъ¹⁾. Если мы примемъ въ соображеніе преобладающее значеніе религіи въ исторіи того времени, значеніе этихъ необходимыхъ и самовольныхъ совѣтниковъ представится намъ во всей его подавляющей силѣ. Каждый священникъ былъ уже совѣтникомъ. Совѣтники эти являлись къ князю то по одному, то по нѣсколько вмѣстѣ, то, наконецъ, въ видѣ цѣлаго освященнаго собора“ (II, 561). Приведенная характеристика института духовныхъ совѣтниковъ весьма знаменательна, и потому остановимся на разборѣ ея по частямъ.

1) Изъ грамоты митрополита Кипріяна къ преподобному Сергію Радонежскому и Симоновскому игумену Феодору, написанной по поводу непротивленія Сергія и Феодора произвольнымъ дѣйствіямъ великаго князя Дмитрія Ивановича, который по смерти митрополита Алексея хотѣлъ возвести на митрополичью кафедру любимца своего попа Митяя и потому не призналъ митрополита Кипріяна и съ безчестіемъ выгналъ его изъ Москвы. См. Древности, II, 555—556.

Основное положеніе автора заключается въ томъ, что всѣ духовныя лица, не только митрополитъ, въ послѣдствіи патріархъ, не только епископы, но и каждый священникъ, являлись необходимыми и самовольными совѣтниками князя. Подчеркнутые эпитеты требуютъ спеціальнаго разъясненія, такъ какъ въ нихъ и содержится вся особенность института духовныхъ совѣтниковъ. Начнемъ со второго изъ нихъ. Что значатъ совѣтники самовольные? Очевидно, — такіе, которые подаютъ совѣтъ не тогда, когда ихъ спрашиваютъ, а по собственной волѣ, когда сами находятъ нужнымъ подать совѣтъ. Въ пользу такого пониманія говоритъ и указаніе автора на то, что совѣтники эти „являлись къ князю“, а не приглашались, не призывались княземъ, какъ авторъ говоритъ обычно о свѣтскихъ думцахъ. Признаніе духовныхъ лицъ совѣтниками самовольными пріобрѣтаетъ особенно важное значеніе, если сопоставить его съ категорическимъ утвержденіемъ автора, что „есть достаточное основаніе сомнѣваться, чтобы московскіе думные люди имѣли по положенію своему право принимать участіе въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ, занимавшихъ московскихъ государей... Думный чинъ свидѣтельствуетъ не о правѣ думныхъ людей давать совѣты царю, а о правѣ царя призвать въ свою думу не только бояръ, но дворянъ и даже дьяковъ“ (II, 391—392). Изъ этого сопоставленія явствуетъ, что положеніе духовныхъ чиновъ было иное, чѣмъ думныхъ: они подавали совѣты государямъ самовольно, по собственной инициативѣ. Спрашивается, имѣли ли они на это право? Авторъ ни слова не говоритъ объ этомъ. Онъ упоминаетъ лишь о правѣ печалованія (II, 576, 623—624). Но отъ частичнаго права печалованія отнюдь нельзя дѣлать заключенія къ общему праву совѣта, тѣмъ болѣе, что и „право печалованія“, по вѣрному замѣчанію автора, „ждетъ еще своей детальной разработки“ (II, 576), безъ какой-либо прибавимъ отъ себя, не ясна юридическая природа и самого печалованія. Нѣтъ поэтому, думается намъ, никакого основанія предполагать, что самовольная подача совѣтовъ государямъ была правомъ духовныхъ чиновъ. Правильнѣе, полагаемъ, думать, что она опиралась на ихъ обязанность религіозно-нравственнаго учительства. Такъ поставленъ вопросъ и въ наставленіи духовенству митропо-

лита Кипріяна, на которое ссылается авторъ какъ на нормативный фактъ. Митрополитъ Кипріанъ упрекаетъ преподобнаго Сергія и игумена Теодора не въ томъ, что они упустили какое-то публичное право, принадлежавшее духовнымъ чинамъ въ государственномъ управленіи, а въ томъ, что они не исполнили пастырской обязанности: „аще хотите добра души князя великаго и всей отчине его, почто умолчали есте? Растерзали бы есте одежды своя, глаголали бы есте предъ цари нестыдяся: аще быша васъ послушали, добро бы; аще быша васъ убили, и вы святы!“ (II, 555). Дѣло было не въ правѣ духовныхъ чиновъ на самовольную подачу совѣтовъ по дѣламъ государственнаго управленія, а въ религіозной обязанности ихъ обличать неправду и зло какъ въ частной, такъ и въ государственной жизни, не уступая предъ лицомъ сильныхъ, не опасаясь ни гнѣва ихъ, ни казни, принимая несправедливую казнь какъ мученическій вѣнецъ.

Духовные чины характеризуются еще авторомъ какъ совѣтники необходимые. Очевидно, что имѣется въ виду не фактическая необходимость, а необходимость деонтологическая, которая бываетъ моральной или юридической. Объ юридической необходимости врядъ ли можетъ быть рѣчь въ данномъ случаѣ, такъ какъ она обозначала бы обязанность государей испрашивать мнѣніе духовныхъ совѣтниковъ и такъ или иначе считаться съ нимъ, между тѣмъ авторъ находитъ, что невозможно опредѣлить юридическое значеніе совѣтовъ духовныхъ лицъ, этихъ необходимыхъ и самовольныхъ совѣтниковъ князя. Остается разумѣть въ данномъ случаѣ лишь моральную необходимость, т. е. нравственную обязанность князей выслушивать совѣты духовенства и слѣдовать имъ. Такой именно характеръ нравственной обязанности имѣетъ то „послушаніе и благопокореніе“, котораго требовали отъ князей духовныя власти (II, 542—544). Исполненіе этого требованія обуславливалось, по указанію самого автора, силою вѣры, глубокимъ почтеніемъ къ ея проповѣдникамъ и высокими нравственными качествами дѣятелей (II, 577). Дѣло идетъ такимъ образомъ объ исполненіи нравственной обязанности. Нѣкоторое сомнѣніе можетъ породить то обстоятельство, что столкновенія, являвшіяся слѣдствіемъ непослушанія князей, поступали на судъ

патріарха (II, 552). Судъ содержитъ въ себѣ указаніе на юридическій характеръ подлежащихъ ему отношеній. Просматривая приведенные авторомъ случаи патріаршаго суда надъ князьями (II, 553—558), мы замѣчаемъ, что здѣсь не было суда въ технически-юридическомъ смыслѣ, а лишь моральное сужденіе патріарха. Подчиненіе такому сужденію оставалось все же нравственной обязанностью князей, тѣмъ болѣе для нихъ чувствительной, чѣмъ выше былъ религіозно-нравственный авторитетъ лица, отъ котораго исходило наставленіе.

Разборъ ученія В. И. Сергѣевича о духовныхъ совѣтникахъ князя приводитъ насъ къ заключенію, что никакого государственно-правового института духовныхъ совѣтниковъ не было. Государственно-правовое значеніе имѣлъ лишь освященный соборъ¹⁾, но онъ, подобно думѣ, игнорируется авторомъ въ качествѣ постоянного учрежденія и ставится на одну доску съ любымъ священникомъ, который въ силу своего духовнаго сана былъ будто бы уже и совѣтникомъ государя. Такое смѣшеніе наставнической и обличительной дѣятельности духовенства съ государственной функціей освященнаго собора не можетъ быть принято.

Непріемлемость ученія о духовныхъ совѣтникахъ князя, какъ о публично-правномъ институтѣ, не лишаетъ его однако значенія въ дѣлѣ выясненія той политической сдержки, которую налагала на княжескую, а затѣмъ и царскую власть наставническая и обличительная дѣятельность духовенства. Такая сдержка дѣйствительно выступаетъ въ качествѣ реальной политической силы въ тѣ времена, когда религіи придается преобладающее значеніе, и когда сообразно этому представители духовенства пользуются въ глазахъ всѣхъ особенно высокимъ авторитетомъ. Классическое опредѣленіе характера этой сдержки дано было еще въ первой четверти XVI вѣка (въ 1519 году) политическимъ писателемъ Франціи Клодомъ Сейсселемъ. Религія, училъ Клодъ Сейссель, налагаетъ узду на отправленіе королевской власти въ двоякомъ отношеніи: путемъ непосредственнаго воздѣйствія

1) Государственно-правовое значеніе имѣлъ въ эпоху двоевластія и патріархъ, но не какъ совѣтникъ государя, а какъ государь, соучастникъ верховной власти, носителницей которой являлась „богоизбранная и богомудрая двоица“.

религіознаго закона на личное поведеніе короля и чрезъ обличительную дѣятельность духовенства. Соблюденіе королемъ христіанскаго закона нравственности, хотя бы только для видимости, само по себѣ уже предотвращаетъ его отъ дѣяній тираническихъ. Но если бы король и допустилъ какое либо тираническое дѣйствіе, то въ такомъ случаѣ онъ подлежитъ изобличенію со стороны іерарховъ церкви и даже со стороны любого священника, проповѣдывающаго съ церковной кафедры. Положеніе „христіанинѣйшаго“ короля обязываетъ его считаться съ возможностью церковнаго обличенія, и воспитаніе приучаетъ французскихъ королей серьезно подчинять проявленіе своей власти религіозной сдержкѣ¹⁾. Такими чертами изображалъ Клодъ Сейссель значеніе необходимыхъ и самовольныхъ духовныхъ совѣтниковъ государя и признавалъ такіе порядки исключительнымъ достояніемъ Франціи. Почтенному епископу и государственному мужу не могло конечно прійти въ голову, что подобные же порядки существовали и въ далекой варварской Московіи.

Покончивъ со специальнымъ вопросомъ о духовныхъ совѣтникахъ князя, обратимся къ болѣе широкому общему ученію В. И. Сергѣевича объ отношеніи свѣтской власти къ духовной на Руси. Въ этомъ ученіи В. И. Сергѣевичъ выставилъ и доказалъ нѣсколько въ высшей степени цѣнныхъ положеній, на которыя мы и обратимъ вниманіе.

Здѣсь прежде всего заслуживаетъ быть отмѣченнымъ

1) Claude de Seyssel, La Grand'Monarchie de France, I partie, chap. IX, 2-me éd., Paris 1540, page 13: Or vivant le roy à tout le moins par apparence selon la loy et religion Chrestienne, ne peut guieres faire choses tyranniques, et s'il en fuct quelqu'une, Il est loisible à ung chascun prelat ou à aultre homme religieux bien viuant: et ayant estime enuers le peuple, le luy remonstrer et increper, et à ung simple prescheur le reprendre et arguer publiquement et en sa barbe. Et si ne l'oseroit le Roy bonnement pour cela mal traicter ne luy meffaire, encores qu'il en eust volonté pour non prouoquer la malueillance et indignation du peuple. Ce que n'est en aultre Royaulme que l'on sache à tout le moins de telle sorte. Aussy les Roys sont tellement instruictz et accoustumez à cela de leur enfance par une ancienne obseruance: qu'à peine scauroient ilz estre du tout desvoyez, qu'ilz n'ayent craincte de dieu et reuerance aux prelatz et gens d'eglise bien renommez. — О политическомъ значеніи церковной проповѣди въ это время см. Georges Weill, Les théories sur le pouvoir royal en France pendant les guerres de religion, Paris, 1891, pag. 14.

то положеніе автора, согласно которому свѣтская власть въ древней Руси почиталась ниже духовной и потому ставилась въ подчиненіе послѣдней. Такого рода взаимоотношеніе двухъ властей сложилось вслѣдствіе того, что власть русскихъ князей ставилась ниже власти византійскаго императора, единого царя христіанъ, и что древняя Русь въ церковномъ отношеніи находилась въ подчиненіи не только у константинопольскаго патріарха, но и у византійскаго императора (II, 535—536, 560, 584—585, 643). Свѣтская власть тяготилась этимъ положеніемъ и стремилась свергнуть греческую ферулу. Авторъ тщательно слѣдитъ за постепеннымъ осуществленіемъ этого стремленія и установленіемъ „самодержавія русской государственной власти въ дѣлахъ церкви“ (II, 585—592). Но освобожденіе отъ церковнаго подчиненія Византіи, выразившееся въ измѣненіи порядка поставленія епископовъ, не привело къ коренному видоизмѣненію взаимоотношенія свѣтской и духовной властей. Полагаютъ, что путемъ назначенія митрополитовъ и епископовъ великимъ княземъ было достигнуто полное ихъ подчиненіе свѣтской власти. Авторъ отвергаетъ это мнѣніе и, ссылаясь на факты, справедливо указываетъ, что „и въ XVI вѣкѣ духовная власть брала перевѣсъ надъ свѣтской и на долгое время опредѣляла направленіе нашего законодательства“ (II, 594). Дѣло въ томъ, что духовенство имѣло еще и иную опору для своей независимости, именно, — признаніе личнаго и земельного иммунитета со стороны татаръ. Сославшись на ярлыкъ Кипчакскаго царя Менгу-Тимура 1270—1276 г., В. И. Сергѣевичъ говоритъ: „Съ такимъ ярлыкомъ въ рукахъ русское духовенство не только было независимо отъ мѣстной княжеской власти, но даже ограничивало ее. Не только татарскіе баскаки, но и русскіе князья не могли облагать духовенство повинностями, не могли касаться его водъ и земель, не могли проявлять свою власть надъ его слугами и работниками. Переселеніе митрополитовъ на сѣверъ совпадаетъ съ моментомъ формальнаго признанія полной независимости духовенства отъ русской свѣтской власти... Независимое положеніе, упроченное за духовенствомъ ханскими ярлыками XIII вѣка, служить ему средствомъ въ борьбѣ съ московскими великими князьями даже въ XVI-мъ“ (II, 657—658).

Такое реальное и вполне аргументированное воззрѣніе на взаимоотношеніе свѣтской и духовной властей даетъ В. И. Сергѣевичу возможность показать неправильность мысли о томъ, что на Руси, въ отличіе отъ Запада, не было борьбы между государствомъ и церковью. Мысль эта была высказана вскользь С. М. Соловьевымъ и затѣмъ раздута славянофилами (Древности, II, 656). В. И. Сергѣевичъ тщательно отмѣчаетъ случаи столкновенія духовной и свѣтской властей, имѣвшіе мѣсто до XVII вѣка, какъ по вопросамъ обрядоваго правовѣрія, такъ и по вопросу о неприкосновенности церковныхъ имуществъ (II, 578—584). Двоевластіе, которое въ теченіе XVII столѣтія дважды признавалось формально, изображается В. И. Сергѣевичемъ совершенно правильно не какъ случайное явленіе и не какъ искаженіе самобытныхъ православно-русскихъ началъ, а какъ естественное послѣдствіе того превознесенія духовной власти надъ свѣтскою, которое провозглашалось у насъ съ самаго момента принятія православной вѣры (II, 599, 613). Осужденіе Никона на соборѣ 1667 года было фактической побѣдой царя надъ патріархомъ, но не формальнымъ возобладаніемъ свѣтской власти надъ духовной. Не надо забывать, что соборъ 1667 года судилъ не одного лишь патріарха, а распрію царя съ патріархомъ. „Этотъ судъ“, справедливо замѣчаетъ В. И. Сергѣевичъ, „былъ послѣднимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и величайшимъ актомъ униженія московской свѣтской власти передъ властью духовной — своей и чужой“ (II, 616). „Вѣковой споръ духовной власти со свѣтской былъ разрѣшенъ у насъ только Петромъ Великимъ“ (II, 622).

Не смотря на столкновения и споры, духовная власть оказывала у насъ многообразное содѣйствіе власти свѣтской въ дѣлѣ усиленія послѣдней (II, 623—624). Весьма существенный вопросъ заключается однако въ томъ, какъ далеко проникало это содѣйствіе внутрь русскаго государственнаго роста. По этому вопросу высказываются въ литературѣ мнѣнія, которыя приписываютъ духовенству не только дѣятельное участіе въ утвержденіи единодержавія и самодержавія, но и самую инициативу въ насажденіи на Руси этихъ государственныхъ принциповъ. В. И. Сергѣевичъ вполне основательно опровергаетъ эти мнѣнія. Факты показываютъ, что духовенство не выходило за предѣлы прин-

циповъ договорнаго права князей, на почвѣ котораго не могло создаться единодержавіе; взглядъ духовенства, формулируемый словами: „кому дано что отъ Бога, того не можетъ отнять у него никто“, прекрасно уживался съ многодержавіемъ, такъ какъ одинаково освящали владѣнія и великаго князя, и удѣльныхъ (II, 624—633). „Съ такими взглядами никогда не пришли бы къ единодержавію“, справедливо замѣчаетъ авторъ (II, 633). Что касается второго вопроса, — о насажденіи у насъ духовенствомъ идеи самодержавія, то насажденіе это сводится къ заимствованію идеи самодержавія чрезъ посредство духовенства изъ Византіи. Авторъ совершенно правильно отвергаетъ возможность объяснять возникновеніе и развитіе абсолютизма заимствованиемъ извнѣ его идеи и потому вполне основательно отрицаетъ самый вопросъ. „Наша исторія“, говоритъ В. И. Сергѣевичъ, „ставитъ не этотъ (вопросъ), а совершенно другой, она ставитъ вопросъ о причинахъ постояннаго роста и усиленія у насъ царской власти“ (II, 655). Въ ряду этихъ причинъ находить свое мѣсто и заимствованная изъ Византіи идеологія государственной власти, но мѣсто — ей подобающее въ качествѣ фактора второго порядка, который легитимируетъ и укрѣпляетъ фактическій ростъ, а не создаетъ его.

Разъ зашла рѣчь о постоянномъ ростѣ и усиленіи царской власти, необходимо подчеркнуть высказываемую В. И. Сергѣевичемъ мысль о томъ, что „характеризовать власть московскихъ государей постояннымъ признакомъ абсолютизма на всемъ пространствѣ многовѣкового существованія московскаго государства — едва ли можно“ (II, 646). Приведенная мысль получаетъ болѣшую опредѣленность, если сопоставить ее съ разбросанными въ разныхъ мѣстахъ Древностей указаніями относительно разнаго рода ограниченій власти московскихъ государей. Ограничивали усмотрѣніе московскихъ государей: вольная служба бояръ (II, 382), „мнѣнія и привычки служилаго класса“ (II, 392), право мѣстничества (II, 645), практика земскихъ соборовъ (II, 651), привилегіи духовенства (II, 657—658), соучастіе во власти „великаго государя патріарха“ во время двоевластія, наконецъ, общая публично-правная традиція, или „старина“, ко-
рой не рѣшались нарушать великіе князья и цари. „Мос-

ковскимъ государямъ была чужда мысль, что законъ есть то, что имъ нравится, что онъ есть дѣло ихъ произвола“ (II, 644). Приведенныя ограниченія не перестаютъ дѣйствовать въ различной степени и въ разныхъ сочетаніяхъ на всемъ протяженіи того времени, которое называется періодомъ московскимъ. „И въ XVII вѣкѣ“, говоритъ В. И. Сергѣевичъ, „(власть московскихъ государей) не доходитъ до сознанія своей неограниченности и не считаетъ нужнымъ сдѣлать какое-либо законодательное опредѣленіе своихъ полномочій“ (II, 646). Последнее замѣчаніе автора требуетъ нѣкоторой оговорки. Московскіе государи не дали никакого законодательнаго опредѣленія своей власти не только потому, что не дошли до сознанія ея неограниченности, но также и потому, что опасались, какъ бы законодательная нормировка какой либо изъ сторонъ организаци и управленія верховной власти не стала препятствіемъ къ ея дальнѣйшему усиленію. Такъ толкуетъ образъ дѣйствій московскихъ государей самъ В. И. Сергѣевичъ, когда объясняетъ, почему они не издали указа о недѣлимости государства (I, 85), не установили законнаго порядка престолонаслѣдія (II, 283), и не опредѣлили указами даже дѣятельности своей думы (II, 449). Великіе князья и государи московскіе боялись и избѣгали законодательной регламентации. Они направляли развитіе и усиленіе своей власти по старому руслу обычая: исконная старина никогда не отрицалась ими въ принципѣ; она нарушалась лишь фактически; узурпаціонные акты легитимировались въ силу давности и становились прецедентами для новой, — московской старины; принципъ традиціи оставался такимъ образомъ какъ будто бы неприкосновеннымъ. Замѣтимъ, кстати, что такое отношеніе къ старинѣ проявляли и западноевропейскія единодержавныя государства, возникшія на развалинахъ феодализма, и верховная власть этихъ государствъ направлялась къ достиженію абсолютизма по тому же руслу обычая. Какое значеніе въ этомъ процессѣ принадлежало узурпации, это выяснили еще юристы XVII вѣка¹⁾.

1) См. Charles Loyseau, Du droit des offices, livre II, chap. II, num. 27—28; livre II, chap. I, num. 24; livre II, chap. II, num. 10—11; Traité des seigneuries, chap. I, num. 79—81; chap. II,

Возвращаясь къ вопросу о содѣйствіи духовенства утвержденію единодержавія и самодержавія, укажемъ, что В. И. Сергѣевичъ не отрицаетъ исторической роли духовенства въ этомъ отношеніи, но даетъ ей реальное объясненіе и стремится учесть ея дѣйствительное значеніе. Переселеніе митрополитовъ изъ Кіева во Владиміръ, а затѣмъ въ Москву В. И. Сергѣевичъ объясняетъ стремленіемъ ихъ не къ содѣйствію свѣтской власти въ дѣлѣ государственнаго строительства, а къ болѣе замѣренному и безопасному мѣсту жительства (II, 656—657). Не подлежитъ однако сомнѣнію, что это сожительство митрополитовъ принесло пользу великимъ князьямъ владимірскимъ и московскимъ въ смыслѣ возвеличенія ихъ власти (II, 655). Несомнѣнно также, что духовенство содѣйствовало великимъ князьямъ московскимъ въ дѣлѣ собиранія русской земли, направляя свое вліяніе и духовное оружіе противъ ихъ соперниковъ въ этомъ отношеніи (II, 568—569, 571). Наконецъ, что самое главное, духовенство внесло къ намъ идею божественнаго установленія власти и этимъ много способствовало возвеличенію достоинства свѣтской власти и вознесенію ея на недостижимую высоту (II, 624, 644).

Ученіе о богоустановленности власти, содѣйствуя возвеличенію послѣдней, не содержало въ себѣ, по мнѣнію В. И. Сергѣевича, проповѣди абсолютизма, потому что безусловный абсолютизмъ представляетъ собою явленіе языческаго міра и не совмѣстимъ съ христіанствомъ, которое ограничиваетъ власть монарха необходимостью признанія догматовъ вѣры и церковныхъ канонѣвъ (II, 643—644). Это мнѣніе В. И. Сергѣевича требуетъ поправки. Никто не сомнѣвался и не сомнѣвается въ томъ, что власть христіанскихъ государей, какую бы форму она ни принимала, всегда ограничена закономъ Божественнымъ. Тѣмъ не менѣе говорить, и можно говорить о монархическомъ абсолютизмѣ въ христіанскихъ государствахъ, такъ какъ подъ абсолютизмомъ разумѣется не независимость монарха отъ Бога, а независимость его отъ соучастія во власти аристократическихъ и демократическихъ элементовъ общества. Поэтому вопросъ

num. 24, 86—87; chap. III, num. 46, chap. IV, num. 64; chap. V, num. 38—39, 41—46, 60—62; chap. XI, num. 5; chap. XIII, num. 3.

долженъ быть поставленъ такъ: содержитъ ли въ себѣ идея богоустановленности власти данныя въ пользу монархическаго абсолютизма, или нѣтъ. Разсуждая абстрактно, можно сказать, что идея богоустановленности власти относится безразлично къ формамъ правленія, такъ какъ, по ученію апостола, нѣтъ власти не отъ Бога (Рим.л. XIII, 1). Но конкретное историческое толкованіе апостольскаго ученія принимало двоякую форму: оно или сочетало богоустановленную власть монарха съ разнаго рода ея ограниченіями, подводя юридическую обязанность соблюдать послѣднія подъ религиозную обязанность монарха править не произвольно, но на благо вѣрннаго ему Господомъ народа; или же понимало богоустановленность монархической власти въ смыслѣ исключительной связанности государя обязанностями по отношенію къ Богу и полного отрицанія какихъ бы то ни было ограниченій или даже условій осуществленія монархической власти, которыя исходятъ не изъ прямого божественнаго установленія. Существовалъ, значитъ, такой путь истолкованія ученія о богоустановленности власти, который приводилъ къ идеѣ самодержавія, понимаемаго въ смыслѣ неограниченности, или абсолютизма монархической власти. На этотъ путь сталъ Іоаннъ Грозный. Въ своемъ ученіи о царской власти онъ понималъ богоустановленность власти въ томъ смыслѣ, что ею принципиально исключается возможность ограниченія власти монарха чѣмъ либо инымъ, кромѣ прямого Божественнаго установленія. Само собою понятно однако, что истолкованіе богоустановленности въ смыслѣ абсолютизма монархической власти получало дѣйствительное осуществленіе въ жизни не въ силу логической своей возможности, а при наличности возможности фактической. Іоаннъ Грозный осуществлялъ свою идею монархической власти по отношенію къ боярамъ, но онъ же первый, вопреки своему ученію, допустилъ къ соучаствію во власти земскіе соборы (II, 651) и заручался согласіемъ народа на преслѣдованіе бояръ (II, 649—651).

Вслѣдствіе подчиненія древнерусской церкви церкви греческой русская свѣтская власть представлялась духовенству сугубо ограниченной: и властью патріарха константинопольскаго, и властью византійскаго императора, какъ единого царя христіанъ (II, 643). Паденіе Византіи должно

было усилить авторитетъ московскаго великаго князя въ силу того, что за исчезновеніемъ византійскихъ императоровъ онъ оказывался единственнымъ православнымъ царемъ во вселенной. Это положеніе и привело къ ученію о Москвѣ, какъ о третьемъ Римѣ. Такъ смотритъ на это ученіе В. И. Сергѣевичъ и при этомъ рѣшительно отказывается видѣть въ немъ источникъ для установленія и утвержденія какой либо опредѣленной формы правленія (II, 638, 653). Съ такимъ воззрѣніемъ В. И. Сергѣевича нельзя не согласиться.

Замѣтимъ кстаті, что восточно-европейское ученіе о третьемъ Римѣ, принятое на славянскомъ югѣ и въ Москвѣ, находитъ себѣ весьма поучительную аналогію въ западно-европейскомъ ученіи о движимомъ, или перемѣщающемся Римѣ. Полагаемъ, что для русскихъ историковъ не безинтересно будетъ познакомиться съ этимъ послѣднимъ ученіемъ. Поэтому приводимъ его, — въ томъ видѣ, какъ оно формулировано нѣмецкимъ государствовѣдомъ XVII вѣка Іоанномъ Лимнеусомъ.

Roma etiam duplex est, una, quae immobilis, antiqua, ultim. C. de tempor. in integr. restit. (ita eam appello quia primum hoc nomen coepit), altera mobilis, recentior, ibi consistens, ubi Imperator est, l. ult. C. in quibus causis pignus vel hypotheca; vel quae alio respectu ad dignitatem immobilis primae accedit. Quo sensu Constantinopolis, noua Roma dicta; Arelatum, Ausonio Gallula Roma vocata: Salviano lib. 7. Carthago in Africano orbe, quasi Roma: Capua Ausonio Roma altera. Hedui Sigiberto Celtica Roma; Aquileia quibusdam Roma secunda; Fulgosio urbs Veneta, nova dicta Roma: Toletum, Gothis Roma dicta; Carolus Magnus Aquisgranum novam Romam uocavit et Palatium Lateranense in eadem urbe extruxit: secundum Poëtam

Augustus sedet urbe potens, ubi Roma secunda

Flore nouo ingenti magna consurgit ad astra.

Priori sublata nouam ubique habebis, ubi Imperator est. Sed et habebis Imperium, cum Imperatorem habeas¹⁾.

У насъ принято говорить о византизмѣ власти, какъ о какомъ то самобытномъ восточно-европейскомъ укладѣ

1) Johannes Limnaeus, Juris publici Imperii Romano-Germanici tomus primus, Argentorati. 1629, lib. I, cap. IV, num. 16—17, pag. 19—20.

жизни. Не мѣшаетъ поэтому напомнить, что ученіе о богоустановленности власти со всѣми его послѣдствіями для обоснованія монархическаго абсолютизма является чѣмъ то специально византійскимъ только по мѣсту, изъ котораго оно пришло къ намъ. По существу же ученіе это не представляетъ собою ничего специфически самобытнаго для Византіи и для европейскаго востока. Оно свойственно въ той же мѣрѣ и западу Европы въ соотвѣтственные періоды развитія и проявлялось съ особенною силою и особенною устойчивостью во Франціи. Достаточно указать, что новѣйшіе изслѣдователи усматриваютъ въ идеѣ богоустановленности власти главный источникъ обоснованія абсолютизма французскихъ королей¹⁾. Не мѣшаетъ вспомнить и о духовномъ чинѣ французскаго короля²⁾, представлявшемъ полную аналогію съ Византіей. И во Франціи королевская власть не можетъ быть характеризована постояннымъ признакомъ абсолютизма на всемъ пространствѣ ея многовѣкового существованія.

VII.

Мы окончили разборъ I и II томовъ Древностей русскаго права, — подведемъ итоги.

Въ разсмотрѣнномъ произведеніи мы имѣемъ дѣло съ мастерскою и оригинальною разработкою важнѣйшихъ сторонъ государственнаго строя древней Руси до конца XVII вѣка. Первоначальное изслѣдованіе нѣкоторыхъ изъ этихъ сторонъ и притомъ столь существенныхъ, какъ вѣчевой укладъ и порядки междукняжескихъ отношеній, составляетъ давно уже признанную заслугу В. И. Сергѣевича. Ученіе о государственной территоріи древней Руси впервые получаетъ въ Древностяхъ строго юридическую постановку, благодаря которой автору удалось пролить новый свѣтъ на ростъ московскаго единовѣдства. Въ ученіи о населеніи

1) Joseph Hitier, La doctrine de l'absolutisme, Paris, 1903.

2) A. du Chesne, Les Antiquitez et recherches de la grandeur et majesté des Roys en France, Paris, 1609, livre II, pag 419: Et certes les rois de France n'ont iamais esté tenus purs Laïques, mais ornez du Sacerdoce et de la Royauté tout ensemble. Pour monstrier qu'ils participent de la Prestre, ils sont premierement oingts comme les Prestres, et si ils usent encore de la Dalmatique sous le manteau Royal, afin de tosmoigner le rang qu'ils tiennent en l'Eglise.

авторъ далъ стройную юридическую конструкцію классовъ, разрядовъ и сословныхъ группъ и обогатилъ это ученіе весьма существенно, включивъ въ него систематическую разработку московскихъ дворовыхъ чинцовъ и военной организации, какой до сихъ поръ не было въ нашей историко-юридической литературѣ; произведенное авторомъ изслѣдованіе строя придворной и военной службы даетъ возможность лучше разобраться въ сословной дифференціи населенія въ Московскомъ государствѣ. Благодаря неутомимому и проницательному чтенію текстовъ, авторъ впервые далъ научную постановку разработкѣ вопроса о нѣкоторыхъ разрядахъ населенія, до него почти загадочныхъ, — мы имѣемъ въ виду закладней. Въ ученіи о власти авторъ далъ стройную конструкцію междукняжескихъ отношеній и обогатилъ это ученіе обстоятельнымъ изложеніемъ вопроса о взаимоотношеніи свѣтской и духовной власти въ древней Руси, и опроверженіемъ мнѣнія о механическомъ реципированномъ происхожденіи московскаго самодержавія.

Повсюду мы отмѣчали въ качествѣ особой заслуги разбираемаго автора то, что выводы его неизмѣнно облекаются въ законченныя юридическія конструкціи. Въ сущности говоря, авторъ строго лишь соблюдаетъ требованіе, которое необходимо предъявлять къ историку-юристу. Конструктивно-догматическій элементъ составляетъ вѣдь тотъ отличительный признакъ, по которому и выдѣляется исторія права изъ ряда другихъ разновидностей историческаго изслѣдованія. Несмотря однако на это, указанную специфическую сторону историко-юридическаго изслѣдованія не только мало у насъ культивируютъ, но и плохо понимаютъ. Въ виду этого нельзя не вмѣнить В. И. Сергѣевичу въ заслугу, что его историческія построенія неизмѣнно находятъ себѣ выраженіе въ юридической формѣ¹⁾.

1) П. Н. Миллюковъ упрекаетъ „юридическую школу“ русской исторіографіи въ томъ, что она даетъ юридическую форму, для объясненія которой необходимо изслѣдованіе наполняющаго ее социальнаго матеріала (Русская Мысль, 1886 г., іюнь, стр. 91). Упрекъ этотъ вполне справедливъ по отношенію къ школѣ, которая совершенно игнорируетъ социальный матеріалъ. Но исторія права, какъ специальная разновидность исторіографіи, не игнорируетъ социальнаго матеріала; она опирается на него, изучаетъ явленія права въ условіяхъ социальной среды, но облекаетъ свои выводы въ юридическія конструкціи.

Особенность Древностей составляет антикварная точка зрѣнія ихъ автора. Конечно, эта точка зрѣнія не исчерпываетъ всей сущности историческаго процесса, но она умѣстна и полезна въ видахъ лучшаго выясненія медленности историческаго развитія и долгаго выживанія старыхъ юридическихъ принциповъ въ измѣнившихся условіяхъ общественной среды. Въ послѣднемъ отношеніи Древности даютъ много характерныхъ иллюстрацій къ той „борьбѣ стараго права съ новымъ“, на которую за послѣднее время государственовѣды обратили особенное вниманіе.

Наконецъ, слѣдуетъ указать, что Древности, доходя въ изслѣдованіи отдѣльныхъ вопросовъ до монографической обстоятельности, преслѣдуютъ въ то же время цѣли преподаванія, являясь конечно не учебникомъ или руководствомъ, а частью систематическаго курса науки. Съ этой стороны представляютъ особенную цѣнность подлинныя мѣста памятниковъ, умѣло подобранныя и обильно приводимыя авторомъ. Какъ учебная книга высшаго, такъ сказать, порядка, Древности не имѣютъ ничего равнаго себѣ въ нашей литературѣ.

Полагаемъ, что на основаніи всего сказаннаго можно и должно по справедливости признать третье изданіе I-го и II-го томовъ Древностей русскаго права В. И. Сергѣевича наиболѣе выдающимся за послѣдніе три года (1.VII. 1906—1.VII 1909) произведеніемъ нашей научной литературы по отечественному **праву**, вполне достойнымъ награжденія преміей графа Сперанскаго.